

СЭЙ-СЕНАГОН

ЗАПИСНИ У ИЗГОЛОВЬЯ

ЗАПИСНИ У ИЗГОЛОВЬЯ

СЭЙ-СЕНАГОН

СЭЙ-СЁНАГОН

записки у ИЗГОЛОВЬЯ

Перевод со старояпонского
ВЕРЫ МАРКОВОЙ

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1975

И (Яп)
С95

Предисловие и комментарий
В. МАРКОВОЙ

Оформление художников
И. и В. САЛЬНИКОВЫХ

© Издательство
«Художественная литература», 1975 г.

С $\frac{70304-162}{028(01)-75}$ 195-75

Предисловие

Почти десять веков назад в городе Киото — тогда он назывался Хэйан и был столицей Японии — женщина, известная под именем Сэй-Сёнагон, получила в подарок кипу хорошей бумаги и начала вести на ней свои записки. Они имеют мало общего с летописью или обычным дневником. Хронологический порядок не соблюден. Если восстановить его, то события, о которых идет речь, расположатся прерывистой цепью, начиная с 986 года и кончая тысячным годом нашей эры. Согласно принятой в японской науке терминологии — это середина хэйанской эпохи. Исторически хэйанская эпоха (IX—XII вв.) принадлежит к раннему средневековью.

Книга Сэй-Сёнагон многогранна. Бытовые сцены, анекдоты, новеллы и стихи, картины природы, описания придворных торжеств, поэтические раздумья, острые зарисовки обычаев и нравов, «ума и сердца горестные заметы», чередуясь, контрастно оттеняют друг друга.

«Записки у изголовья» — богатейший источник информации. Этот «репортаж из глубины веков» содержит множество красочных и детальных сведений. Он ведется пронизательным и зорким наблюдателем и создает эффект соприсутствия, как бы снятая четвертугольная стена. Далекое, почти легендарное прошлое теряет свою музейную застылость и наполняется теплой жизнью.

Надо полагать, творческий замысел книги вызревал постепенно, пока она не приняла свой неповторимо оригинальный облик.

«Эту книгу замет обо всем, что прошло перед моими глазами и волновало мое сердце, я написала в тишине и уединении моего дома, где, как я думала, никто ее никогда не увидит».

Словами сожаления о том, что потаенная рукопись волею случая все же стала известна людям, завершила Сэй-Сёнагон свои прославленные «Записки у изголовья».

Название книги не принадлежит автору, оно было закреплено за ней путем отбора, как самое удачное, в последующие века. «Записки у изголовья» (по-японски «Макура-но соси») — так именовались в старину и тетради для личных замет, и сами эти заметы. В твердом японском изголовье иногда устраивался выдвижной ящичек, где можно было спрятать от чужих глаз письмо или тетрадь.

Возле изголовья, в глубине своей опочивальни, Сэй-Сёнагон могла свободно, с неслыханной для женщины смелостью, писать о том, чему она явилась свидетельницей. В «Записках у изголовья» действуют не вымышленные герои, а исторические лица, под их настоящими именами. Некоторые из них после очередного дворцового переворота подверглись опале. Это придавало книге особую остроту. Люди той эпохи, читая между строк, понимали, что на блестящих торжествах уже лежит темная тень грядущих событий и что главные действующие лица, упоенные жизненным успехом, в сущности, обречены.

С юмором, подчас едким, Сэй-Сёнагон изображает комедию двора и комедию куртуазной любви, иногда как бы пародируя модные романы своего времени. Она мастер мгновенного портрета, несколько штрихов — и сходство схвачено. Куртизаны и чиновники, слуги и монахи, придворные дамы и нищенки, — на страницах ее записок каждый говорит своим языком и играет свою характерную роль.

Для такой книги нужно было покрывало тайны, хотя бы прозрачное, вроде той вуали, которую спускали хэйанские женщины с широких полей своей шляпы.

Но в самом ли деле Сэй-Сёнагон не хотела, чтобы ее записки когда-либо нашли читателя? Или, вернее, оберегала внутреннюю свободу, неотъемлемое право художника распоряжаться как угодно в своем собственном поэтическом хозяйстве?

«Пишу для себя» — хорошее средство самозащиты против мелочной критики эстетов и мстительных обид людей, которых Сэй-Сёнагон имела дерзость высмеять.

«Мои записки не предназначены для чужих глаз, и потому я буду писать обо всем, что в голову придет, даже о странном и неприятном».

Смело нарушая общепринятые каноны изящного, эстетические запреты своего времени, Сэй-Сёнагон наряду с картинами, исполненными высокой поэзии, не боялась показать пестрый сор будничного быта: рисовый крахмал, размокший от воды, циновку с потрепанными краями... Частая смена планов, чередование высокого и низкого, создает ощущение полноты жизни и достоверности изображения. Помпезное дворцовое зрелище неожиданно завершается потасовкой нищих.

«Записки у изголовья» — не исповедь. Не приглушенный разговор с самим собой. Все богатейшие изобразительные средства, которыми великолепно владела писательница, поставлены на службу главной цели: они призваны воздействовать на читателя, обращены к нему и вне общения с ним так же не имели бы смысла, как мост, который вместо того, чтобы соединить два берега, был бы доведен только до середины реки.

Книга Сэй-Сёнагон, как и вообще японское искусство, не терпит торопливости, бездумного скользящего по поверхности. Творчество и его последующее восприятие, согласно японской эстетике, — нерасторжимое единство. Прекрасное создание искусства как бы ищет того, кто способен к сотворчеству, и лишь перед ним раскрывается до конца.

В своих записках Сэй-Сёнагон широко распахивает перед нами дверь в удивительный и своеобразный мир древней Японии. Он предстает перед нами живым, его видишь и слышишь в быстрой смене беглых картин и эпизодов, полных комизма или высокой поэзии. Мир этот густо населен цветами, деревьями и птицами, в нем есть место и для звездного неба, и для маленького сверчка. В то же время он очень человеческий. Круг женских интересов четко очерчен. Мы видим детские игры, кружок сплетниц, разлуку с возлюбленным на заре...

Это вещный мир. В нем столько вещей, словно Сэй-Сёнагон ведет инвентарь эпохи. Но каждый предмет (пусть даже он только назван по имени) сразу становится художественной деталью общей картины.

Сэй-Сёнагон — великий мастер слова. Искусство ее сродни японской школе живописи ямато-э и черпает в ней источник вдохновения. Она словно разворачивает перед читателем длинный горизонтальный свиток, из тех, которые были так любимы в ее время. Каллиграфически написанный текст на свитках эмакимоно — сам по себе праздник для глаз — сопровождался цветными рисунками.

Сэй-Сёнагон обдуманно, с тончайшим расчетом, пользуется изобразительными средствами живописи и сама говорит об этом:

«Казалось, она (государыня) сошла с картины», «Это напоминало картину на ширмах».

Читатель должен мысленно увидеть то, что с таким замечательным искусством показывает ему Сэй-Сёнагон, и не просто увидеть, но и разделить с ней радость созерцания прекрасного.

В «Записках у изголовья» много психологических этюдов. Отправной момент для анализа — человеческое чувство в его сложных противоречиях, часто неподвластное разуму, непокорное догмам. Осознана и утверждается своя творческая и человеческая индивидуальность. Осознана и оспаривается неравноправность глубоко и тонко чувствующей женщины, запертой в отдаленных покоях дома.

Книга Сэй-Сёнагон — полифонический оркестр, в котором каждый инструмент имеет свой тембр, свою окраску, свою партию, но вместе они исполняют единое произведение. Многие части в нем звучат празднично, мажорно.

Но снова и снова повторяется и варьируется на разные лады приглушенный лейтмотив недолговечности счастья, неотвратимой беды и людской несправедливости.

* * *

«Записки у изголовья» — одно из самых любимых и замечательных творений японской классической литературы. Книга эта не переставала восхищать и радовать многие поколения читателей. Она оказала огромное влияние на японскую литературу и в наши дни получила мировую известность.

Чтобы такая книга могла возникнуть, японская литература уже должна была пройти длинный и трудный путь. В «Записках у изголовья» найдены новые принципы композиции и художественного изображения на основе творчески воспринятых традиций. Весь образный строй книги тесно связан с духовной и материальной культурой хэйанской эпохи.

Культура хэйанской эпохи — явление сложное и своеобразное. В ней причудливо сплавились элементы, восходящие к глубокой древности, когда искусство было еще общенародным, с утонченной эстетикой, необычайно рафинированным культом красот. Любование красотой во всех ее возожных гранях становится мироощущением образованных людей господствующего класса и во многом формирует стиль искусства. Быстро достигнув расцвета, прекрасная, но слишком хрупкая культура хэйанской эпохи уже в одиннадцатом веке проявляет некоторые опасные симптомы упадка. С крушением хэйанской аристократии культура эта частично погибает или вынуждена трансформироваться.

Блистательная проза, изысканная поэзия, созданные Сэй-Сэнагон и другими талантливыми женщинами Хэйана, отличаются совершенством стиля и филигранной утонченностью. В «Записках у изголовья» мы находим эстетическое кредо эпохи, разработанное до мельчайших деталей.

Необычайно скорое вызревание столь высокой культуры в недрах раннего средневековья представляет собой любопытный исторический феномен, который требует объяснения, хотя бы в самых общих чертах.

Японская культура молода по сравнению с великими цивилизациями Китая, Индии, Ирана, Греции и Рима, и отношение у нее к ним преемственное: ученика к учителям.

Близость японских островов к Евразийскому континенту содействовала обогащению и ускоренному развитию своей отечественной культуры. Япония в древности была открытой страной. Она поддерживала интенсивные торговые и культурные связи с материком. Море защищало ее от иноземных вторжений. Время кровавых феодальных междоусобиц еще не наступило, и в стране царил относительный мир.

В течение первого тысячелетия нашей эры, особенно во второй его половине, со все возрастающей скоростью шел процесс усвоения «заморской культуры». Она была постепенно переработана самобытным гением японского народа, содействовала развитию социальных отношений, агрикультуры, ремесел и неотъемлемо вошла в быт, обычаи, верования, искусство древней Японии. Эта «заморская культура» состояла из многих компонентов, заимствованных в разное время, у разных народов. Поэтому дать ей общее собирательное наименование можно только условно.

По великим торговым путям, пересекавшим всю Центральную Азию, предприимчивые купцы везли товары из западных стран на восток, в Китай, а оттуда морским путем в Японию — последнее звено длиннейшей цепи.

Древняя Япония не была отторжена от мировой культуры, приобщение к ней являлось творческим созидательным процессом. Японские умельцы переняли от приезжих корейских или китайских мастеров секреты высокого мастерства, но не стали рабски копировать чужие образцы. Вот почему искусство раннего средневековья так неповторимо своеобразно.

Японское государство в значительной мере сформировалось под непосредственным влиянием своих континентальных соседей — феодальных государств Силла в Корее и империи Тан в Китае. Влияние их, как своего рода катализатор, стимулировало и ускорило ход общественного развития в Японии, где уже сложились социально-исторические предпосылки для перехода от родового

строю к раннему феодализму. Стремясь сосредоточить всю полноту власти в своих руках, правительство в седьмом и восьмом веках провело ряд реформ. Ориентиром и образцом для них послужила танская империя (618—907 гг.).

Индийская мифология, индийское искусство, проникшие в Японию вместе с буддизмом, принесли с собой сокровищницу поэтических образов и дали могучий толчок народному воображению. Народная мифология, сказочный фольклор Японии, японское изобразительное искусство крепко и органично впитали в себя индийские образы и наполнили их подлинно японским содержанием.

Первой постоянной столицей Японии в 710 году стал город Нара. В нем и сейчас еще можно увидеть древнейшие буддийские храмы и статуи.

В конце восьмого века было решено по политическим соображениям перенести столицу из Нары в другое место. Новую столицу — Хэйан (что значит «Мир и спокойствие») — начали строить строго по плану в живописной долине среди гор. Были проложены прямые и широкие улицы.

Хэйан должен был соперничать великолепием со знаменитой столицей танской империи Чанъань. При дворе с большой помпой совершались «китайские церемонии». Так впоследствии дворы многих европейских королевств ввели у себя виртуозно разработанный этикет Мадрида времен Филиппа II, Версаля времен Людовика XIV.

Из Китая была заимствована конструкция правительственного аппарата, слишком громоздкая для молодой Японии, с целой пирамидой министерств, департаментов, канцелярий и ведомств. Во главе стояли канцлеры и регенты из правящей северной ветви рода Фудзивара, постепенно, разными хитроумными способами прибравшие к своим рукам власть в стране и огромные богатства. Это они раздавали кому хотели земельные надель. Продвижение на службе зависело лишь от протекции. Введен был табель о рангах, от первого (главный министр) до восьмого (всякая медкая сошка). Расплодились синекуры. Часто звания и титулы были только почетными и не налагали никаких обязанностей.

Родовая знать хлынула в столицу, поближе к императорскому двору. На верхних ступенях лестницы шла борьба за власть. На ступенях пониже стремились получить повышение в ранге, почетное звание или хотя бы хлебное местечко где-нибудь в провинции. Сэй-Сёнагон часто описывает такие сцены.

Аристократия (кидзоку) стала вести паразитический образ жизни. Аристократы не воевали, хотя и служили в гвардии, оружие было для них парадным украшением или магическим сред-

ством: злые духи якобы боялись обнаженного меча или звона тетивы.

Основной ценностью в стране считался рис. Главным источником доходов для аристократов служили поместья (сээн), но владельцы земель чаще всего не жили в своих поместьях и поручали надзор за ними управляющим, хотя в записках Сэй-Сэнагон можно найти описание визита к сельскому помещику из старинного рода.

Подобный абсентеизм медленно, но верно подтачивал господство хэйанской аристократии и в будущем оказался одной из причин ее конечного поражения в войне с сильными феодалами. Во времена Сэй-Сэнагон погибла лишь одна веточка правящего рода Фудзивара, но отдельные нотки печали, проскальзывающие в «Записках у изголовья», как бы предвзвешивают тот мощный похоронный звон, который будет звучать в более поздних средневековых произведениях, повествующих о гибели хэйанской эпохи.

* * *

Духовная культура господствующего класса — хэйанской аристократии — развивалась в условиях, благоприятных для литературы и искусства. Высоко ценилось классическое образование в китайском духе. Оно открывало доступ к чинам — так, во всяком случае, гласила буква закона.

Китайский язык стал играть в Японии ту же роль, что и латинский в средневековой Европе. Он служил целям просвещения и делопроизводства. Через него приобщались к сокровищам китайской художественной литературы, истории и философии. Были учреждены университет и школы, где изучались китайские классические книги, танское законодательство и начала математики, защищались диссертации и присваивались ученые звания.

Великие китайские поэты, и в первую очередь Бо Цзюй-и (772—846 гг.), были известны всем образованным людям, как в Европе Гораций или Вергилий. Любимейшие китайские стихи в японском переложении были, что называется, «на слуху» даже у простых людей. Их исполняли на улицах как городские романсы.

Но японская художественная литература раннего средневековья сохранила свою неповторимую самобытность, несмотря на мощное влияние Китая, Кореи, Индии. Она выросла на народной почве, что не трудно обнаружить, прослеживая генезис куртуазной поэзии и куртуазного романа.

В эпоху Нара (VIII в.) с помощью китайских иероглифов удалось записать древние японские мифы и предания, народные песни и стихи поэтов. Так возникли величайшие литературные памятники древней Японии: «Кодзики» («Летопись древних деяний») и антология «Манъёсю» («Собрание мириад листьев») ¹. В антологии «Манъёсю» живет могучая песенная стихия, прекрасный мелос тех времен, когда поэзию творил еще весь народ.

Прославленное японское пятистишие — танка — восходит к народной песне. Оно пронесло сквозь века свою изначальную форму, основные принципы японского стихосложения и японской поэтики, совершенствуя их и шлифуя, соединяя музыку стиха с утонченной образностью.

В 905 году появилась антология японской лирики «Кокинсю» («Собрание старых и новых песен»). Для последующих поколений стихи «Кокинсю» стали каноном и образцом высокой поэзии.

Когда на основе курсивного иероглифического письма была создана в девятом веке слоговая азбука (канá), японская художественная литература стала доступной для женщин. Лишь очень немногие из них получали в семье китайское классическое образование, но зато им вменялось в обязанность выучить наизусть все двадцать томов «Кокинсю» и изящно писать японские знаки.

В десятом веке появилось много японских популярных романов с увлекательной фабулой. Женщины, скучавшие в своем затворничестве, зачитывались ими до самозабвения. Сэй-Сёнагон приводит длинный перечень романов, от большинства из них остались только названия.

В «Записках у изголовья» изображен горячий спор, разгоревшийся среди придворных дам по поводу модной тогда новинки — романа «Дуплистое дерево» («Удубо-моноктари»).

Ранние хэйанские романы были насыщены сказочными фольклорными мотивами, но в них находили себе место и точные жизненные наблюдения. Так постепенно подготавливалась почва для большого реалистического романа.

Японские женщины раннего средневековья — не только потребительницы и судьи отечественной литературы, но и лучшие ее творцы. Именно они создали блистательную хэйанскую прозу. Среди них насчитывалось немало превосходных поэтесс. Все жанры хэйанской прозы обязательно включали в себя стихи.

Интелектуально рождались разные прозаические жанры. Дневники (никки) имели тенденцию превратиться в лирическую повесть — о своей жизни и любви. Таков написанный в десятом

¹ «Манъёсю». Перевод с японского, вступительная статья и комментарии А. Е. Глускиной. М., «Наука», 1971. В 3-х томах.

воде «Дневник летучей паутины» («Кагэро-никки»). Женщина, автор этого дневника, именуется «Матерью Митицуна», — собственного имени ее не сохранилось. На исходе века пишутся «Записки у изголовья», а в начале одиннадцатого века современница Сэй-Сэнагон, придворная дама Мурасаки-Сикибу, создает один из величайших романов мира — «Гэндзи-моногатари» («Повесть о припеде Гэндзи»). Список прекрасных литературных творений, созданных женщинами Хэйана, можно бы продолжить.

Мужчины не считали зазорным для себя слагать танки, это было освящено традицией, приносило славу и почет; все огромное поле японской художественной прозы было оставлено женщинам: мужчине полагалось писать на китайском языке.

Для того чтобы появилась целая плеяда замечательных писательниц, нужны были особые исторические условия. Женщина в хэйанскую эпоху еще не вполне утратила независимое и почетное положение, которым она пользовалась при родовом строе. Императрицы охотно собирали в своих литературных салонах талантливых женщин из низших, небогатых слоев аристократии. Хорошо начитанные, с тонко развитым эстетическим вкусом, придворные дамы имели больше возможности наблюдать жизнь, чем запертые, по обычаю, в четырех стенах матери семей. Сэй-Сэнагон предпочла придворную карьеру замужеству, но при дворе она не совсем «своя», знатные дамы не доверяли ей, считали выскочкой и при случае старались унижить и оскорбить. Именно некоторое отчуждение, зоркий взгляд со стороны и помогали ей лучше увидеть комедию двора.

Как полагают японские исследователи, Сэй-Сэнагон родилась в 966 году. Следует сразу же оговориться, что реконструкция ее биографии во многом строится на догадках, гипотезах и не вполне достоверных данных.

Мы не знаем в точности, когда родилась Сэй-Сэнагон и как ее звали. В семейные родословные вписывали только имена сыновей. Происходила она из довольно знатной, но захудалой семьи Киёвара. Сэй-Сэнагон — ее дворцовое прозвище. Фамилия Киёвара писалась двумя иероглифами. Сэй — односложное китайское чтение первого из них — играет роль отличительного инициала перед званием сэнагон (младший государственный советник). В применении к женщине — это пустой, лишенный смысла титул, один из тех, что давали фрейлинам невысокого ранга.

Члены семьи Киёвара не выдвинулись на служебном поприще, зато отличались талантами. Фукаябу, прадед Сэй-Сэнагон, и отец ее Мотосукэ (908—990 гг.) были в свое время известнейшими поэтами, но занимали они мелкие, не доходные должности.

Мотосукэ бывал рад, если ему при помощи протекции удалось получить пост правителя провинции. Обычно провинциальные чиновники (дзурё) оставались на таком посту года четыре, много шесть, а потом приходилось долгие годы вновь ждать назначения.

Мотосукэ было уже под шестьдесят, когда родилась младшая дочь — будущая Сэй-Сёнагон. Возможно, что раннее детство она провела вместе с отцом в провинции.

В семье жили литературными интересами, любили музыку. Девочка получила неплохое образование, даже познакомилась с китайскими классиками.

Японское поэтическое искусство она, несомненно, изучила очень глубоко, во всех его тонкостях под руководством своего отца.

Каждая образованная девушка умела в те времена сочинить к случаю танку. Но от дочери Мотосукэ ждали большего: подлинной высокой поэзии, и это впоследствии доставило ей немало страданий.

Слушая в буддийских храмах «проповеди для мирян», Сэй-Сёнагон с юности приобщалась к большому миру индийской религиозной философии и образности. Она читала и учила наизусть священные книги, в первую очередь Сутру лотоса. Но вместе с тем буддийские верования, как можно заметить, не занимали значительного места в ее интеллектуальной и духовной жизни. Сэй-Сёнагон восприняла, конечно, в готовых формулах общепринятые буддийские догмы о перевоплощении души, о карме — неизбежном возмездии за дурные дела и награде за добрые поступки в этой жизни или будущих рождениях. Через буддизм сильнее ощущалась непрочность всего земного, это парадоксально обостряло наслаждение жизнью и служило одним из источников поэтических вдохновений.

В храмах она любовалась красивыми обрядами и пронзительно подмечала смешное: проповедника, который вдруг воодушевляется, увидев знатную особу, а среди прихожан — отставного чиновника, пришедшего в храм развеять скуку, молодых людей, ищущих любовных походов.

Для хэйанских аристократов характерно двоеверие: они соединяли в один колоссальный пантеон «мириады богов» исконной японской религии синто с буддийскими божествами и всеми древними индийскими богами. Было в обычае выполнять обряды и буддийские и синтоистские, которые превращались при этом в систему защитной магии.

Процветали всевозможные мистические толки и суеверия, гадания и шаманство. Болезнь считалась наваждением злого ду-

ха, и к страждущему призывался не врач, а заклинатель. Сэй-Сёнагон неоднократно возвращается в своих записках к описанию сцен, разыгрывавшихся у постели больного.

Как человек своей эпохи, она верила во все, во что принято было верить, но центральное место в ее духовной жизни занимал творчески воспринятый культ красоты. В Дни поминования имен Будды Сэй-Сёнагон слушала светский концерт: «О, я знаю, грех мой ужасен... Но как противиться очарованию прекрасного?»

В 981 году (?) Сэй-Сёнагон, как думают некоторые ее биографы, вышла замуж за некоего Татибана Норимицу, чиновника невысокого ранга, и вскоре родила сына. Брак оказался неудачным, супруги расстались. В 993 году (?) Сэй-Сёнагон — ей уже было под тридцать — поступила на придворную службу, в свиту императрицы Садако. Той было всего семнадцать лет. Садако — центральный персонаж «Записок у изголовья» — наделена красотой и тонким умом. У нее в высокой степени присутствует столь ценный в Хэйане дар мгновенно откликаться на любой поэтический намек. Она — добрая госпожа. Повесть о ней проходит сквозь всю книгу, но внутренняя связь событий нарушена и прослеживается нелегко. О многом Сэй-Сёнагон просто не смеет говорить, но современникам был ясен трагический подтекст рассказа о недолгих днях величия и славы императрицы и ее близких.

Садако, старшая дочь всеильного канцлера Мититака, была четырнадцати лет от роду выдана замуж за мальчика — императора Итидзё. Фудзивара всегда поставляли жен в императорский гинекей. Итидзё тогда едва исполнилось десять лет. Подлинные властители — Фудзивара предпочитали видеть на престоле совсем юных, послушных им во всем императоров. Строптивного монарха всегда можно было заставить отречься от престола и принять иноческий сан.

На страницах записок часто фигурируют Корэтика и Такаизэ, старшие сыновья канцлера, осыпанные его милостями. В начале 995 года Мититака выдал замуж свою вторую дочь за наследника престола. Состоялись великолепные торжества. Но неожиданно канцлер тяжело заболел. Поручив ведение всех дел старшему сыну Корэтика, как своему наследнику, он, по обычаю, подал в отставку. Вскоре он скончался.

Между сыновьями покойного канцлера и братом его Митинага вспыхнула борьба за власть. Телохранители и слуги враждующих партий устраивали кровавые драки на дорогах. Заклинатели предали Митинага страшным проклятиям, но это не помешало ему одержать победу над своими противниками. Корэтика и брата его Такаизэ сослали в дальние провинции. Однако вскоре Корэтика тайно вернулся в Хэйан, чтобы проститься с умирающей

матерью. Его застигли в покоях императрицы Садако и вновь отправили в изгнание.

Звезда Садако закатилась. Императрицу постригли в монахини, и, хотя ее супруг все же не захотел с ней окончательно расстаться, с тех пор она попала в немилость. В довершение всех несчастий сгорел ее дворец, и Садако пришлось искать приюта то в чужом доме, то в разных служебных постройках. Об этом много говорится на страницах записок. Опальная императрица становится как бы поэтическим образом печальной, отверженной красоты.

Для самой Сэй-Сёнагон наступили тяжелые дни. Дамы из свиты Садако обвинили Сэй-Сёнагон, будто бы она в тайном сговоре с врагами из лагеря нового канцлера, и ей пришлось на время удалиться в свой дом. Сэй-Сёнагон глубоко и остро переживала всеобщую недоверчивость к ней, наветы и обиды. Ведь за душой у нее ничего не было, кроме таланта. Как она замечает, *соловьи не водятся в дворцовых рощах*. Много веков спустя это же скажет Г.-Х. Андерсен в своей сказке «Соловей».

В конце 1000 года императрица умерла родами, оставив троих малолетних детей. Их разобрали родственники, и Сэй-Сёнагон, как думают, покинула службу при дворе.

Согласно некоторым не вполне достоверным сведениям, Сэй-Сёнагон пришлось выйти замуж за провинциального чиновника и уехать с ним куда-то в глушь. У нее родилась дочь Кома, будущая поэтесса. Но потом Сэй-Сёнагон рассталась с мужем. Где она ютилась в старости? Два ее брата трагически погибли. По слухам, она постриглась в монахини.

Рассказывают, что один путник увидел жалкую хижину, откуда высунулась изможденная старуха и крикнула: «Почем идет связка старых костей?» Догорающая жизнь стала страшной гротескной легендой. Могилу Сэй-Сёнагон показывают в нескольких провинциях, подлинное место захоронения неизвестно.

По-настоящему мы знаем о Сэй-Сёнагон только то, что она вольно или невольно рассказала в своих записках о самой себе.

Сэй-Сёнагон, по собственному признанию, была не слишком красива, недаром художник, изобразивший ее на рисунке в одной из средневековых антологий, не показал нам ее лица. Она сидит, повернувшись спиной, и держит в руках веер.

Зато она первенствует в состязаниях на быстроту ума и в поэтических играх и не прочь этим при случае похвалиться. Сэй-Сёнагон говорит о своих небольших светских победах в преувеличенно восторженном тоне, и становится понятным, как, в сущности, непрочно было ее положение при дворе. К низшим она отнесится с пренебрежением и, отгораживаясь от всего престона-

родного, даже утверждает, что в глаза не видела, как растет рис на поле. Она хочет казаться тем, чем никогда не была,— придворной дамой высокого ранга,— но на каждом шагу терпит унижения.

Колючая, ироничная, честолюбивая, Сэй-Сэнагон нажила себе много врагов и страдала от этого, она впечатлительна и ранима: «Странная вещь — сердце, как легко его взволновать!»

Но самое главное в ней — острая наблюдательность, жадность до жизненных впечатлений. Она сама удивляется своему ненасытному любопытству.

Сэй-Сэнагон любит все, что носит на себе печать своеобразия в природе и в повседневном быту. Для нее характерны постоянные поиски индивидуального. Стремление выделиться из однообразной толпы ограниченных, самодовольных женщин, выделиться, закрепиться, создать свою судьбу — это ведь форма борьбы за существование. Но в Сэй-Сэнагон живет и чисто женское материнское начало: любовь к детям, ко всему малому, слабому.

* * *

«Записки у изголовья» состоят из многих повествовательных единиц разной длины, иногда предельно коротких. Каждый такой компонент именуется по-японски «дан» (ступень). Авторским текстом мы не располагаем, а в дошедших до нашего времени старинных списках число данов неодинаково — в среднем их около трехсот,— и расположены они по-разному.

Помимо неизбежных ошибок переписчиков, исправлений непонятного и пропусков, творение Сэй-Сэнагон не избежало в веках непрошеного «сотрудничества». Книга, состоящая из отдельных записей, особенно легко поддавалась перекройке. Это задало текстологам множество загадок.

Какова была первоначальная архитектоника книги? Были ли материал классифицирован по рубрикам, как это имело место в поэтической антологии «Кокинсю»? Или заметки следуют одна за другой в пестром беспорядке, так, как их писала Сэй-Сэнагон,— «...под вечер, когда || Перо по книжке бродит»? ¹

Последнее предположение вернее. Родился новый самобытный жанр японской прозы — дзуйхицу («вслед за кистью»). Принцип жанра — полная свобода писать, не сообразуясь с каким-нибудь планом, вне рамок заданной фабулы, как бы следуя за пером (в Японии, конечно, за кистью). Жанр этот оказался очень плодотворным. Он не имеет полной аналогии в мировой литера-

¹ Пушкин. К моей чернильнице.

туре. Иногда его определяют как эссе. Пожалуй, ближе всего к нему записные книжки и дневники писателей.

Однако, быть может, пестрый хаос заметок только кажущийся и книга построена с сознательным расчетом большого мастера? Открывает ее знаменитый дан («Весною — рассвет»), который можно назвать программным для эстетических взглядов Сэй-Сёнагон. Замыкает книгу эпилог, в котором рассказана история ее создания. Некоторые даны сцеплены по смыслу или ассоциации. Это позволяет хотя бы гипотетически определить изначальную архитектонику «Записок у изголовья».

Обычно даны по их характеру подразделяют на три разных рода: «перечисления», рассказы о пережитом и собственно дзуйхицу (разные заметы).

Так называемые перечисления — оригинальная особенность книги. Они позволяют сопоставить по ассоциации (часто неожиданной) и по контрасту явления окружающего мира или человеческие чувства.

Исследователи обычно указывают, что идею перечислений Сэй-Сёнагон заимствовала у китайского писателя Ли Шан-ина (813—858)¹. Действительно, его изречения собраны в серии под обобщающими заголовками. Он умело пользуется эффектом неожиданности, соединяя далекие между собой вещи и события.

Сэй-Сёнагон заметила богатые возможности, которые дает цепь перечисления и для сатиры, и для изображения быта, и для психологического анализа.

Сопряженные между собой в перечислениях слова, обозначающие предметы или явления, получают особую дополнительную окраску, особое звучание. Обобщающий заголовок точно фиксирует то или иное чувство или настроение, которое должно возникнуть у читателя.

Умело разработана поэтическая топонимика. Название местности заставляет вспомнить легенду, стихи или песню. Возвышенное сталкивается со смешным или курьезным. Иногда собственные имена соединяются так, что возникает короткий диалог или миниатюрная сцена.

В «Записках у изголовья» приводится много народных преданий, поверий и легенд. Хэйанская аристократическая элита не могла полностью отгородиться от народного творчества, оно подстилало весь быт, всю поэзию, зрелища и обряды. Вот почему, несмотря на иноземные влияния, хэйанская литература осталась такой своеобразной, такой чисто японской.

¹ «Китайская литература». Хрестоматия, т. 1. М., Учпедгиз, 1959, с. 409—416.

В записках немало рассказов о пережитом. Исследователи думают, что книга Сэй-Сёнагон именно с них и началась. Это бытовые сцены и небольшие новеллы. Некоторые — таких очень мало — относятся к тому времени, когда Сэй-Сёнагон еще не служила в свите императрицы, но большинство из них — своего рода дворцовая хроника. Сэй-Сёнагон предстает перед нами как смущенный новичок, как опытная фрейлина и, наконец, как усталая, надломленная женщина.

Лирические поэмы в прозе, созданные Сэй-Сёнагон, прославлены в японской литературе. Сжатые, лаконичные — ни одного лишнего слова, — они необычайно картинны и музыкальны и, апеллируя к внутреннему зрению и слуху читателя, стремятся разбудить в его душе глубокое лирическое волнение.

Как стихотворец Сэй-Сёнагон гораздо слабее. В составе «Записок у изголовья» шестнадцать ее собственных танок. «Экспромты на случай», они примечательны только игрой слов и остроумием. До нас дошел также небольшой поэтический сборник — «Стихи Сэй-Сёнагон». Современники не включали Сэй-Сёнагон в число знаменитых поэтов, и позже оценка эта не изменилась.

Но Сэй-Сёнагон подняла лирическую прозу на высоты поэзии. Она великолепно рисует картины природы. Лирика Японии с самых ее исконных народных истоков была во все времена тесно связана с жизнью природы. Пейзаж в круговороте времен года не только служил богатейшим источником метафор для того, чтобы изобразить разные состояния человеческой души, но рождалась и «обратная связь»: пейзаж настраивал на особый лад.

Человек находился в гармонии с природой. Иногда возникал контраст, мучительное противоречие, например, между старостью, знающей, что молодость невозвратима, и весной вечно обновляющейся природы.

Самый первый дан в «Записках у изголовья» оказал глубокое влияние на литературу и эстетику Японии. Быстро сменяя друг друга, возникают картины четырех времен года. Поэтические образы очень глубоки. В них раскрывается перед нами философия красоты, присущая хэйанской эпохе.

Сэй-Сёнагон дифференцирует разные типы красоты и говорит в своей книге о красоте возвышенной, вызывающей священный трепет, о красоте утонченно-изящной, о печальной красоте, о необычайной, оригинальней красоте, о красоте, которую можно назвать заурядной, и т. д. Обычно эти оценочные слова эмоционально окрашены и замыкают собой живописную картину.

Высший род гармонической красоты — «моно-но аварэ». Он вызывает глубоко лирическое чувство, окрашенное печалью. С ним тесно связано философское раздумье о непрочности

бытия. Влияние китайской поэзии здесь особенно заметно. Но элегическая лирика моно-но аварэ до крушения Хэйана еще лишена напряженного трагизма, который звучит, например, в стихах поэта двенадцатого века Сайгё, посетившего «сей мир в его минуты роковые».

Особенно часто в «Записках у изголовья» повторяется слово «окаси» (прекрасный). Это красота, вызывающая радостное удивление своей оригинальной неповторимостью. При всей своей прелести она лишена глубины моно-но аварэ. Сэй-Сёнагон, наделенная большой зоркостью и юмором, умела найти необычный угол зрения. Такие поиски свойственны японскому искусству — изобразительному и поэтическому. Во все века они тесно переплетались между собой.

* * *

Изучать творение Сэй-Сёнагон начали позже, чем роман «Гэндзи-монogatари», оттого, возможно, что в «Записках у изголовья» изображены люди, попавшие в опалу. Много драгоценного времени было потеряно, и в руках средневековых комментаторов оказались только поздние противоречивые списки.

Главными из них считаются четыре. В двух списках материал классифицирован, в остальных расположен в свободном беспорядке — по принципу дзуйхицу. Одна из версий типа дзуйхицу была опубликована в 1674 году известным поэтом и исследователем древней японской литературы Китамура Кигин (1624—1705). Это издание сопровождалось ясным и хорошим комментарием, долго служило основой последующих публикаций и было широко использовано для учебников и хрестоматий.

В конце тридцатых годов нашего века был найден новый вариант «Записок у изголовья», гораздо более достоверный и разрешивший многие сомнения. Теперь его считают главным. Вариант, опубликованный Китамура Кигин, занял второе место, как подсобный материал для сверки и дополнений.

Наш перевод «Записок у изголовья» базируется на новом варианте.

В основу перевода положен текст «Записок у изголовья», изданный в серии «Японская классическая литература», т. 19. Редакция и примечания Икэда Кикан и Кисигами Синдзи, Токио, изд. «Иванами сётэн», 1963. Привлечен также критический текст с комментариями Сиота Рёхэй «Макура-но соси хёсянку». Токио, изд. Гакусэйся, 1963.

Полностью на русский язык «Записки у изголовья» переводятся впервые.

В. Маркова

записки у ИЗГОЛОВЬЯ

1. Весною — рассвет

Весною — рассвет.

Все белее края гор, вот они слегка озарились светом. Тронутые пурпуром облака тонкими лентами стелются по небу.

Летом — ночь.

Слов нет, она прекрасна в лунную пору, но и безлунный мрак радует глаза, когда друг мимо друга носятся бесчисленные светлячки. Если один-два светляка тускло мерцают в темноте, все равно это восхитительно. Даже во время дождя — необыкновенно красиво.

Осенью — сумерки.

Закатное солнце, бросая яркие лучи, близится к зубцам гор. Вороны, по три, по четыре, по две, спешат к своим гнездам, — какое грустное очарование! Но еще грустнее на душе, когда по небу вереницей тянутся дикие гуси, совсем маленькие с виду. Солнце зайдет, и все полно невыразимой печали: шум ветра, звон цикад...

Зимой — раннее утро.

Свежий снег, нечего и говорить, прекрасен, белый-белый иней тоже, но чудесно и морозное утро без снега. Торопливо зажигают огонь, вносят пылающие угли, — так и чувствуешь зиму! К полудню холод отпускает, и огонь в круглой жаровне гаснет под слоем пепла, вот что плохо!

2. *Времена года*

У каждой поры своя особая прелесть в круговороте времен года. Хороши первая луна, третья и четвертая, пятая луна, седьмая луна, восьмая и девятая, одиннадцатая и двенадцатая.

Весь год прекрасен — от начала до конца.

3. *Новогодние празднества*

В первый день Нового года радостно синеет прояснившееся небо, легкая весенняя дымка преобразует все кругом.

Все люди до одного в праздничных одеждах, торжественно, с просветленным сердцем, поздравляют своего государя, желают счастья друг другу. Великолепное зрелище!

В седьмой день года собирают на проталинах побеги молодых трав. Как густо они всходят, как свежо и ярко зеленеют даже там, где их обычно не увидишь, внутри дворцовой ограды!

В этот день знатные дамы столицы приезжают во дворец в нарядно украшенных экипажах поглядеть на шествие «Белых коней». Вот один из экипажей вкатили через Срединные ворота. Повозку подбросило на порог. Женщины стучаются головами. Гребни из волос падают, ломаются... Слышен веселый смех.

Помню, как я первый раз поехала посмотреть на шествие «Белых коней».

За воротами возле караулки Лево́й гвардии толпились придворные. Они взяли луки у телохранителей, сопровождающих процессию, и стали пугать коней звоном тетивы.

Из своего экипажа я могла разглядеть лишь решетчатую ограду вдаль, перед дворцом. Мимо нее то и дело сновали служанки и камеристки.

«Что за счастливицы! — думала я. — Как свободно они ходят здесь, в высочайшей обители за девятью вратами. Для них это привычное дело!»

Но на поверку дворы там тесные. Телохранители из церемониальной свиты прошли так близко от меня, что были видны даже пятна на их лицах. Белила наложены неровно, как будто местами стаял снег и проступила темная земля...

Лошади вели себя беспокойно, взвизывались на дыбы. Поневоле я спряталась от страха в глубине экипажа и уже ничего больше не увидела.

На восьмой день Нового года царит большое оживление. Слышен громкий стук экипажей: дамы торопятся выразить свою благодарность государю.

Пятнадцатый день — праздник, когда, по обычаю, государю преподносят «Яство полнолуния».

В знатных домах все прислужницы — и старшие, почтенные дамы, и молодые, — пряча за спиной мешалку для праздничного яства, стараются хлопнуть друг друга, поглядывая через плечо, как бы самой не попало. Вид у них самый потешный! Вдруг хлоп! Кто-то не уберется, всеобщее веселье! Но ротозейка, понятное дело, досадует.

Молодой зять, лишь недавно начавший посещать свою жену в доме ее родителей, собирается утром пятнадцатого дня отбыть во дворец. Эту минуту и караулят жепцины. Одна из них притаилась в дальнем углу. В любом доме найдется такая, что повсюду суется первой. Но другие, оглядываясь на нее, начинают хихикать.

— Т-с, тихо! — машет она на них рукой.

И только юная госпожа, словно бы ничего не замечая, остается невозмутимой.

— Ах, мне надо взять вот это! — выскакивает из за-сады женщина, словно бы невзначай подбегает к юной госпоже, хлопает ее мешалкой по спине и мгновенно исчезает. Все дружно заливаются смехом.

Господин зять тоже добродушно улыбается, он не в обиде, а молодая госпожа даже не вздрогнула, и лишь лицо ее слегка розовеет, это прелестно!

Случается, женщины бьют мешалкой не только друг друга, но и мужчину стукнут.

Иная заплачет и в гневе начнет запальчиво укорять и бранить обидчицу:

— Это она, верно, со зла...

Даже во дворце государя царит веселая суматоха и строгий этикет нарушен.

Забавная сумятица происходит и в те дни, когда ждут новых назначений по службе.

Пусть валит снег, пусть дороги окованы льдом, все равно в императорский дворец стекается толпа чиновников четвертого и пятого ранга с прошениями в руках. Молодые смотрят весело, они полны самых светлых надежд. Старики, убеленные сединами, в поисках покровительства бредут к покоям придворных дам и с жаром выхваляют собственную мудрость и прочие свои достоинства.

Откуда им знать, что юные насмешницы после безжалостно передразнивают и вышучивают их?

— Пожалуйста, замолвите за меня словечко государю. И государыне тоже, умоляю вас! — просят они.

Хорошо еще, если надежды их сбудутся, но как не пожалеть того, кто потерпел неудачу!

4. В третий день третьей луны...

В третий день третьей луны солнце светло и спокойно сияет в ясном небе. Начинают раскрываться цветы на персиковых деревьях.

Ивы в эту пору невыразимо хороши. Почки на них словно тугие коконы шелкопряда. Но распустятся листья — и конец очарованию. До чего же прекрасна длинная ветка цветущей вишни в большой вазе. А возле этой цветущей ветки сидит, беседуя с дамами, знатный гость, быть может, старший брат самой императрицы, в кафтане «цвета вишни» поверх других многоцветных одежд... Чудесная картина!

5. Прекрасна пора четвертой луны...

Прекрасна пора четвертой луны во время празднества Камб. Парадные кафтаны знатнейших сановников, вышших придворных различаются между собой лишь по оттенку пурпура, более темному или более светлому. Нижние одежды у всех из белого шелка-сырца. Так и веет прохладой!

Негустая листва на деревьях молодо зеленеет. И как-то невольно залюбуешься ясным небом, не скрытым ни весенней дымкой, ни туманами осени. А вечером и ночью, когда набегут легкие облака, где-то в отдаленье прячется крик кукушки, такой неясный и тихий, словно чудится тебе... Но как волнует он сердце!

Чем ближе праздник, тем чаще пробегают взад и вперед слуги, неся в руках небрежно обернутые в бумагу свертки шелка цвета «зеленый лист вперемешку с опавшим листом» или «индиго с пурпуром». Чаще обычного бросаются в глаза платья причудливой окраски: с яркой каймой вдоль подола, пестрые или полосатые.

Молодые девушки — участницы торжественного шествия — уже успели вымыть и причесать волосы, но еще не сбросили свои измятые, заношенные платья. У иных одежда в полном беспорядке. Они то и дело тревожно кричат: «У сандалий не хватает завязок!», «Нужны новые подметки к башмакам!» — и хлопотливо бегают, вне себя от нетерпения: да скоро ли наступит долгожданный день?

Но вот все готово! Непоседы, которые обычно ходят вприпрыжку, теперь выступают медленно и важно, словно бонза во главе молитвенного шествия. Так преобразил девушек праздничный наряд!

Матери, тетки, старшие сестры, парадно убранные, каждая прилично своему рангу, сопровождают девушек в пути. Блистательная процессия!

Иные люди годами стремятся получить придворное звание куродо, но это не так-то просто. Лишь в день праздника дозволено им надеть одежду светло-зеленого

цвета с желтым отливом, словно они настоящие куродо. О, если б можно было никогда не расставаться с этим одеянием! Но, увы, напрасные потуги: ткань, не затканная узорами, выглядит убого и невзрачно.

6. Случается, что люди называют одно и то же...

Случается, что люди называют одно и то же разными именами. Слова песхожи, а смысл один. Речь буддийского монаха. Речь мужчины. Речь женщины.

Простолюдины любят прибавлять к словам лишние слоги.

Немногословие прекрасно.

7. Отдать своего любимого сына в монахи...

Отдать своего любимого сына в монахи, как это горестно для сердца! Люди будут смотреть на него словно на бесчувственную деревяшку.

Монах ест невкусную постную пищу, он терпит голод, недосыпает. Молодость стремится ко всему, чем богата жизнь, но стоит монаху словно бы ненароком бросить взгляд на женщину, как даже за такую малость его строго порицают.

Но еще тяжелее приходится странствующему заклинателю — гэндзя. Он бродит по дальним тропам священных гор Митакэ и Куманобэ. Какие страшные испытания стерегут его на этом трудном пути! Но лишь только пройдет молва, что молитвы его имеют силу, как все начнут зазывать к себе. Чем больше растет его слава, тем меньше ему покоя.

Порой заклинателю стоит больших трудов изгнать злых духов, виновников болезни, он измучен, его клонит

в сон... И вдруг слышит упрек: «Только и знает, что спать, ленивец!» Каково тогда у него на душе, подумайте!

Но все это дело глубокой старины. Ныне монахам живется куда вольготней.

8. Дайдзин Наримаса, правитель дворца императрицы...

Дайдзин Наримаса, правитель дворца императрицы, готовясь принять свою госпожу у себя в доме, перестроил Восточные ворота, поставив над ними высокую кровлю на четырех столбах, и паланкин государыни внесли через этот вход.

Но придворные дамы решили въехать через Северные ворота, где стоит караульня, думая, что в столь поздний час стражников там не будет.

Иные из нас были растрепаны, но и не подумали причесаться. Ведь экипажи подкатят к самому дому простые слуги, а они не в счет.

Но, как на грех, плетенный из пальмовых листьев кузов экипажа застрял в тесных воротах.

Постелили для нас дорожку из циновок. Делать нечего! Мы были в отчаянии, но пришлось вылезти из экипажа и шествовать пешком через весь двор. Придворные и челядинцы собрались толпой возле караульни и насмешливо на нас поглядывали.

Какой стыд, какая досада!

Явившись к императрице, мы рассказали ей о том, что случилось.

— Но ведь и здесь, в глубине покоев, вас могут увидеть люди! Зачем же так распускаться? — улыбнулась государыня.

— Да, но здесь все люди знакомые, они к нам пригляделись, — сказала я. — Если мы не в меру начнем прихорашиваться, многие, чего доброго, сочтут это подозрительным. И потом, кто бы мог ожидать? Перед таким домом — и вдруг такие тесные ворота, экипажу не проехать!

Тут как раз появился сам Наримаса.

— Передайте это государыне,— сказал он мне, подсунув под церемониальный занавес тушечницу императрицы.

— Ах, вы ужасный человек! — воскликнула я. — Зачем построили такие тесные ворота?

— Мое скромное жилище под стать моему скромному рангу,— с усмешкой ответил Наримаса.

— Но построил же некогда один человек низкого звания высокие ворота перед своим домом...

— О страх! — изумился он. — Уж не говорите ли вы об Юй Дин-го? Вот не ожидал, что кто-нибудь, кроме старых педантов, слышал о нем! Я сам когда-то шел путем науки и лишь потому смог понять ваш намек.

— Но здешний «путь» не слишком-то был мудро устроен. Мы все попадали на ваших циновках. Такая поднялась сумятица...

— Полил дождь, что же прикажете делать? Но полно, полно, вашим придиркам конца не будет.— И Наримаса поспешно исчез.

— Что случилось? Наримаса так смутился,— осведомилась государыня.

— О, право, ничего! Я только рассказала ему, как наш экипаж застрял в воротах,— ответила я и удалилась в покои, отведенные для фрейлин.

Я делила его вместе с молодыми придворными дамами.

Нам так хотелось спать, что мы уснули сразу, ни о чем не позаботившись. Опочивальня наша находилась в западной галерее Восточного павильона. Скользящая дверь вела оттуда во внутренние покои, но мы не заметили, что она не заперта.

Наримаса, как хозяин дома, отлично это знал. Он приоткрыл дверь и каким-то чужим, охрипшим голосом несколько раз громко крикнул:

— Позвольте войти к вам, можно?

Я проснулась, гляжу: позади церемониального занавеса ярко горит высокий светильник, и все отлично видно.

Наримаса говорит с нами, приоткрыв дверь верхков на пять. Вид у него презабавный!

До сих пор он никогда не позволял себе ни малейшей вольности, а тут, видно, решил, что раз мы поселились в его доме, то ему все дозволено.

Я разбудила даму, спавшую рядом со мной.

— Взгляните-ка! Видели ли вы когда-нибудь нечто подобное?

Она подняла голову, взглянула, и ее разобрал смех.

— Кто там прячется? — крикнула я.

— Не пугайтесь! Это я, хозяин дома. Пришел побеседовать с вами по делу.

— Помнится, речь у нас шла о воротах в ваш двор. Но дверь в наши апартаменты я вас не просила открывать, — сказала я.

— Дались вам эти ворота! Дозвольте мне войти в ваши покои. Можно, можно?

— Нет, это возмутительно! Сюда нельзя, — со смехом заговорили дамы.

— А! Здесь и молоденькие есть! — И, притворив дверь, он удалился.

Раздался дружный хохот.

Уж если он решил открыть дверь в нашу опочивальню, то надо было пробраться к нам потихоньку, а не испрашивать дозволения во всю силу голоса. Кто бы откликнулся ему: пожалуйста, милости просим? Что за смехотворная нелепость!

На другое утро я рассказала императрице о ночном происшествии.

Государыня молвила с улыбкой:

— Никогда не слышала о нем ничего подобного. Верно, он был покорен твоим остроумием. Право, жаль его! Он жестоко терпит от твоих нападок.

Императрица повелела приготовить парадные одежды для прислужниц маленькой принцессы.

— А какого цвета должно быть, как бишь его, «облачение», что носят они поверх нижнего платья? — осведомился Наримаса.

Общему смеху конца не было.

— Для принцессы обычная посуда не годится. Надо изготовить «махонький» подносик и «махонькие» чашечки, — сказал Наримаса.

— Да, — подхватила я, — и пусть ее светлости прислуживают девушки в этих, как бишь их, «облачениях».

— Полно, не насмешничай, это недостойно тебя. Он человек честный и прямой, — вступилась за него государыня. Как чудесно звучали в ее устах даже слова укоризны!

Однажды, когда я дежурила в покоях императрицы, мне доложили:

— С вами желает говорить господин управитель.
— Что он еще скажет, чем насмешит нас? — полюбопытствовала императрица. — Ступай поговори с ним.

Я вышла к нему.

Наримаса сказал мне:

— Я поведал брату моему тюнагбну историю с Северными воротами. Он был восхищен вашим остроумием и стал просить меня устроить встречу с вами: «Я бы желал при удобном случае побеседовать с нею».

Наримаса не прибавил к этому ни одного двусмысленного намека, но у меня сердце замерло от страха. Как бы Наримаса не завел речь о своем ночном визите, чтобы смутить меня.

На прощанье он бросил мне:

— В следующий раз я погощу у вас подольше.

— Что ему было нужно? — спросила императрица.

Я без утайки пересказала все, о чем говорил мне Наримаса.

Дамы со смехом воскликнули:

— Не такое это было важное дело, чтобы вызывать вас из апартаментов государыни. Мог бы, кажется, побеседовать с вами в ваших собственных покоях.

— Но ведь Наримаса, верно, судил по себе, — заступилась за него императрица. — Старший брат, в его глазах высший авторитет, с похвалой отозвался о тебе, вот Наримаса и поспешил тебя порадовать.

Как прекрасна была государыня в эту минуту!

9. Госпожа кошка, служившая при дворе...

Госпожа кошка, служившая при дворе, была удостоена шапки чиновников пятого ранга, и ее почтительно титуловали госпожой мёбу. Она была прелестна, и государыня велела особенно ее беречь.

Однажды, когда госпожа мёбу разлеглась на веранде, приставленная к ней мамка по имени Ума-но мёбу прикрикнула на нее:

— Ах ты негодница! Сейчас же домой!

Но кошка продолжала дремать на солнышке.

Мамка решила ее принудить:

— Окинамаро, где ты? Укуси мёбу-но омóго!

Глухой пёс набросился на кошку, а она в смертельном страхе кинулась в покои императора. Государь в это время находился в зале утренней трапезы. Он был немало удивлен и спрятал кошку у себя за пазухой.

На зов государя явились два куродо — Тадатака́ и Наринака́.

— Побить Окинамаро! Сослать его на Собачий остров сей же час! — повелел император.

Собрались слуги и с шумом погнались за собакой.

Не избежала кары и Ума-но мёбу.

— Отставить мамку от должности, она нерадива, — приказал император.

Ума-но мёбу больше не смела появляться перед высочайшими очами.

Стражники прогнали бедного пса за ворота. Увы, давно ли сам То-но бэн вел его, когда в третий день третьей луны он горделиво шествовал в процессии, увенчанный гирляндой из веток ивы. Цветы персика вместо драгоценных шпилек, на спине ветка цветущей вишни, вот как он был украшен. Кто бы мог тогда подумать, что ему грозит такая злосчастная судьба.

— Во время утренней трапезы, — вздыхали дамы, — он всегда был возле государыни. Как теперь его не хватает!

Через три-четыре дня услышали мы в полдень жалобный вой собаки.

— Что за собака воет без умолку? — спросили мы.

Псы со всего двора стаяей помчались на шум.

Скоро к нам прибежала служанка из тех, что убирают нечистоты:

— Ах, какой ужас! Двое мужчин насмерть избивают бедного пса. Говорят, он был сослан на Собачий остров и вернулся, вот его и наказывают заслушание.

Сердце у нас защемило: значит, это Окинамаро!

— Его бьют куродо Тадатака и Санэфусá, — добавила служанка.

Только я послала гонца с просьбой прекратить побои, как вдруг жалобный вой затих.

Посланный вернулся с известием:

— Издох. Труп выбросили за ворота.

Все мы очень опечалились, но вечером к нам под-

полз, дрожа всем телом, какой-то безобразно распухший пес, самого жалкого вида.

— Верно, это Окинамаро? Такой собаки мы здесь не видели,— заговорили дамы.

— Окинамаро! — позвали его, но он словно бы не понял.

Мы заспорили. Одни говорили: «Это он!», другие: «Нет, что вы!»

Государыня повелела:

— Укбн хорошо его знает. Кликните ее.

Пришла старшая фрейлина Укон. Государыня спросила:

— Неужели это Окинамаро?

— Пожалуй, похож на него, но уж очень страшен на вид,— ответила госпожа Укон.— Бывало, только я крикну «Окинамаро!», он радостно бежит ко мне, а этого сколько ни зови, не идет. Нет, это не он! Притом ведь я слышала, что бедного Окинамаро забили насмерть. Как мог он остаться в живых, ведь его нещадно избивали двое мужчин!

Императрица была огорчена.

Настали сумерки, собаку пробовали накормить, но она ничего не ела, и мы окончательно решили, что это какой-то приبلудный пес.

На другое утро я поднесла императрице гребень для прически и воду для омовения рук. Государыня велела мне держать перед ней зеркало.

Прислуживая государыне, я вдруг увидела, что под лестницей лежит собака.

— Увы! Вчера так жестоко избили Окинамаро. Он, наверно, издох. В каком образе возродится он теперь? Грустно думать,— вздохнула я.

При этих словах пес задрожал мелкой дрожью, слезы у него так и потекли-побежали.

Значит, это все-таки был Окинамаро! Вчера он не посмел отозваться.

Мы были удивлены и тронуты.

Положив зеркало, я воскликнула:

— Окинамаро!

Собака подползла ко мне и громко залаяла.

Государыня улыбнулась.

Она призвала к себе госпожу Укон и все рассказала ей.

Поднялся шум и смех.

Сам государь пожаловал к нам, узнав о том, что случилось.

— Невероятно! У бессмысленного пса — и вдруг такие глубокие чувства, — шутливо заметил он.

Дамы из свиты императора тоже толпой явились к нам и стали звать Окинамаро по имени. На этот раз он поднялся с земли и пошел на зов.

— Смотрите, у него все еще опухшая морда, надо бы сделать примочку, — предложила я.

— Ага, в конце концов пришлось ему выдать себя! — смеялись дамы.

Тадатака услышал это и крикнул из Столового зала:

— Неужели это правда? Дайте, сам погляжу.

Я послала служанку, чтобы сказать ему:

— Какие глупости! Разумеется, это другая собака.

— Говорите себе, что хотите, а я разищу этого подлого пса. Не спрячете от меня, — пригрозил Тадатака.

Вскоре Окинамаро был прощен государем и занял свое прежнее место во дворце.

Но и теперь я с невыразимым волнением вспоминаю, как он стонал и плакал, когда его пожалели.

Так плачет человек, услышав слова сердечного сочувствия.

А ведь это была простая собака... Разве не удивительно?

10. Первый день года и третий день третьей луны...

Первый день года и третий день третьей луны особенно радуют в ясную погоду.

Пускай хмурится пятый день пятой луны. Но в седьмой день седьмой луны туманы должны к вечеру рассеяться.

Пусть в эту ночь месяц светит полным блеском, а звезды сияют так ярко, что, кажется, видишь их живые лики.

Если в девятый день девятой луны к утру пойдет легкий дождь, хлопья ваты на хризантемах пропитаются

благоуханной влагой, и аромат цветов станет от этого еще сильнее.

А до чего хорошо, когда рано на рассвете дождь кончится, но небо все еще подернуто облаками, кажется, вот-вот снова посыплются капли!

11. Я люблю глядеть, как чиновники, вновь назначенные на должность...

Я люблю глядеть, как чиновники, вновь назначенные на должность, выражают свою радостную благодарность.

Распустив по полу длинные шлейфы, с таблицами в руках, они почтительно стоят перед императором. Потом с большим усердием исполняют церемониальный танец и отбивают поклоны.

12. Хотя караульня в нынешнем дворце...

Хотя караульня в нынешнем дворце расположена у Восточных ворот, ее по старой памяти называют Северной караульней.

Поблизости от нее поднимается к небу огромный дуб.

— Какой он может быть высоты? — удивлялись мы. Господин почетный тюдзё Наринобу пошутил в ответ:

— Надо бы срубить его у самого корня. Он мог бы послужить опахалом для епископа Дзётё.

Случилось так, что епископ этот был назначен настоятелем храма Ямасина и явился благодарить императора в тот самый день, когда господин Наринобу стоял во главе караула гвардии.

Епископ выглядел устрашающей громадиной, ведь он, как нарочно, надел сандалии на высоких подставках. Когда он удалился, я спросила Наринобу:
— Что же вы не подали ему опахало?
— О, вы ничего не забываете! — засмеялся тот.

13. Горы

Горы Огура — «Сумерки», Касэ — «Одолжи!» Мика́са — «Зонтик», Конокурэ — «Лесная сень», Ирита́ти — «Заход солнца», Васурэдзу — «Не позабуду!», Суэнома́цу — «Последние сосны», Катаса́ри — «Гора смущения», — любопытно знать: перед кем она так смущалась?

Горы Ицувáта — «Когда же», Каэ́ру — «Вернешься», Нотисэ — «После...».

Гора Асакурá — «Кладовая утра». Как она прекрасна, когда глядишь на нее издали!

Прекрасная гора Охирэ. Ее имя заставляет вспомнить танцоров, которых посылает император на праздник храма Ивасимидзу.

Прекрасны горы Мивá — «Священное вино».

Гора Тамукэ — «Возденем руки». Гора Матиканэ — «Не в силах ждать». Гора Тамасака́ — «Жемчужные склоны». Гора Мимина́си — «Без ушей».

14. Рынки

Рынок Дракона. Рынок Сатó.

Среди множества рынков в провинции Ямато всего замечательней рынок Цубá. Паломники непременно посещают его по дороге в храмы Хасэ, и он словно тоже причастен к поклонению богине Кáннон.

Рынок Офусá. Рынок Сика́ма. Рынок Асукá.

15. Горные пики

Горные пики Юдзурува́, Амида, Иятака́.

16. Равнины

Равнина Мика́. Равнина Асита. Равнина Соноха́ра.

17. Пучины

Касикофу́ти — «Пучина ужаса»... Любопытно, в какие мрачные глубины заглянул тот, кто дал ей такое название?

Пучина Наирисо́ — «Не погружайся!» — кто кого так остерег?

Аоиро́ — «Светло-зеленые воды» — какое красивое имя! Невольно думаешь, что из них можно бы сделать одежды для молодых куродо.

Пучины Какурó — «Скройся!», Ина́ — «Нет!».

18. Моря

Море пресной воды. Море Ёса. Море Кавáфути.

19. Императорские гробницы

Гробница Угүису — «Соловей». Гробница Касиваги — «Дубовая роща». Гробница Амэ — «Небо».

20. Переправы

Переправа Сикасуга. Переправа Коридзума, Переправа Мидзухаси — «Водяной мост».

21. Чертоги

Яшмовый чертог.

22. Здания

Враталевой гвардии. Прекрасны также дворцы Нидзё, Итидзё. И еще — дворцы Сомэдоно-но мия, Сэкайин, Сугавара-но ин, Рэнсэйин, Канъин, Судзакуйи, Онó-но мия, Кобай, Агата-но идó, Тосандзё, Кохатидзё, Коитидзё.

23. В северо-восточном углу дворца Сэйрёдэн...

В северо-восточном углу дворца Сэйрёдэн на скользящей двери, ведущей из бокового зала в северную галерею, изображено бурное море и люди страшного вида: одни с непомерно длинными руками, другие с невероятно длинными ногами. Когда дверь в покои императрицы оставалась отворенной, картина с длиннорукими уродами была хорошо видна.

Однажды придворные дамы, собравшись в глубине покоев, со смехом глядели на нее и говорили, как она ужасна и отвратительна!

Возле балюстрады на веранде была поставлена ваза из зеленоватого китайского фарфора, наполненная ветками вишни. Прекрасные, осыпанные цветами ветви, длиною примерно в пять локтей, низко-низко перевешивались через балюстраду...

В полдень пожаловал господин дайнагён Корэтика, старший брат императрицы. Его кафтан «цвета вишни» уже приобрел мягкую волнистость. Темно-пурпурные шаровары затканы плотным узором. Из-под кафтана выбиваются края одежд, внизу несколько белых, а поверх них еще одна, парчовая, густо-алого цвета.

Император пребывал в покоях своей супруги, и дайнагон начал докладывать ему о делах, заняв место на узком деревянном помосте, перед дверью, ведущей в покои государыни.

Позади плетеной шторы, небрежно спустив с плеч китайские накидки, сидели придворные дамы в платьях «цвета вишни», лиловой глицинии, желтой керрии и других модных оттенков. Концы длинных рукавов выбивались из-под шторы, закрывавшей приподнятую верхнюю створку небольших ситов, и падали вниз, до самого пола.

А тем временем в зале для утренней трапезы слышался громкий топот ног: туда несли подносы с кушаньем. Раздавались возгласы: «Эй, посторонись!»

Ясный и тихий день был невыразимо прекрасен. Когда прислужники внесли последние подносы, было объявлено, что обед подан.

Император вышел из главных дверей. Дайнагон проводил его и вернулся назад, к осененной цветами балюстраде.

Государыня откинула занавес и появилась на пороге. Нас, ее прислужниц, охватило безотчетное чувство счастья, мы забыли все наши тревоги.

Пусть луна и солнце
Переменят свой лик,
Неизменным пребудет
На горе Мимурд...—

медленно продекламировал дайнагон старое стихотворение.

Я подумала: «Чудесно сказано! Пусть же тысячу лет пребудет неизменным этот прекрасный лик».

Не успели придворные, прислуживавшие за обедом императору, крикнуть, чтобы унесли подносы, как государь вернулся в покои императрицы.

Государыня приказала мне:

— Разотри тушь.

Но я невольно загляделась на высочайшую чету, и работа у меня не ладилась.

Императрица сложила в несколько раз белый лист бумаги:

— Пусть каждая из вас напишет здесь старинную танку, любую, что вспомнится.

Я спросила у дайнагона, сидевшего позади шторы:

— Как мне быть?

Но дайнагон ответил:

— Пишите, пишите быстрее! Мужчине не подобает помогать вам советом.

Государыня передала нам свою тупечницу.

— Скорее! Не раздумывайте долго, пишите первое, что на ум придет, хоть «Нанива́дзу»,— стала она торопить нас.

Неужели все мы до того оробели? Кровь хлынула в голову, мысли спутались. Старшие фрейлины, бормоча про себя: «Ах, мучение!» — написали всего две-три танки о весне, о сердце вишневых цветов и передали мне бумагу со словами:

— Ваша очередь.

Вот какое стихотворение припомнилось мне:

Промчались годы,
Старость меня посетила,

Но только взгляну
На этот цветок весенний,
Все забываю печали.

Я изменила в нем один стих:

...Но только взгляну
На моего государя,
Все забываю печали.

Государь изволил внимательно прочесть то, что мы написали.

— Я хотел испытать быстроту ума каждой из вас, не больше,— заметил он и к слову рассказал вот какой случай из времен царствования императора Энью:

— «Однажды император повелел своим приближенным:

«Пусть каждый из вас напишет по очереди одно стихотворение вот здесь, в тетради».

А им этого смертельно не хотелось. Некоторые стали отнекиваться, ссылаясь на то, что почерк у них, дескать, нехорош.

«Мне нужды нет, каким почерком написано стихотворение и вполне ли отвечает случаю»,— молвил император.

Все в большом смущении начали писать.

Среди придворных находился наш нынешний канцлер, тогда еще тюдзё третьего ранга.

Ему пришла на память старинная танка:

Как волны морские
Бегут к берегам Идаумб,
Залив ли, мыс ли,
Так мысли, все мои мысли
Стремятся только к тебе.

Он заменил лишь одно слово в конце стихотворения:

Так мысли, все мои мысли
Стремятся к тебе, государь.

Император весьма похвалил его».

При этих словах у меня невольно испарина выступила от сердечного волнения.

«Вряд ли молодые дамы сумели так написать, как я? — подумалось мне. — Иные из них в обычное время пишут очень красиво, но тут до того потерялись от страха, что, наверно, сделали множество ошибок».

Императрица положила перед собой тетрадь со стихами из «Кюкинсю». Прочитав вслух начало танки, она спрашивала, какой у нее конец. Некоторые песни мы днем и ночью твердили наизусть, так почему же теперь путались и все забывали?

Госпожа сáйсё помнила от силы с десяток стихотворений... Скажешь ли, что она знаток поэзии? Другие и того хуже: помнили всего пять-шесть. Лучше бы сразу сознаться начистоту, но дамы лишь стонали и сетовали:

— Ах, разве можно упрямо отказываться, когда государыня изволит спрашивать?

Ну, не смешно ли?

Если ни одна из нас не могла припомнить последних строк стихотворения, императрица читала его до конца и отмечала это место в книге закладкой.

— Ах, уж его-то мы отлично знали! И отчего вдруг память отказала? — жаловались дамы.

В самом деле, странно! Ведь сколько раз переписывали они «Кюкинсю», с начала до конца, могли бы, кажется, запомнить!

Вот что по этому случаю рассказала нам императрица:

«В царствование императора Мурака́ми жила одна дама, близкая к государю. Прозвали ее Сэньдэдэн-но нёго, а отцом ее был Левый министр, имевший свою резиденцию в Малом дворце на Первом проспекте. Но вы, наверно, все об этом слышали.

Когда она была еще юной девушкой, отец такставлял ее:

— Прежде всего упражняй свою руку в письме. Затем научись играть на семиструнной цитре так хорошо, чтобы никто не мог сравниться с тобой в этом искусстве. Но наипаче всего потрудись прилежно заучить на память все двадцать томов «Кюкинсю».

Это дошло до слуха императора Мураками. Однажды в День удаления от скверны он принес с собой «Кюкинсю» в покои госпожи Сэньдэдэн и сел позади церемониального занавеса. Ей показалось это странным и необычным.

Император разложил перед собой тома «Кюкинсю» и начал спрашивать:

— Кто сочинил это стихотворение, в каком году, каком месяце и по какому поводу?

Госпожа Сэнъэдэн на все могла дать точный ответ, так, мол, и так. Но в душе, наверно, была в полном смятении. Какой позор, если б она ошиблась хоть в малости или что-то позабыла!

Император призвал двух-трех придворных дам, особо сведущих в поэзии, и приказал им при помощи фишек для игры подсчитать, сколько песен знает госпожа Сэнъэдэн. А ей он строго-настрого велел отвечать на вопросы.

Какое это было, наверно, волнующее и прекрасное зрелище! Можно позавидовать тем, кто тогда имел счастье там присутствовать.

Государь снова начал испытание. Но не успеет он дочитать танку до конца, как госпожа Сэнъэдэн уже дает точный ответ, не ошибившись ни в одном слове.

Императора даже досада взяла. Ему непременно хотелось поймать ее хоть на небольшой обмолвке. Так пролистал он первые десять томов.

— Дальше продолжать бесполезно, — молвил государь и, положив закладку в книгу, удалился в свою опочивальню. Какое торжество для госпожи Сэнъэдэн!

Проспав немало времени, император вдруг пробудился.

«Нет, — сказал он себе, — можно ли покинуть поле битвы, пока не решен исход? Ведь, если отложить испытание до завтра, она, пожалуй, успеет освежить в памяти последние десять томов!»

«Нынче же доведу дело до конца», — решил император и, повелев зажечь светильники, продолжал экзамен до глубокой ночи.

И все же госпожа Сэнъэдэн осталась непобежденной. Император вновь удалился к себе, а придворные поспешили сообщить отцу ее — Левому министру — обо всем, что произошло.

Возволенный до глубины души, Левый министр повелел совершить служение во многих храмах, а сам, обратившись лицом к императорскому дворцу, читал всю ночь благодарственные молитвы богам.

Вот подлинная страсть к поэзии!»

Выслушав с глубоким вниманием рассказ императрицы, государь воскликнул:

— А я так с трудом могу прочитать подряд три-четыре тома стихов!

— В старину даже люди низкого звания знали толк в поэзии. Разве в наше время так бывает? — ожив-

ленно толковали между собой дамы, приближенные к императрице, и дамы, прибывшие в свите императора.

Я слушала с восторгом, позабыв обо всем на свете, так увлекла меня эта беседа.

24. Какими ничтожными кажутся мне те женщины...

Какими ничтожными кажутся мне те женщины, которые, не мечтая о лучшем будущем, ревниво блюдут свое будничное семейное счастье!

Я хотела бы, чтоб каждая девушка до замужества побывала во дворце и познакомилась с жизнью большого света! Пусть послужит хоть недолгое время в должности найс-но сукб.

Терпеть не могу придирчивых людей, которые злословят по поводу придворных дам. Положим, нет дыма без огня. Придворная дама не сидит затворницей, она встречается с множеством людей.

Кроме высочайших особ, если я смею помянуть их, она видит вельмож, царедворцев, сановников, фрейлин и разных прочих людей. А разве она может брезгливо уклониться от встреч с женщинами простого звания? Ведь сколько их во дворце: камеристки и служанки, прибывшие во дворец вместе со своей госпожой из ее родного дома, низшие прислужницы, вплоть до последних служанок, убирающих нечистоты, кого ценят не более, чем обломок черепицы!

Господа мужчины, столь немилосердно порицающие нас, вряд ли вынуждены разговаривать с любой челядинкой, нам же этого не избежать. А ведь если мужчина служит во дворце, то и он заводит там самые пестрые знакомства.

Когда придворная дама выходит замуж, ей оказывают всяческое почтение, но в душе думают, что каждый знает ее в лицо и что не найдешь в ней прежней паивной прелести.

Спору нет, это так. Но разве малая честь для мужа, если жену его титулуют госпожой найси-но сукэ? Она посещает дворец, ее посылают от имени императора на празднество Камо.

Иные дамы, оставив придворную службу, замыкаются в кругу семьи и находят там свое счастье. Но они не уронят себя, если им случится побывать во дворце, например, по случаю Пляски пяти танцовщиц, когда правители провинций присылают во дворец своих юных дочерей. Бывшая придворная дама сумеет соблюсти хороший тон и не будет задавать глупых вопросов. А это очень приятно.

25. То, что наводит уныние

Собака, которая воеет посреди белого дня.

Верша для ловли рыб, уже ненужная весной.

Зимняя одежда цвета алой сливы в пору третьей или четвертой луны.

Погонщик, у которого издох бык.

Комната для родов, где умер ребенок.

Жаровня или очаг без огня.

Ученый высшего звания, у которого рождаются только дочери.

Остановишься в чужом доме, чтобы «изменить направление пути», грозящее бедой, а хозяин как раз в отсуствии. Особенно это грустно в День встречи весны.

Досадно, если к письму, присланному из провинции, не приложен гостинец. Казалось бы, в этом случае не должно радовать и письмо из столицы, но зато оно всегда богато новостями. Узнаешь из него, что творится в большом свете.

С особым старанием напишешь кому-нибудь письмо. Пора бы уже получить ответ, но посланный тобой слуга подозрительно запаздывает. Ждешь долго-долго, и вдруг твое письмо, красиво завязанное узлом или скрученное на концах, возвращается к тебе назад, по в каком

виде! Испачкано, смято, черта туши, для сохранности тайны проведенная сверху, бесследно стерта.

Слуга отдает письмо со словами:

«Дома не изволят быть», или: «Нынче, сказали, соблюдают День удаления, письма принять не могут».

Какая досада!

Или вот еще. Посылаешь экипаж за кем-нибудь, кто непременно обещал приехать к тебе. Ждешь с нетерпением. Слышится стук подъезжающей повозки. Кто-то кричит: «Вот наконец пожаловали!»

Спешешь к воротам. Но экипаж тащат в сарай, оглобли со стуком падают на землю.

Спрашиваешь:

— В чем дело?

— А дома не случилось. Говорят, изволили куда-то отбыть,— отвечает погонщик и уводит в стойло распряженного быка.

Или вот еще. Зять, принятый в семью, перестает навещать свою жену. Большое огорчение! Какая-то важная особа сосватала ему дочку одного придворного. Совестно перед людьми, а делать нечего!

Кормилица отпросилась «на часочек». Утешаешь ребенка, забавляешь. Пошлешь к кормилице приказ немедленно возвращаться... И вдруг от нее ответ: «Нынче вечером не ждите». Тут не просто в уныние придешь, этому имени нет, гнев берет, до чего возмутительно!

Как же сильно должен страдать мужчина, который напрасно ждет свою возлюбленную!

Или еще пример.

Ожидаешь всю ночь. Уже брезжит рассвет, как вдруг — тихий стук в ворота. Сердце твое забилося сильнее, посылаешь людей к воротам узнать, кто пожаловал.

Но называет свое имя не тот, кого ждешь, а другой человек, совершенно тебе безразличный. Нечего и говорить, какая тоска сжимает тогда сердце!

Заклинатель обещал изгнать злого духа. Он велит принести четки и начинает читать заклинания тонким голосом, словно цикада верещит.

Время идет, а незаметно, чтобы злой дух покинул больного или чтобы добрый демон-защитник явил себя.

Вокруг собрались и молятся родные больного. Всех их начинают одолевать сомнения.

Заклинатель из сил выбился, уже битый час он читает молитвы.

— Небесный защитник не явился. Вставай! — приказывает он своему помощнику и забирает у него четки.

— Все труды пропали! — бормочет он, ероша волосы со лба на затылок, и ложится отдохнуть немного.

— Любит же он поспать! — возмущаются люди и без всякой жалости трясут его, будят, стараются из него хоть слово выжать.

Печальное зрелище!

Или вот еще.

Дом человека, который не получил должности в дни, когда назначаются правители провинций.

Прошел слух, что уж на этот раз его не обойдут. Из разных глухих мест к нему съезжаются люди, когда-то служившие у него под началом, с виду сущие деревенщины. Все они полны надежд.

То и дело видишь во дворе оглобли подъезжающих и отъезжающих повозок. Каждый хочет сопровождать своего покровителя, когда он посещает храмы. Едят, пьют, галдят наперебой.

Время раздачи должностей подходит к концу. Уже занялась заря последнего дня, а еще ни один вестник не постучал в ворота.

— Право, это странно! — удивляются гости, поминутно настораживая уши.

Но вот слышатся крики передовых скороходов: советники государя покидают дворец.

Слуги с вечера зябли возле дворца в ожидании вестей, теперь они возвращаются назад с похоронными лицами.

Люди в доме даже не решаются их расспрашивать. И только приезжие провинциалы любопытствуют:

— Какую должность получил наш господин?

Им неохотно отвечают:

— Он по-прежнему экс-губернатор такой-то провинции.

Все надежды рухнули, какое горькое разочарование!

На следующее утро гости, битком набившие дом, потихоньку отбывают один за другим. Но иные состарились на службе у хозяина дома и не могут так легко его покинуть, они бродят из угла в угол, загибая пальцы на ру-

ках. Подсчитывают, какие провинции окажутся вакантными в будущем году.

Унылая картина!

Вы послали кому-то стихотворение. Вам оно кажется хорошим, но увы! Не получаете «ответной песни». Грустно и обидно. Если это было любовное послание, что же, не всегда можно на него отозваться. Но как не написать в ответ хоть несколько ничего не значащих любезных слов... Чего же стоит такой человек?

Или вот еще.

В оживленный дом ревнителя моды приносят стихотворение в старом вкусе, без особых красот, сочиненное в минуту скуки стариком, безнадежно отставшим от века.

Тебе нужен красивый веер к празднику. Заказываешь его прославленному художнику. Наступает день торжества, веер доставлен... и на нем — кто бы мог ожидать! — намалеван безобразный рисунок.

Посланный приносит подарок по случаю рождения ребенка или отъезда в дальний путь, но ничего не получает в награду.

Неприменно нужно вознаградить слугу, хотя бы он принес пустячок: целебный шар кусудáма или колотушку счастья. Посланный от души рад, он не рассчитывал на щедрую мзду.

Иной раз слуга не сомневается, что его ждет богатая награда. Сердце у него так и прыгает. Но надежды его обмануты, и он возвращается назад мрачнее тучи.

В семью приняли молодого зятя, но прошло четыре-пять лет, и еще ни разу в доме не поднимали суматоху, спеша приготовить покои для родов. Какой печальный дом! У престарелых супругов много взрослых сыновей и дочерей, пора бы, кажется, и внучатам ползать по полу и делать первые шаги. Старики прилегли отдохнуть в одиночестве. На них вчуже глядеть грустно. Что же должны чувствовать их собственные дети!

Вечером в канун Нового года весь дом в хлопотах. Лишь кто-то один лениво встает с постели после дневного отдыха и плещется в горячей воде. Сил нет, как это раздражает!

А еще наводят уныние:
долгие дожди в последний месяц года;
один день невоздержания в конце длительного поста.

26. То, к чему постепенно теряешь рвение

Каждодневные труды во время поста.
Приготовление к тому, что еще не скоро наступит.
Долгое уединение в храме.

27. То, над чем посмеиваются

Обвалившаяся ограда.
Человек, который прослыл большим добряком.

28. То, что докучает

Гость, который без конца разглагольствует, когда тебе некогда. Если с ним можно не считаться, спровадишь его без долгих церемоний: «После, после»... Но какая же берет досада, если гость — человек значительный и прервать его неловко.

Растираешь палочку туши и вдруг видишь: к тушеч-

лице прилип волосок. Или в тушь попал камушек и царапает слух пронзительным «скрип-скрип».

Кто-то внезапно заболел. Посылаешь слугу с наказом скорей привести заклинателя, а того, как нарочно, дома нет. Ищут повсюду. Ждешь, не находя себе места.

Как долго тянется время! Наконец — о радость! — явился. Но он, должно быть, лишь недавно усмирлял демонов. Садится усталый и начинает сонным голосом бормотать заклинания себе под нос. Большая досада!

Человек, не блещущий умом, болтает обо всем на свете с глупой ухмылкой на лице.

А иной гость все время вертит руки над горящей жаровней, трет и разминает, поджаривая ладони на огне. Кто когда видел, чтобы молодые люди позволяли себе подобную вольность? И только какой-нибудь старик способен небрежно положить ногу на край жаровни, да еще и растирать ее во время разговора.

Такой бесцеремонный гость, явившись к вам с визитом, первым делом взмахами веера сметает во все стороны пыль с того места, куда намерен сесть. Он не держится спокойно, руки и ноги у него все время в движении, он заправляет под колени переднюю полу своей «охотничьей одежды», вместо того чтобы раскинуть ее перед собой.

Вы думаете, что столь неблагоприятно ведут себя только люди низкого разбора, о ком и говорить-то не стоит? Ошибаетесь, и чиновные господа не лучше. К примеру, так вел себя третий секретарь императорской канцелярии.

А иной ухнетя рисовой водкой и шумит вовсю. Обтирая неверной рукой рот и поглаживая бороденку, если она у него имеется, сует чарку соседу в руки, — до чего противное зрелище!

«Пей!» — орет он, подзадоривая других.

Посмотришь, дрожит всем телом, голова качается, нижняя губа отвисла... А потом еще и затынет ребячью песенку:

В губернскую управу я пошел...

И так ведут себя, случалось мне видеть, люди из самого хорошего круга. Скверно становится на душе!

Завидовать другим, жаловаться на свою участь, приставать с расспросами по любому пустяку, а если человек не пойдет на откровенность, из злобы очернить его; краем

уха услышать любопытную новость и потом рассказывать направо и налево с таким видом, будто посвящен во все подробности,— как это мерзко!

Ребенок раскричался как раз тогда, когда ты хочешь к чему-то прислушаться.

Вороны собрались стайей и носятся взад-вперед с оглушительным карканьем.

Собака увидела кого-то, кто потихоньку пробирался к тебе, и громко лает на него. Убить бы эту собаку!

Спрячешься с большим риском кого-нибудь там, где быть ему недозволено, а он уснул и храпит!

Или вот еще.

Принимаешь тайком возлюбленного, а он явился в высокой шапке! Хотел пробраться незамеченным, и вдруг шапка за что-то зацепилась и громко шуршит.

Мужчина рывком перебрасывает себе через голову висящую у входа плетеную штору — и она отчаянно шелестит. Если это тяжелая штора из бамбуковых палочек, то еще хуже! Нижний край ее упадет на пол с громким стуком. А ведь, кажется, нетрудное дело — поднять штору беззвучно.

Зачем с силой толкать скользящую дверь? Ведь она сдвинется бесшумно, стоит только чуть-чуть ее приподнять. Даже легкие сѣдзи издадут громкий скрип, если их неумело толкать и дергать. До чего же неприятно!

Тебя клонит в сон, ты легла и уже засыпаешь, как вдруг тонким-тонким голосом жалобно запеваает mosquito, он кружит над самым твоим лицом и даже, такой маленький, умудряется навевать ветерок своими крылышками. Изведет вконец.

Скрипучая повозка невыносимо раздирает уши. Если едешь в чужом экипаже, то даже владелец его становится тебе противен.

Рассказываешь старинную повесть. Вдруг кто-то подхватил нить твоего рассказа и продолжает сам. Неспособный человек! И вообще несносен каждый, будь то взрослый или ребенок, кто прерывает тебя и вмешивается в разговор.

К тебе случайно забежали дети. Приласкаешь их, подарить какие-нибудь безделушки. И уж теперь от них отбою нет, то и дело врываются к тебе, хватают и разбирают все, что им попадется на глаза.

В дом или во дворец, где ты служишь, явился неприятный для тебя посетитель. Прикинешься спящей, но не

тут-то было! Твои служанки будят тебя, трясут и расталкивают с укоризненным видом: как, мол не совестно быть такой соней! А ты себя не помнишь от досады.

Придворная дама служит без году неделя, а туда же: берется всех поучать с многоопытным видом и, непрошенная, навязывает свою помощь! Терпеть не могу таких особ!

Человек, близкий твоему сердцу, вдруг начинает хвалить до небес свою прежнюю возлюбленную. Не особенно это приятно, даже если речь идет о далеком прошлом. Но, предположим, он лишь недавно расстался с нею? Тут уж тебя заденет за живое. Правда, нет худа без добра: в этом случае легче судить, что к чему.

Гость чихнул и бормочет заклинание. Нехорошо! Только разве один хозяин дома может позволить себе такую вольность.

Блохи — препротивные существа. Скачут под платьем так, что, кажется, оно ходит ходуном.

Когда собаки где-то вдалеке хором поднимают протяжный вой, просто жуть берет, до чего неприятное чувство!

Кто-то открыл дверь и вышел, а закрыть за собой и не подумал. Какая догука!

29. То, что заставляет сердце сильнее биться

Как взволновано твое сердце, когда случается:

Кормить воробьиных птенчиков.

Ехать в экипаже мимо играющих детей.

Лежать одной в покоях, где курились чудесные благовония.

Заметить, что драгоценное зеркало уже слегка потускнело.

Слышать, как некий вельможа, остановив свой экипаж у твоих ворот, велит слугам что-то спросить у тебя.

Помыв волосы и набелившись, надеть платье, пропитанное ароматами. Даже если никто тебя не видит, чувствуешь себя счастливой.

Ночью, когда ждешь своего возлюбленного, каждый легкий звук заставляет тебя вздрагивать: шелест дождя или шорох ветра.

30. То, что дорого как воспоминание

Засохшие листья мальвы.

Игрушечная утварь для кукол.

Вдруг заметишь между страницами книги когда-то заложённые туда лоскутки сиреневого или пурпурного шелка.

В тоскливый день, когда льют дожди, неожиданно найдешь старое письмо от того, кто когда-то был тебе дорог.

Верер «Летучая мышь» — память о прошлом лете.

31. То, что радует сердце

Прекрасное изображение женщины на свитке в сопровождении многих искусно написанных слов.

На обратном пути с какого-нибудь зрелища края женских одежд выбиваются из-под занавесок, так переполнен экипаж. За ним следует большая свита, умелый погонщик гонит быка вожью.

Сердце радуется, когда пишешь на белой и чистой бумаге из Митиноку такой тонкой-тонкой кистью, что, какжется, она и следов не оставит.

Крученые мягкие нити прекрасного шелка.

Во время игры в кости много раз подряд выпадают счастливые очки.

Гадатель, превосходно владеющий своим искусством, возглашает на берегу реки заклятия против злых чар.

Глоток воды посреди ночи, когда очнешься от сна.

Томишься скукой, но вдруг приходит гость, в обычное время не слишком тебе близкий. Он сообщает последние светские новости, рассказывает о разных событиях, забавных, горестных или странных, о том, о другом... Во всем он осведомлен, в делах государственных или частных, обо всем говорит толково и ясно. На сердце у тебя становится весело.

Посетив какой-нибудь храм, закажешь там службу. Бонза в храме или младший жрец в святилище против обыкновения читает молитвы отчетливо, звучным голосом. Приятно слушать.

32. Экипаж знатного вельможи с кузовом из пальмовых листьев...

Экипаж знатного вельможи с кузовом из пальмовых листьев должен ехать спокойно и плавно. Если он мчится слишком быстро, это оскорбляет глаза.

Но зато чем скорее промелькнет мимо обычный экипаж с сетчатым кузовом, тем лучше. Едва показался — и уже исчез, только и заметишь бегущих сзади слуг. Занятно гадать: кто проехал? Но если повозка тащится медленно, какой уж интерес!

33. Проповедник должен быть благообразен лицом

Проповедник должен быть благообразен лицом.

Когда глядишь на него, не отводя глаз, лучше постигаешь святость поучения. А будешь смотреть по сто-

ронам, мысли невольно разбегутся. Уродливый вероучитель, думается мне, вводит нас в грех.

Но довольно! Будь я чуть помоложе, то, верно, больше написала бы о таких суетных вещах, как людская красота. Но в мои годы я страшусь прегрешения.

«Слова его возвышенны, и сам он полон благочестия», — заговорит молва о проповеднике. И вот уже иные люди спешат в храм, лишь бы первыми послушать его. Ах, чем ехать туда из таких тщеславных побуждений, лучше остаться дома!

Бывало, в старину, когда придворный выйдет в отставку, ему уже нет места в императорском кортеже и, уж само собой, во дворце его не увидишь. Но времена изменились. Бывших куродо, возведенных при отставке в чин пятого ранга, ныне охотно употребляют на службе.

И все же отставной придворный, верно, тоскует в душе, вспоминая прежние дни. Ему кажется, что он не у дела.

От скуки заглянет в храм, послушает проповедь раз другой, и вот его уже все время тянет туда.

Даже летом, в разгар летней жары, он там. Исподнее платье на нем самых ярких цветов. Бледно-лиловые переливчатые шаровары такой длины, что он топчет их при ходьбе. У иного к шапке прицеплен ярлычок с надписью «День удаления». Ему бы не покидать своего дома в такое время, но, видно, он думает, что ради благого дела все дозволено.

Разговаривая с мудрым подвижником, готовым приступить к проповеди, он посматривает краем глаза туда, где стоят экипажи с приезжими дамами. С радостным изумлением подходит к знакомому, с кем давно не виделся, заводит с ним разговор, кивает в знак согласия, рассказывает интересные новости, смеется, прикрыв рот широко распахнутым веером, небрежно перебирает роскошные четки из хрусталя, бросает взгляды направо и налево, хвалит или бранит убранство экипажей, разбирает до тонкости, так или этак прочел тот или иной священнослужитель «Восемь поучений» или «Приношение в дар святых книг»... За всем этим проповедь он пропустил мимо ушей.

Ну и что же? Он слушает столько проповедей, что уже не находит в них ничего нового, необыкновенного.

Иные господа не столь бесцеремонны, но все же являются после того, как проповедник уже занял свое место. Вот они подкатили в экипаже под крики передовых, разгоняющих толпу.

Это молодые еще люди, изящные и стройные. На одном кафтан из шелка тоньше крылышка цикады и шаровары, под кафтаном легкое платье из шелка-сырца, на другом — «охотничья одежда».

Их всего трое-четверо да столько же слуг. Они входят в храм. Несколько потеснив тех, кто прибыл раньше, занимают места у подножия колонны, поближе к проповеднику, и, потрепав в руках четки, готовятся слушать.

Увидев их, священнослужитель польщен и старается с блеском прочесть свою проповедь, чтобы в свете о нем заговорили. Но вот он кончил. Не успеют молящиеся вознести хвалу Будде и отбить поклоны, как эти господа с шумом встают и торопятся выйти первыми, поглядывая в ту сторону, где стоят экипажи дам.

Воображаю, о чем тогда толкуют между собой приятели!

— Как прелестна вот эта дама!

— А вон та, незнакомая, кто она? — теряются они в догадках, провожая ее пристальным взглядом. Ну, не смешно ли?

— Там читали проповедь. А вон там «Восемь поучений», — то и дело сообщают друг другу светские люди.

— А она там была?

— Еще бы, как же иначе!

Такое принуждение, нет, уж это чересчур!

Я не собираюсь, разумеется, хвалить тех, кто ни разу не удосужился послушать проповедь. Ведь многие женщины самого низкого звания слушают их с большим усердием. Но в прежнее время дамы не ходили пешком на все молебствия. А если в кои веки пойдут, то соблюдают в одежде хороший тон. Как подобает паломнице, завернутся с головой в широчайший плащ, именуемый «цветочным горшком». Но все же тогда не часто доводилось, чтобы дамы ходили слушать проповедь. Если бы люди, посещавшие храм в былые времена, дожили до наших дней, как бы строго судили они и порицали нас!

34. Когда я удалилась от мира в храм Бодхи...

Когда я удалилась от мира в храм Бодхи, чтобы слушать там «Восемь поучений», укрепляющих веру, пришел посланный из одного дружеского мне дома с просьбой: «Вернитесь скорее, без вас тоскливо».

В ответ я написала на листе бумажного лотоса:

Напрасен ваш призыв!
Могу ли я покинуть лотос,
Обрызганный росой?
Могу ли возвратиться снова
В мир дольней суеты?

Светлые слова поистине глубоко проникли в мою душу, и мне захотелось навеки остаться в обители. Я позабыла, с каким нетерпением ждут меня в миру родные и близкие.

35. У господина тайсё, имеющего свою резиденцию...

У господина тайсё, имеющего свою резиденцию в Малом дворце на Первом проспекте, есть загородный дом Косиракава. В этом доме попечением высших сановников было устроено замечательное торжество: четыре дня подряд должны были читаться «Восемь поучений». Всем людям большого света не терпелось побывать там.

«Если запоздаете, некуда будет поставить экипаж»,— предупредили меня, и я пустилась в путь вместе с первыми каплями утренней росы.

И в самом деле, скоро не осталось свободного места. Повозки на дворе стояли впритык, одна опиралась на

оглобли другой. Лишь в первых трех рядах еще можно было что-то слышать.

Близилась середина шестой луны, и жара стояла необычайная. Только тот, кто смотрел на лотосы в пруду, мог еще подумать о прохладе. Все высшие сановники, за вычетом Левого министра и Правого министра, присутствовали на этом сборище. На них были шаровары из переливчатого лилового шелка и тончайшие кафтаны, а сквозь шелка просвечивали легкие исподние одежды цвета бледной лазури.

Самые молодые щеголяли в одежде прохладных тонов: шаровары с синева-стальным отливом поверх исподних белых.

Государственный советник Сукэмаса вырядился как молоденький, что не соответствовало святости обряда и вызывало невольную улыбку.

Все шторы в зале, смежном с верандой, были подняты вверх. Высшие сановники сидели длинными рядами на брусках-нагэси, обратясь лицом к середине зала.

А на веранде парадно разряженные молодые придворные и юноши из знатных семей в кафтанах или в «охотничьих одеждах» непринужденно расхаживали взад и вперед. Было чем залюбоваться!

Юные отпрыски семьи — второй начальник гвардии Санэката, паж императора Тёмэй еще более свободно вели себя в привычной обстановке. Самые младшие, совсем дети с виду, были просто очаровательны.

Когда солнце уже почти достигло зенита, появился Сэмми-но тюдзэ, как титуловали тогда господина канцлера Мититакá. На нем была одежда ярких цветов: лиловый кафтан поверх легкого платья из тончайшего узорчатого креста цвета амбры, узорные лиловые шаровары поверх густо-алых нижних шаровар, исподнее платье из белого накрахмаленного шелка.

Могло показаться, что он слишком жарко одет по такой погоде, но все же он был великолепен!

Все веера были из красной бумаги, лишь планки у них сверкали лаком всевозможных оттенков, и, когда веерами взмахивали, казалось, что видишь поле цветущей гвоздики.

Пока проповедник еще не занял своего места, внесли столики с приношениями Будде, — не знаю какими.

Тюнагон Ёситика выглядел еще более пленительно, чем всегда. Он был бесподобно изящен. Среди большого собрания, где все старались перещеголять друг друга нарядной пестротой своих расцветченных всеми красками шелков, только у тюнагона ни один край его многослойных одежд не выбивался из-под верхнего кафтана.

Не сводя глаз с экипажей, где сидели дамы, он то и дело посылал туда слуг с наказом сообщить что-то от его имени. Все глядели на него с любопытством.

Для экипажей, прибывших позже, уже не нашлось места подле дворца, и их поставили возле пруда.

Заметив это, тюнагон Ёситика сказал господину Санэката:

— Кто из ваших слуг способен приличным образом передать приветствие? Приведите его ко мне.

Санэката привел к нему — уж я не знаю кого.

Что именно просил передать тюнагон, об этом могли спорить лишь люди, находившиеся неподалеку от него, я же не могла поймать ни полслова.

Слуга зашагал с таким деловым видом, что со всех сторон послышался смех. Он остановился возле одного экипажа и, как видно, начал говорить. Долго-долго он ждал ответа...

— Дама, наверно, послание в стихах сочиняет, — со смехом сказал тюнагон господину Санэката. — Будьте другом, помогите сложить «ответную песню».

В самом деле, когда же вернется слуга? Все присутствующие там сановники, даже самые старые, не сводили глаз с экипажа дамы... Право, даже толпа во дворе и то глазела.

Наверно, дама наконец дала ответ, потому что посланный сделал было несколько шагов вперед, но вдруг она снова поманила его веером.

«Почему она вдруг вернула его? — сказала я себе. — Может быть, хочет что-то переменить в стихотворении. А ведь столько времени сочиняла, лучше бы оставить, как есть. Поздно исправлять теперь».

Наконец она отпустила посланного. Не успел слуга вернуться, как его забросали нетерпеливыми вопросами: «Ну что? Ну что?»

Но тут тюнагон Ёситика позвал его. Посланный со значительным видом начал что-то докладывать...

— Короче,— оборвал слугу Самми-но тюзё.— Только спутаешься, если будешь выбирать слова.

До меня донесся ответ посланного:

— Да уж тут как ни ошибись, толк один.

То-дайнагон любопытствовал больше всех. Он так и вытянул шею:

— Ну, что же она сказала?

— Сказала: «Прямое дерево не согнешь — сломается»,— ответил Самми-но тюзё.

То-дайнагон так и залился смехом, за ним остальные, а ведь дама в экипаже могла услышать.

Тюнагон Ёситика стал расспрашивать посланного:

— Но что она сказала в первый раз? До того, как позвала тебя обратно? Что изменила она в своем ответе?

— Она долго молчала,— ответил слуга.— Долго не было слышно ни звука. «Так вы не изволите отвечать, говорю. Я пойду назад». И пошел было. Тут-то она меня и воротила.

— А чей это был экипаж? Узнал ли ты? — полюбопытствовал тюнагон.— Вот что, сочино-ка я стихотворение и снова пошлю тебя.

Тем временем проповедник занял свое место на возвышении. Наступила тишина. Все, приняв чинные позы, устремили глаза на него и не заметили, как экипаж дамы исчез, словно кто-то бесследно стер его с лица земли.

Занавеси в экипаже такие новые, будто лишь сегодня повешены. На даме двойная нижняя одежда густо-фиолетового цвета, платье из переливчатого пурпурно-лилового шелка и еще одно поверх всех — прозрачное, легкое, цвета багрянника. А сзади экипажа свешивается широко раскинутый шлейф с нарядным рисунком.

— Кто она такая? Ну, скажу я вам... Лучше бы промолчала, чем говорить глупости,— слышалось вокруг.

А я, противно общему мнению, сочла, что она отлично поступила.

Во время утренней службы поучение читал преподобный Сэйхэн. У него был столь благостный вид, что, казалось, все вокруг озарилось сиянием.

Я очень страдала от жары, и к тому же у меня были неотложные дела. «Послушаю немного,— думала я,— и вернусь домой». Но не тут-то было! Подъезжали

все новые и новые экипажи, как набегают морские волны, и моя повозка застряла в глубине двора.

Я послала сообщить владельцам экипажей, загордившим мне путь, что непременно должна уехать, лишь только кончится утренняя служба. Наверно, они обрадовались: можно будет ближе подъехать к проповеднику. Слуги их сразу же начали осаживать экипажи с криками: «Давай, давай! Живо!» Поднялась шумная суматоха.

— Нет, это возмутительно! — заговорили кругом. Старые сановники принялись отпускать ядовитые насмешки на мой счет, но я осталась глуха. Сохраняя полное спокойствие и ни слова не отвечая, я невозмутимо продолжала свой путь.

Тюнагон Ёситика воскликнул с улыбкой:

— Ха-ха! «Удалились люди сии — и хорошо сделали!»

Как он был прекрасен в эту минуту!

Я пропустила мимо ушей его слова — видно, от жары у меня в голове помутилось — и, уже выехав за ворота, послала слугу сказать ему: «Среди тех пяти тысяч показных благочестивцев и вам, верно, нашлось бы место...»

После чего возвратилась домой.

Во все продолжение «Восьми поучений», с первого и до последнего дня, во дворе стоял экипаж одной дамы, но незаметно было, чтоб кто-нибудь хоть раз подошел к нему.

Удивительное дело! Экипаж за все это время не сдвинулся с места, словно был нарисован на картине. Это было странно, необыкновенно, чудесно!

Я слышала, как люди спрашивали друг друга:

— Да кто она? Как бы узнать?

То-дайнагон насмешливо бросил:

— Нашли от чего прийти в восторг! Там, верно, прятется жуткая уродина...

Какое веселье царило тогда!

Но, увы, прошло лишь несколько дней, и в двадцатых числах того же месяца тюнагон Ёситика постригся в монахи. Какая печаль! Когда в свой срок облетают вишневые цветы, — что ж! — это вещь обычная в нашем мире.

А он был в прекраснейшей поре расцвета, «когда цветок лишь ожидает, что выпадет роса...».

36. В седьмом месяце года стоит невыносимая жара

В седьмом месяце года стоит невыносимая жара. Всюду подняты створки ситоми, но даже ночью трудно уснуть.

Проснешься посреди ночи, когда в небе ослепительно сияет луна, и смотришь на нее, не вставая с ложа, — до чего хороша!

Но прекрасна и безлунная ночь. А предрассветный месяц? К чему здесь лишняя похвала!

Как приятно, когда свежая цветная циновка постелена на гладко отполированных досках пола, возле самой веранды. Церемониальный занавес неразумно помещать в глубине покоя, его место — возле приоткрытых ситоми, не то на душе становится тревожно.

Возлюбленный, верно, уже удалился. Дама дремлет, с головой накрывшись светло-лиловой одеждой на темной подкладке. Верхний шелк уже, кажется, слегка поблек? Или это отликает гляncем густо окрашенная и не слишком мягкая парча? На даме нижнее платье из шелка цвета амбры или, может быть, палевого шелка-сырца, алые шаровары. Пояс еще не завязан, его концы свисают из-под платья.

Пряди разметанных волос льются по полу волнами... С первого взгляда можно понять, какие они длинные.

В предутреннем тумане мимо проходит мужчина, возвращающийся домой после любовной встречи. На нем шаровары из переливчатого пурпурно-лилового шелка, сверху наброшена «охотничья одежда», такая прозрачная, словно бы и нет ее. Под легким светлым платьем сквозят алые нижние одежды. Блестящие шелка смочены росой и обвисли в беспорядке. Волосы на висках растрепаны, и он глубже надвинул на лоб свою шапку цвета вороного крыла. Вид у него несколько подгулявший.

Возвращаясь от своей возлюбленной, он полон заботы. Надо написать ей письмо как можно скорее, «пока не скатились капли росы с утреннего вьюнка», думает он, напевая по дороге: «На молодых ростках конопли...»

Но вдруг он видит, что верхняя створка ситомы приподнята. Он чуть отодвигает край шторы и заглядывает внутрь.

«Должно быть, с этого ложа только что встал возлюбленный... И, может быть, как я, он сейчас по дороге домой любитесь блеском утренней росы...»

Эта мысль кажется ему забавной.

У изголовья женщины, замечает он, брошен широко раскрытый веер, бумага отливает пурпуром, планки из дерева магнолии.

На полу возле занавеса рассыпаны в беспорядке сложенные в несколько раз листки бумаги Митиноку, светло-голубые или розовые.

Дама замечает присутствие чужого, она выглядывает из-под наброшенной на голову одежды. Мужчина, улыбаясь, смотрит на нее. Он не из тех, кого надо избегать, но дама не хочет встречи с ним. Ей неприятно, что он видел ее на ночном ложе.

— В долгой дреме после разлуки? — восклицает он, перегнувшись до половины через нижнюю створку ситомы.

— В досаде на того, кто ушел раньше, чем выпала роса, — отвечает дама.

Может быть, и не следовало писать о таких безделах как о чем-то значительном, но разговор их, право, был очень мил.

Мужчина придвигает своим веером веер дамы и нагибается, чтобы его поднять, но дама пугается, как бы он не приблизился к ней. С сильно бьющимся сердцем она поспешно прячется в глубине покоя.

Мужчина поднимает веер и разглядывает его.

— От вас веет холодом, — бросает он с легким оттенком досады.

Но день наступил, слышен людской говор, и солнце уже взошло.

Только что он тревожился, успеет ли написать послание любимой, пока еще не рассеялся утренний туман, и вот уже совесть упрекает его за небрежение.

Но тот, кто покинул на рассвете ложе этой дамы, не столь забывчив. Слуга уже принес от него письмо, привязанное к ветви хаги. На цветах еще дрожат капли росы. Но посланный не решается отдать письмо, ведь дама не одна. Бумага цвета амбры пропитана ароматом и сладко благоухает.

Дольше медлить неловко, и мужчина уходит, улыбаясь при мысли, что в покоях его возлюбленной могло после разлуки с ним, пожалуй, случиться то же самое.

37. Цветы на ветках деревьев

Прекраснее всего весенний цвет красных оттенков: от бледно-розового до густо-алого. У сакуры крупные лепестки, на тонких ветках темно-зеленые листья.

Ветки цветущей глицинии низко-низко падают лиловыми гроздьями чудесной красоты.

В конце четвертой луны или в начале пятой среди темной зелени померанца ослепительно белеют цветы. С чем сравнить их живую прелесть на другое утро после дождя? А в гуще цветов кое-где еще видны золотые шары прошлогодних плодов. Как ярко они блистают! Не уступят цветам сакуры, обрызганным утренней росой. Померанец неразлучен с кукушкой и тем особенно дорог сердцу.

Цветы грушевого дерева не в почете у людей. Никто не привяжет к ветке цветущей груши и самого незначительного письмаца.

Цветком груши называют лицо, лишенное прелести. И правда, он непривлекателен на вид, окраска у него самая скромная.

Но в Китае слагают стихи о несравненной красоте цветка груши. Невольно задумаешься, ведь не случайно это... Вглядишься пристально, и в самом деле на концах его лепестков лежит розовый отсвет, такой легкий, что кажется, глаза тебя обманывают.

Повествуя о том, как встретились Ян Гуй-фэй с посланцем императора, поэт уподобил ее облитое слезами лицо «ветке груши в цвету, окропленной дождем». Значит, не думал он, что цветок груши неказист, но считал его красоту совершенной.

Цветы павлонии благородного пурпурно-лилового оттенка тоже очень хороши, но широко растопыренные

листья неприятны на вид. Можно ли, однако, говорить о павлонии как о самом обычном дереве? Лишь на ее ветках ищет себе приют прославленный китайский феникс. При одной этой мысли начинаешь испытывать к ней совершенно особое чувство.

Из ее ствола делают цитры, издающие множество сладостных звуков. Никаких слов не хватит, чтобы воздать хвалу павлонии, так она прекрасна.

Ясенка — неприглядное дерево, но цветы его прелестны. У них странный вид, словно они сморщились от жары. И еще есть у этих цветов одно чудесное свойство: они всегда торопятся расцвести к празднику пятого дня пятой луны.

38. Пруды

Пруд Кацумáга. Пруд Иватé.

Пруд Ниэнó. Когда я совершала паломничество в храмы Хацусé, то над ними все время с шумом вспархивали водяные птицы, это было чудесно.

Пруд Мидзунáси — «Без воды».

— Странно, отчего его так называли? — спросила я.

— Оттого, что даже в пятую луну года, когда не переставая льют дожди, в нем нет ни капли воды. Но иногда весною, в самую солнечную пору, вдруг там начинает ключом бить вода, — ответили мне люди.

Мне захотелось возразить им:

— Такое прозвище было бы справедливым, если бы пруд этот круглый год оставался сухим, но ведь по временам он до краев наполняется водой, зачем же всегда называть его пруд «Без воды»?

Пруд Сарусáва славен тем, что некогда его посетил нарский государь, услышав, что туда бросилась юная дева, служившая ему. И недаром до сих пор живут в памяти людей стихи поэта Хитомарó «Спутанные волосы...».

Пруд Омáэ — «Дар божеству», — хотела бы я узнать, какое чувство владело людьми, которые его так называли.

Пруд Кагáми — «Зеркало».

Пруд Сайма. Чудесное имя! Невольно приходит на память песня о водяной траве микүри.

Пруд Коинума — «Пока не любил».

Пруд Хара — это о нем поется в песне: «Трав жемчужных не срежай!» Оттого он и кажется прекрасным.

39. Из всех сезонных праздников...

Из всех сезонных праздников самый лучший — пятый день пятой луны. В воздухе плывут ароматы айра и чернобыльника.

Все кровли застланы айром, начиная с высочайших чертогов и до скромных хижин простонародья. Каждый старается украсить свою кровлю как можно лучше. Изумительное зрелище! В какое другое время увидишь что-либо подобное?

Небо в этот день обычно покрыто облаками. В покои императрицы принесли из службы питья одежд целебные шары — кусудамы, украшенные кистями из разноцветных нитей. Шары эти подвесили по обеим сторонам ложа в опочивальне. Там, еще с прошлогоднего праздника девятого дня девятой луны, висели хризантемы, завернутые в простой шелк-сырец. Теперь их сняли и выбросили.

Кусудамы тоже, пожалуй, должны были бы оставаться несколько месяцев, до следующего праздника хризантем, но от них то и дело отрывают нити, чтобы перевязать какой-нибудь сверток. Так растреплют, что и следа не останется.

В пятый день пятой луны ставят подносы с праздничными лакомствами. У молодых придворных дам прически украшены айром, к волосам прикреплен листок с надписью «День удаления». Они привязывают многоцветными шнурами красивые ветки и длинные корневища айра к своим нарядным накидкам. Необыкновенно? Да нет, пожалуй, но очень красиво. Неужели хоть один человек скажет, что цветы вишни ему примелькались, потому что они распускаются каждый год?

Юные служаночки, из тех, кто прогуливается пешком по улицам, прицепили к рукавам украшения и важничают, словно это невесть какое событие. Идет такая и все время любуется своими рукавами, поглядывая на других с победоносным видом: «Не скажешь, что у меня хуже!»

Проказливые мальчишки из придворной челяди подкрадутся и сорвут украшение. Крик, плач! Забавная картина!

Как это очаровательно, когда цветы ясенки завернуты в липовую бумагу того же оттенка, а листья аира — в зеленую бумагу! Листья скатывают в тонкие трубки или перевязывают белую бумагу белыми корнями аира. А если в письмо вложены длинные корни аира, то это будит в душе чувство утонченно прекрасного.

Дамы взволнованно совещаются между собой, как лучше ответить, показывают друг другу сочиненные ими письма. Забавно глядеть на них.

Если даме случилось послать ответное письмо дочери или супруге знатной особы, то она весь тот день находится в приятнейшем расположении духа.

А когда вечером в сумерках вдруг где-то послышится песня соловья, какое очарование!

40. Деревья, прославленные не за красоту своих цветов...

Деревья, прославленные не за красоту своих цветов, — это клен, багрянник, пятилистная сосна.

Тасобанокí — «дерево на краю поля» — звучит незычно, но когда облетит цвет с деревьев и все они станут однообразно зелеными, вдруг неожиданно, совсем не к времени, выглянут из молодой листвы и ярко заблещут листья «дерева на краю поля». Чудо, как хорошо!

О бересклете-мабóми умолчу. Он ничем не примечателен. Вот только жаль мне, что зовут его чужездным растением.

Каким прекрасным выглядит дерево сáкаки во время

священных храмовых мистерий! В мире великое множество деревьев, но лишь одному сакаки дозволено с начала времен предстать перед лицом богов! При этой мысли оно кажется еще прекрасней.

Камфорное дерево не растет в гуще других деревьев, словно бы сторонится их в надменной отчужденности. При этой мысли становится жутко, в душе рождается чувство неприязни. Но ведь говорят о камфорном дереве и другое. Тысячами ветвей разбегается его густая крона, словно беспокойные мысли влюбленного. Любопытно узнать, кто первый подсчитал число ветвей и придумал это сравнение.

Кипарис-хинокі тоже чуждается людских селений. Он так хорош, что из него строят дворцы, «где крыты кипарисом кровли крыш у трех иль четырех прекрасных павильонов». А в начале лета он словно перенимает у дождя его голос. В этом есть особая прелесть.

Туя-каэдэ невелика ростом. Концы листьев, когда они только-только распускаются, чуть отливают красным. И вот что удивительно! Листья у нее всегда повернуты в одну и ту же сторону, а цветы похожи на сухие скорлупки цикад.

Асунарё — это кипарис. Не видно его и не слышно о нем в нашем грешном мире, и только паломники, посетившие «Священную вершину», приносят с собой его ветви. Неприятно к ним прикоснуться, такие они шершавые. Зачем так называли это дерево — асунаро — «завтра будешь кипарисом»? Не пустое ли это обещание? Хотела бы спросить у кого-нибудь. Мне самой смешно мое ненасытное любопытство.

«Мышьи колобки» — такое дерево, само собой, должно быть ниже человеческого роста. Оно и само маленькое, и листья у него крохотные, очень забавный у него вид.

Ясенка, Горный померанец. Дикая яблоня.

Дуб-сий — вечнозеленое дерево.

Как много деревьев сохраняет круглый год свою листву, но почему-то если нужен пример, то всегда называют лишь один дуб-сий.

Дерево, которое зовут белым дубом, прячется всех дальше от людей, в самой глубине гор. Видишь разве только его листья в те дни, когда окрашивают церемониальные одежды для сановников второго и третьего ранга. И потому не скажешь о белом дубе, что он поражает

своей красотой или великолепием. Но, говорят, он может обмануть глаз, такой белый-белый, словно и в летнее время утопает в снегу. И чувствуешь глубокое волнение, когда его ветка вдруг напомнит тебе старинное предание о том, как Сусаноб-но микото прибыл в страну Йдзумо, или придет на память стихотворение Хитомаро.

Если ты услышал о каком-нибудь прекрасном, необыкновенном явлении года, то уже никогда не останешься к нему равнодушным, хотя бы речь зашла всего только о травах или деревьях, цветах или насекомых.

У дерева юдзуриха пышная глянцевиная листва, черенки листьев темно-красные и блестящие, это странно, но красиво. В обычные дни это дерево в пренебрежении, но зато в канун Нового года ему выпадает честь: на листья юдзуриха кладут кушанья, которые подносят, грустно сказать, душам умерших, а на второй день Нового года, напротив того, кушанья, которые должны «укрепить зубы» для долгой жизни.

В чье правление, не знаю, была сложена песня. В ней любящий дает обещание:

Я позабуду тебя
Не раньше, чем заалеют
Листья юдзуриха.

Очень красив дуб-касиваги — с вырезными листьями. Это священное дерево: в нем обитает бог — хранитель листьев. Почему-то начальникам гвардии дают кличку «касиваги». Забавный обычай.

Веерная пальма не слишком хороша на вид, но она в китайском вкусе, и ее, пожалуй, не увидишь возле домов простолоудинов.

41. Птицы

Попугай — птица чужеземная, но очень мне нравится. Он повторяет все, что люди говорят.

Соловей. Пастушок. Бекас. «Птица столицы» — мяякодори.

Чиж. Мухоловка.

Когда горный фазан тоскует по своей подруге, говорят, он утешится, обманутый, если увидит свое отражение в зеркале. Как это грустно! И еще мне жаль, что фазана и его подругу ночью разделяет долина.

У журавля чванный вид, но крик его слышится под самыми облаками, это чудесно!

Воробей с красным колпачком. Самец черноголового дубоноса. Птица-искусница.

Цапля очень уродлива, глаза у нее злые, и вообще нет в ней ничего привлекательного. Но ведь сказал же поэт: «В этой роще Юруги даже цапля одна не заснет, ищет себе подругу...»

Из всех водяных птиц больше всего трогают мое сердце мандаринки. Селезень с уточкой сметают друг у друга иней с крыльев, вот до чего они дружны!

А как волнует жалобный крик кулика-тидори!

Соловей прославлен в поэзии. Не только голос, но и повадка, и весь его вид — верх изящества и красоты. Тем досадней, что он не поет внутри Ограды с девятью воротами. Люди говорили мне: «В самом деле, это так!» — а я все не верила. Но вот уже десять лет я служу во дворце, а соловей ни разу и голоса не подал. Казалось бы, возле дворца Сэйрёдэн густеют рощи бамбука и алой сливы, как соловьям не прилетать туда?

Так нет же, они там не поют, но стоит только покинуть дворец, и ты услышишь, какой гомон поднимают соловьи на сливовых деревьях самого невзрачного вида возле жалкой хижины.

По ночам соловей молчит. Что тут поделаешь — он любитель поспать. Летней порой, до самой поздней осени, соловей поет по-стариковски хрипловато, и люди невежественные дают ему другое имя — «пожиратель насекомых». Какое обидное и жуткое прозвище!

Про какую-нибудь обыкновенную пичугу, вроде воробья, не станут так дурно думать.

Соловья славят как вестника весны. Принято восхвалять в стихах и прозе то прекрасное мгновение, когда соловьиные голоса возвестят: «Весна идет, она уже в пути...» Но если б соловей запел много позже, в середине весны, все равно его песня была бы прекрасна!

Вот и с людьми то же самое. Будем ли мы тратить слова, осуждая недостойного, который потерял человеческий образ и заслужил общее презрение?

Ворон, коршун... Кто в целом мире стал бы ими любоваться или слушать их крики? А о соловье идет громкая слава, потому и судят его так строго! При этой мысли невесело становится на душе.

Однажды мы хотели посмотреть, как с праздника Камо возвращается в столицу торжественная процессия, и остановили наши экипажи перед храмами Урин'гун и Тисокуйн. Вдруг закричала кукушка, словно она в такой день не хотела таиться от людей. Соловьи на ветках высоких деревьев начали хором, и очень похоже, подражать ее голосу, это было восхитительно!

Словами не выразить, как я люблю кукушку! Неожиданно слышится ее торжествующий голос. Она поет посреди цветущих померанцев или в зарослях унохана, прячась в глубине ветвей, у нее обидчивый нрав.

В пору пятой луны, когда льют дожди, проснешься посреди недолгой ночи и не засыпаешь больше в надежде первой услышать кукушку. Вдруг в ночном мраке звучит ее пленительный, волнующий сердце голос! Нет сил противиться очарованию.

С приходом шестой луны кукушка умолкает, ни звука больше, но напрасно мне искать слова, о кукушке всего не расскажешь.

Все живое, что подает свой голос ночью, обычно радует слух. Впрочем, есть одно исключение: младенцы.

42. То, что утонченно-красиво

Белая накидка, подбитая белым, поверх бледно-лилового платья.

Яйца дикого гуся.

Сироп из сладкой лозы с мелко наколотым льдом в новой металлической чашке.

Четки из хрусталя.
Цветы глицинии.
Осыпанный снегом сливовый цвет.
Милостивый ребенок, который ест землянику.

43. Насекомые

«Сверчок-колокольчик». Цикада «Закат солнца». Бабочка. Сосновый сверчок. Кузнечик. «Ткач-кузнечик». «Битая скорлупка». Поденка. Светлячок.

Мне очень жалко миномуса — «червячка в соломенном плаще». Отец его был чертом. Увидев, что ребенок похож на своего отца, мать испугалась, как бы он тоже не стал злобным чудовищем. Она закутала его в лохмотья и обещала: «Я вернусь, непременно вернусь, когда подует осенний ветер...» — а сама скрылась неведомо куда.

Но покинутый ребенок не знает об этом. Услышит шум осеннего ветра в пору восьмой луны и начинает горестно плакать: «Тити, тити!» — зовет свою мать. Жаль его, несчастного!

Как не пожалеть и «жука-молотильщика»! В его маленьком сердце родилась вера в Будду, и он все время по дороге отбивает поклоны. Вдруг где-нибудь в темном уголке послышится тихое мерное постукивание. Это ползет «жук-молотильщик».

Муху я вынуждена причислить к тому, что вызывает досаду. Противное существо!

Правда, муха так мала, что не назовешь ее настоящим врагом. Но до чего же она омерзительна, когда осенью на все садится, отбою нет. Ходит по лицу мокрыми лапками... Иной раз человеку дают имя «Муха», — неприятный обычай!

Ночная бабочка прелестна. Когда читаешь, придвигнув к себе поближе светильник, она вдруг начинает порхать над книгой. До чего же красиво!

Муравей уродлив, но так легок, что свободно бегаёт по воде, забавно поглядеть на него.

44. В пору седьмой луны...

В пору седьмой луны дуют вихри, шумят дожди. Почти все время стоит холодная погода, забудешь о летнем веере.

Но очень приятно бывает подремать днем, набросив на голову одежду на тонкой ватной подкладке, еще хранящую слабый запах пота.

45. То, что в разладе друг с другом

Снег на жалкой лачуге. Если в нее проникает лунный свет, то картина еще более безотраднa.

В ночь, когда ярко сияет луна, вдруг встречается повозка без крытого верха. И в такую телегу впряжен бык прекрасного светло-каштанового цвета!

Или вот еще. Животом вперед шествует беременная старуха.

Женщина в преклонных годах взяла себе молодого мужа. Это уже само по себе противно, а она еще ревнует, жалуясь, что он бегаёт к другой.

Старик заспался до сонной одури. Или еще — дед, обросший бородой, грызет желуды.

Беззубая старуха кусает сливу и морщится: кисло.

Женщина из самых низов общества надела на себя пурпурные шаровары. В наше время, впрочем, видишь это на каждом шагу.

Начальник караула с колчаном на поясе совершает ночной обход. Даже «охотничья одежда» выглядит на нем нелепо. А тем более — о страх! — красная одежда гвардейского начальника, она легко бросается в глаза. Заметят, как он бродит дозором возле женских покоев, и обольют его презрением.

— Нет ли здесь непрошенных гостей? — задает он привычный вопрос.

Войдет такой в женские покои и повесит на занавес, пропитанный ароматом курений, сброшенные с себя штаны. Куда это годится!

Отвратительно видеть, как красивые молодые люди из знатных семей поступают на службу в управу благочиния, на должность начальника блюстителей порядка. Мне жалко, что эту должность исполнял в дни своей юности нынешний принц-тюдзё. Как это не подходит к нему!

46. Однажды в дворцовой галерее...

Однажды в дворцовой галерее собралось множество дам. Всех проходивших мимо мы донимали вопросами.

Слуги приятной внешности, юные пажи несли господскую одежду, бережно завернутую в красивые платки. Видны были только длинные завязки...

Несли также луки, стрелы, щиты.

— Чьи они? — спрашивали мы.

Иной, преклонив колени, отвечает:

— Такого-то господина.

Отлично обученный слуга!

Другой растеряется от смущения:

— Не знаю.

А случается, слуга пройдет мимо, не ответив ни слова. Отвратительное впечатление!

47. Хозяйственная служба при дворе...

Хозяйственная служба при дворе, что ни говори, дело хорошее. Для женщин низкого происхождения нет ничего завиднее. Но такое занятие вполне го-

дится и для благородных дам. Лучше всего подошли бы хорошенькие молодые девушки в красивых нарядах. Но зато дамы чуть постарше знают все правила этикета и держатся так уверенно, что глаза на них отдыхают.

Я думаю, что из женщин, состоящих на хозяйственной службе, надо отбирать самых миловидных и наряжать их по самой последней моде. Пусть они носят шлейфы и китайские накидки.

48. Мужчин должен сопровождать эскорт

Мужчин должен сопровождать эскорт. Самые обворожительные красавцы ничего не стоят в моих глазах, если за ними не следует свита.

Министерский секретарь, казалось бы, отличная должность, но досадно, что у секретарей шлейф очень короткий и официального эскорта им не полагается.

49. Как-то раз То-но бэн...

Как-то раз То-но бэн стоял возле западной стены дворцовой канцелярии, где тогда пребывала императрица, и через решетчатое окно вел очень долгую беседу с одной придворной дамой.

Я полюбопытствовала:

— Кто она?

Он ответил:

— Это была Бэн-но найси.

— Ну, долго же вы с ней болтали! А если б вы по-

пались на глаза старшему секретарю, как было в прошлый раз? Она опять бы скрылась в испуге...

Он громко рассмеялся...

— Кто вам насплетничал? Я как раз пенял ей за это...

То-но бэн не светский модник, он не стремится поразить всех своим нарядом или блеснуть остроумием, всегда держится просто и естественно. Люди думают, что он не возвышается над посредственностью, но я смогла заглянуть в глубину его сердца и сказала императрице:

— Право, он человек далеко не заурядный.

Впрочем, государыня и сама это знает.

Беседуя со мной, он постоянно повторяет:

«Женщина украшает свое лицо для того, кто ищет в ней наслаждение. Доблестный муж примет смерть ради друга, который способен его постигнуть».

Он глубоко понял меня, и мы поклялись друг другу, что дружба наша устоит против всех испытаний, словно «ива у реки Адб, в Оми, дальней стороне».

Но молодые дамы без стеснения злословили на его счет:

— Этот господин невыносим в обществе. Не умеет он декламировать стихи и читать сутры, как другие. Тоску наводит.

И в самом деле, он ни с одной из них словом не перемолвился.

— По мне, пусть у дамы будут косые глаза, брови шириной во весь лоб, нос приплюснут, если у нее приятный ротик, круглый подбородок и красивая шея да голос не оскорбляет ушей.

Довольно было этих слов, чтобы все дамы, у которых острый подбородок и никакой приятности в голосе, сделались его яростными врагами. Они даже государыне говорят про него разные злые вещи.

То-но бэн привык обращаться к императрице только через мое посредство, ведь я первой стала оказывать ему эту услугу. Он вызывал меня из моих покоев и даже сам шел туда поговорить со мной. Когда мне случалось отлучиться из дворца к себе домой, он посылал мне письма или являлся собственной персоной.

«В случае если вы задержитесь,— просил он,— передайте через нарочного то-то и то-то».

Напрасно я говорила ему, что во дворце найдется кому передать его поручение, он и слушать не хотел.

— Разве не сказал некогда один мудрый человек, что самое лучшее житейское правило — пользоваться всем, что найдется под рукой, без лишних церемоний? — сказала я ему правоучительным тоном.

— Таков уж мой природный нрав, — коротко возразил он. — Себя не переделаешь.

— А что гласит старая истина: «Не стыдись исправлять самого себя»? — заметила я ему в ответ.

То-но бэн сказал мне, смеясь:

— Злые языки поговаривают, что мы с вами в тесной дружбе. Раз уж ходят такие слухи, то чего нам теперь стыдиться? Покажите мне ваше лицо.

— Но я ведь очень дурна собой. Сами же вы говорили, что не выносите дурнушек. Нет, нет, не покажу вам своего лица, — отказалась я.

— Ну что ж, может быть, и правда, вы мне стали бы противны. Пусть будет так, не показывайтесь мне, — решил он.

С этих пор, если ему по какому-нибудь случаю нужно было встретиться со мной, он сам закрывал свое лицо и не глядел на меня. Мне казалось, что говорил он не пустые слова, а в самом деле так думает.

Третий месяц был уже на исходе. Зимние кафтаны на теплой подкладке стали тяжелы, и многие сменили их на легкие одежды, а гвардейцы на ночном карауле даже не надевали исподнего платья.

Однажды утром мы с Сикибу-но омото спали до самого восхода солнца в наружных покоях возле императорской опочивальни. Вдруг скользящая дверь отворилась, и к нам пожаловали собственной персоной император вместе со своей супругой. Они от души рассмеялись, увидев, в каком мы замешательстве. Мы не решились вскочить с постели, только впопыхах надели китайские накидки поверх спутанных волос. Все ночные одежды, которыми мы ночью укрывались, лежали на полу в беспорядке. Государь с государыней ходили по ним. Они смотрели, как гвардейцы толкуются возле караульни.

Дежурные начальники стражи подошли к нашему покою и попытались завязать с нами разговор, не подозревая, что на них смотрят высочайшие особы.

Государь сказал нам, улыбаясь:

— Не показывайте им виду.

Спустя некоторое время высокая чета удалилась в свою опочивальню.

Император приказал нам:

— Следуйте за мной.

Но мы возразили:

— Сначала нам надлежит набелить наши лица.

Когда государь с государыней скрылись в глубине дворца, мы с Сикибу-но омото начали говорить о том, как чудесно было их появление.

Вдруг нам бросилось в глаза, что бамбуковая штора возле южной двери слегка приподнялась, цепляясь за выступающий край перекладины для занавеса, и в отверстие виднеется смуглое лицо какого-то мужчины.

«О, это, верно, Норитакá!» — решили мы и продолжали разговаривать, не удостоив его взглядом. Но он высунулся вперед, расплывшись в широкой улыбке. Нам не хотелось прерывать нашу беседу, но мы невольно бросили взгляд на непрошеного гостя... Это был не Норитакá!

Ах, ужас какой! Смеясь, мы подвинули стойку с занавесом и спрятались.

Но было поздно. То-но бэн видел меня. Мне стало очень досадно, ведь я обещала не показывать ему своего лица.

Сикибу-но омото сидела напротив меня, спиной к южной двери, ее-то он не успел рассмотреть.

Выйдя из своего тайника, То-но бэн воскликнул:

— А я вволю на вас налюбовался!

— Мы думали, — ответила я, — что это был Норитакá, и не остерегались. Но ведь вы же говорили: «Глядеть не буду», — а сами так долго и упорно...

— Мне говорили, что женское лицо утром со сна всего прелестней. Вот я и отправился к покоям одной дамы поглядеть на нее в щелку. А потом подумал: «Дай-ка взгляну теперь на другую», — и пришел к вам. Император еще был здесь, когда я начал подглядывать за вами, а вы и не знали!

С тех пор он не раз проводил время у меня в покоях, прячась за бамбуковой шторой.

50. Кони

Красивей всего вороной конь с небольшими белыми отметинами. Или с красно-коричневыми яблоками. Конь цвета метелок тростника. Или с красноватым отливом, как светло-алые цветы сливы, а грива и хвост белые-белые, как хлопок. Очень красиво, если у вороного коня ноги белые.

51. Быки

У быка хорош маленький лоб. Бык должен быть сивым, а брюхо, ноги, хвост пусть будут у него безупречной белизны.

52. Кошки

Красиво, когда у кошки черная спина и белоснежная грудь.

53. Дворцовые челядинцы и телохранители...

Дворцовые челядинцы и телохранители должны быть худощавыми и стройными. Да и вообще все молодые мужчины. У толстяков всегда сонный вид.

54. Люблю, когда пажки маленькие...

Люблю, когда пажки маленькие и волосы у них красивые, ложатся гладкими прядями, чуть отливающими глянец.

Когда такой паж милым голоском почтительно говорит с тобой, — право, это прелестно.

55. Погонщик быка — верзила...

Погонщик быка — верзила, волосы взлохмачены, лицо красное, но видно, что человек сметливый.

56. Вечерняя переключка во дворце...

Вечерняя переключка во дворце, право, очень занимательна. Поименно проверяют всех придворных, кто наряжен на ночное дежурство при особе императора. Слышится торопливый топот ног, словно что-то рушится.

Когда мы находимся в восточной галерее возле апартаментов императрицы, то нередко прислушиваемся к переключке. Вдруг звучит имя твоего знакомого, и сердце, кажется, готово выпрыгнуть из груди. А если услышишь имя незнакомого человека, оно западет тебе в память, и кто знает, какое чувство родится в твоём сердце.

Дамы решают:

— Этот великолепно возглашает свое имя!

— Ах, слушать противно!

Но вот переключка кончена, гудят луки стражников, они выбегают из караульни, стуча сапогами.

А потом куродо, гулко отбивая шаг, выходит к северо-восточной балюстраде, становится на колени и, обратясь лицом к императору, громко спрашивает у стражников, которые находятся у него за спиной, присутствует ли такой-то. Звучат ответы, громкие или тихие. Если кто-то не явился, начальник стражи оповещает об этом. «По какой причине?» — вопрошает куродо, и ему докладывают, чем вызвана отлучка. Закончив опрос, куродо удаляется.

Очень забавен один из куродо по имени Масахирó. Как-то раз друзья упрекнули его, что он совсем не слушал начальника стражи, и теперь он стал придирчив, горячится, ругает стражников, грозит им наказанием, так что они потешаются над ним.

Однажды Масахи́ро по ошибке положил свои башмаки в дворцовой поварне на стол, куда ставят подносы с кушаньями для императора. Поднялся ужасный крик.

Служанки при кухне и другие дворцовые прислужницы, пожалев его, повторяли:

— Чьи это могут быть башмаки? Ума не приложим.

Но вдруг Масахи́ро сам объявил:

— Ай-йй-йй, это моя грязная ветошь.

Ну и подняли же его на смех!

57. Очень неприятно, если молодой человек из хорошей семьи...

Очень неприятно, если молодой человек из хорошей семьи произносит имя худородной женщины, как будто оно привычно ему. Если даже это имя ему отлично известно, он должен сделать вид, что почти его забыл.

Ночью приближаться к покоям дворцовых дам дело дурное, но если идешь к прислужнице из хозяйственного ведомства, живущей в своем доме за пределами дворца, то лучше взять с собой слугу, пусть позовет ее. Самому опасно, могут узнать по голосу. А если это низшая служанка или девочка для услуг, ну тут уж все сойдет.

58. Хорошо, когда у юноши или малого ребенка пухлые щеки...

Хорошо, когда у юноши или малого ребенка пухлые щеки.

Полнота также очень идет губернаторам провинций и людям в чинах.

59. Ребенок играл с самодельным луком...

Ребенок играл с самодельным луком и хлыстиком. Он был прелестен! Мне так хотелось остановить экипаж и обнять его.

60. Проезжая мимо дома одного вельможи...

Проезжая мимо дома одного вельможи, я увидела, что внутренние ворота открыты. Во дворе стоял экипаж с кузовом, плетенным из листьев пальмы, белых и чистых, пурпурные занавеси внутри чудесной окраски и работы, оглобли опущены на подставку. Великолепный экипаж!

По двору сновали туда и сюда чиновники пятого и шестого рангов. Шлейф церемониальной одежды заткнут за пояс, в руках вместе с веером еще совсем белая таблица... Телохранители почетного эскорта в полном параде, за спиной колчан в виде кувшина.

Зрелище, достойное такого дворца!

Вышла премило одетая служаночка и спросила:

— Здесь ли люди такого-то господина?

На это стоило посмотреть.

61. Водопады

Водопад Отонáси — «Беззвучный».

Водопад Фúру замечателен тем, что его посетил один отрехшийся от престола император.

Водопад Нáти находится в Куманó, и это придает ему особое очарование.

Водопад Тодорóбки — «Гремящий», — как устрашающе он гремит!

62. Реки

Река Асука! Как недолговечны ее пучины и перека-
ты! Думаешь с печалью о том, что готовит неверное бу-
дущее.

Река Ои. Река Нанасэ — «Семь стремнин».

Река Мимитó — «Чуткое ухо». Любопытно бы узнать,
к чему она так усердно прислушивалась?

Река Тамахóси — «Жемчужная звезда». Река Хосо-
тáни — «Поток в ущелье». Река Нүки в стране Идзу и ре-
ка Савáда воспеты в песнях сáйбара. Река Натóри —
«Громкая слава», — хотела бы я спросить у кого-нибудь,
какая слава пошла о ней. Река Ёсинó.

Амá-но кáвара — «Небесная река». Какое прекрасное
название! На ее берегу когда-то сказал поэт Нарихíра:

Сегодня к звезде Ткачихе
Я попрошусь на ночлег.

63. Покидая на рассвете возлюбленную...

Покидая на рассвете возлюбленную, мужчина не
должен слишком заботиться о своем наряде.

Не беда, если он небрежно завяжет шнурок от шап-
ки, если прическа и одежда будут у него в беспорядке,
пусть даже кафтан сидит на нем косо и криво, — кто в
такой час увидит его и осудит?

Когда ранним утром наступает пора расставанья,
мужчина должен вести себя красиво. Полный сожаленья,
он медлит подняться с любовного ложа.

Дама торопит его уйти:

— Уже белый день. Ах-ах, нас увидят!

Мужчина тяжело вздыхает. О, как бы он был счастлив, если б утро никогда не пришло! Сидя на постели, он не спешит натянуть на себя шаровары, но склонившись к своей подруге, шепчет ей на ушко то, что не успел сказать ночью.

Как будто у него ничего другого и в мыслях нет, а смотришь, тем временем он незаметно завязал на себе пояс.

Потом он приподнимает верхнюю часть решетчатого окна и вместе со своей подругой идет к двустворчатой двери.

— Как томительно будет тянуться день! — говорит он даме и тихо выскальзывает из дома, а она провожает его долгим взглядом, но даже самый миг разлуки останется у нее в сердце как чудесное воспоминание.

А ведь случается, иной любовник вскакивает утром как ужаленный. Поднимая шумную возню, суетливо стягивает поясом шаровары, закатывает рукава кафтана или «охотничьей одежды», с громким шуршанием прячет что-то за пазухой, тщательно завязывает на себе верхнюю опояску. Стоя на коленях, надежно крепит шнурок своей шапки-эбóси, шарит, ползая на четвереньках, в поисках того, что разбросал накапуне:

— Вчера я будто положил возле изголовья листки бумаги и веер?

В потемках ничего не найти.

— Да где же это, где же это? — лазит он по всем углам. С грохотом падают вещи. Наконец нашел! Начинает шумно обмахиваться веером, стопку бумаги сует за пазуху и бросает на прощанье только:

— Ну, я пошел!

64. Мосты

Мосты Асамúдзу — «Мелкая вода», Нагарá — «Длинная ручка», Амабикó — «Эхо», Хаманá.

Хитоцубáси — «Единственный мост».

Мост Утатанэ — «Дремота».
Наплавной мост Санб.
Мосты Хóриэ, Касаса́ги — «Сороки», Ямасугэ —
«Горная лилия».
Плавающий мост Оцу.
Мост — «Висячая полочка». Видно, душа у него не-
широкая, зато имя забавное.

65. Деревни

Деревни: Осака — «Холм встреч», Нагамэ — «Долгий взгляд», Идзамэ — «Пробуждение», Хитодзумá — «Чужая жена», Таномэ — «Доверие», Юхи — «Вечернее солнце».

Деревня Цуматóри — «Похищение жены». У мужа ли похитили жену, сам ли он отнял жену у другого, — все равно смешное название.

Деревня Фусимй — «Потупленный взор», Асагао — «Утренний лик».

66. Травы

Аир. Водяной рис.

Мальва очень красива. С самого «века богов» листья мальвы служат украшением на празднике Камо, великая честь для них! Да и сами по себе они прелестны.

Трава омодака́ — «высокомерная». Смешно, как подумаешь, с чего она так высоко о себе возомнила?

Трава микури. Трава «циновка для пиявок». Мох. Молодые ростки на проталинах. Плющ. Кислица причудлива на вид, ее изображают на парче.

«Опрометчивая трава» растет на берегу у самой воды. Право, душа за нее не спокойна.

Трава «доколе» растет в расщелинах старых стен, и судьба ее тоже ненадежна. Старые стены могут осыпаться еще скорее, чем берег. Грустно думать, что на крепкой, выбеленной известкой стене трава эта расти не может.

Трава «безмятежность», — хорошо, что тревоги ее уже позади.

Как жаль мне траву «смятение сердца»!

Придорожный дерн замечательно красив. Белый тростник тоже. Чернобыльник необыкновенно хорош.

Горная лилия. Плаун в «тени солнца». Горное индиго. «Лилия морского берега». Ползучая лоза. Низкорослый бамбук. Луговая лиана. Пастушья сумка. Молодые побеги риса. Мелкий тростник очень красив.

Лотос — самое замечательное из всех растений. Он упоминается в притчах Сутры лотоса, цветы его подносят Будде, плоды нанизывают как четки — и, поминая лотос в молитвах, обретают райское блаженство в загробном мире. Как прекрасны его листья, большие и малые, когда они расстилаются на тихой и ясной поверхности пруда! Любопытно сорвать такой лист, положить под что-нибудь тяжелое и потом поглядеть на него — до чего хорош!

Китайская мальва повертывается вслед за движением солнца, даже трудно причислить ее к растениям.

Польнь. Подмаренник. «Лунная трава» легко блекнет, это досадно.

67. Цветы

Из луговых цветов первой назову гвоздику. Китайская, бесспорно, хороша, но и простая японская гвоздика тоже прекрасна. Оминаэси — «женская краса». Колокольчик с крупными цветами. Вьюнок «утренний лик».

Цветущий тростник.

Хризантема. Фшалка.

У горечавки преспротивные листья, но когда все другие осенние цветы поникнут, убитые холодом, лишь ее венчики все еще высятся в поле, сверкая яркими красками, — это чудесно!

Быть может, не годится особо выделять его и петь ему хвалу, но все же какая прелесть цветок «рукоять серпа». Имя это звучит по-деревенски грубо, но китайскими знаками можно написать его иначе: «цветок поры прилета диких гусей».

Цветок «гусяная кожа» не очень ярко окрашен, но напоминает цветок глицинии. Распускается он два раза — весной и осенью, вот что удивительно!

Гибкие ветви кустарника хаги осыпаны ярким цветом. Отяжеленные росой, они тихо зыблются и клонятся к земле. Говорят, что олень особенно любит кусты хаги и осенью со стоном бродит возле них. Мысль об этом волнует мне сердце.

Махровая керрия.

Бьюнок «вечерний лик» с виду похож на «утренний лик», — не потому ли, называя один, вспоминают и другой? «Вечерний лик» очень красив, пока цветет, но плоды у него безобразны! И зачем только они вырастают такими большими! Ах, если бы они были размером с вишенку, как бы хорошо! Но все равно «вечерний лик» — чудесное имя.

Куст цветущей сирени. Цветы камыша.

Люди, верно, будут удивляться, что я еще не назвала сусу́ки. Когда перед взором расстилаются во всю ширь осенние поля, то именно сусуки придает им неповторимое очарование. Концы его колосьев густо окрашены в цвет шафрана. Когда они сверкают, увлажненные утренней росой, в целом мире ничего не найдется прекрасней! Но в конце осени сусуки уже не привлекает взгляда. Осыплются бесследно его спутанные в беспорядке, переживавшие всеми оттенками гроздя цветов, останутся только голые стебли да белые головки... Гнуты под ветром стебли сусуки, качаются и дрожат, словно вспоминая былые времена, совсем как старики. При этом сравнении чувствуешь сердечную боль и начинаешь глубоко жалеть увядшее растение.

68. Сборники стихов

«Собрание мириад листьев» — «Манъёсю». «Собрание старых и новых песен» — «Кокінсю».

69. Темы стихов

Столица. Ползучая лоза... Травя микури. Жеребенок.

70. То, что родит тревогу

Сердце матери, у которой сын-монах на двенадцать лет удалился в горы.

Приезжаешь безлунной ночью в незнакомый дом. Огонь в светильниках не зажигают, чтобы лица женщин оставались скрытыми от посторонних глаз, и ты садишься рядом с невидимыми тебе людьми.

Еще не знаешь, насколько можно доверять вновь нанятому слуге. Он послан в чей-то дом с ценными вещами — и не спешит вернуться!

Ребенок, который еще не говорит, падает навзничь, кричит, барахтается и никому не дает взять себя на руки.

71. То, что нельзя сравнивать между собой

Лето и зима. Ночь и день. Ненастье и солнечная погода. Старость и юность. Белое и черное. Любимый и ненавистный.

Он все тот же, но каким он казался тебе, пока ты любила, и каким кажется теперь! Словно два разных человека.

Огонь и вода. Толстый и тонкий. Женщина, у которой длинные волосы, и женщина с короткими волосами.

72. Стаи воронов спят на деревьях

Стаи воронов спят на деревьях. Вдруг посреди ночи они поднимают страшный шум. Срываются с веток, мечутся, перелетают с дерева на дерево, кричат хриплыми со сна голосами... Право, ночью они куда милее и забавней, чем в дневную пору.

73. Для тайных свиданий лето всего благоприятней

Для тайных свиданий лето всего благоприятней. Быстро пролетает короткая ночь. Еще ни на мгновение не забылись сном, а уже светает. Повсюду с вечера все открыто настежь, можно поглядеть вдаль, дыша прохладой.

На рассвете любовники еще находят что сказать друг другу. Они беседуют между собой, но вдруг где-то прямо над ними с громким карканьем взлетела ворона. Сердце замерло, так и кажется, что их увидели.

74. Если тебя посетит возлюбленный...

Если тебя посетит возлюбленный, то, само собой, он не спешит уходить. Но иногда бывает, что малознакомый человек или случайный посетитель явится к тебе в то самое время, когда позади бамбуковой шторы в твоём покое собралось множество дам. Идет оживленная беседа, и увлеченный ею гость не замечает, как бежит время...

Слуги и пажы его эскорта нетерпеливо заглядывают в комнату. Они маются, бормоча, что за это время ручка топора и та истлеет. Зевают так, что вот-вот челюсти вывихнут, и жалуются друг другу будто бы по секрету:

— Ах, горе! Пытка, сущее наказание! Верно, уже далеко за полночь...

Ужасно неприятно это слушать!

Слуги скажут, не подумав, но у их хозяина пропал весь интерес к беседе.

Иногда они не выражают своих чувств столь откровенно, а только громко стонут: «А-а-а!»

Как говорится в стихотворении «О бегущей под землей воде»:

[То, что не высказал я,
Сильнее того, что сказал.]

Но все же берет жестокая досада, когда челядинцы охают позади решетчатой ширмы или плетеной изгороди:

— Никак, дождь собирается!

Разумеется, люди, сопровождающие высокопоставленного сановника, не ведут себя так дерзко, да и у молодых господ из знатнейших домов слуги тоже держатся хорошего тона, но если хозяева рангом пониже,

то челядинцы позволяют себе слишком много. Надо выбирать таких телохранителей, в добром поведении которых ты совершенно уверен.

75. То, что редко встречается

Тесть, который хвалит зятя.

Невестка, которую любит свекровь.

Серебряные щипчики, которые хорошо выщипывают волоски бровей.

Слуга, который не чернит своих господ.

Человек без малейшего недостатка. Все в нем прекрасно: лицо, душа. Долгая жизнь в свете нимало не испортила его.

Люди, которые, годами проживая в одном доме, ведут себя церемонно, как будто в присутствии чужих, и все время неусыпно следят за собой. В конце концов редко удается скрыть свой подлинный нрав от чужих глаз.

Трудно не капнуть тушью, когда переписываешь роман или сборник стихов. В красивой тетради пишешь с особым старанием, и все равно она быстро принимает грязный вид.

Что говорить о дружбе между мужчиной и женщиной! Даже между женщинами не часто сохраняется нерушимое доброе согласие, несмотря на все клятвы в вечной дружбе.

76. Самые лучшие покои для придворных дам...

Самые лучшие покои для придворных дам находятся в узких галереях.

Когда поднимаешь верхнюю створку ситомы, ветер с силой ворвется в комнату. Даже летом там царит

прохлада. А зимой вместе с ветром влетает снег и град, и это тоже мне очень нравится.

Покои в галерее до того тесные, что, если к тебе зайдет девочка-служанка, не знаешь, куда ее девать, но она поневоле смущена, прячется за ширмами и не смеет так громко, как в других покоях,— словом, хорошо ведет себя.

Весь день во дворце мы в беспрестанной тревоге, ночью ни минуты покоя, но зато много случается любопытного.

Всю ночь мимо нашей галереи топочут сапоги. Вдруг шаги затихли, кто-то осторожно постучал в дверь. Забавно думать, что дама сразу же догадалась: «Это он!»

«Если он долго будет стучать, но не услышит ни звука в ответ, то, пожалуй, решит, что я заснула»,— с беспокойством думает дама и делает легкое движение, слышится шорох шелков.

«А, она еще не спит!» — прислушивается мужчина.

Зимой позвякивание щипцов в жаровне — тайный знак гостю, что дама ожидает его. Он стучит все настойчивей и даже громко зовет ее, дама скользит к запертым ситомы и откликается ему.

Иногда хор голосов начинает скандировать китайские стихи или декламирует нараспев японские танки. Одна из дам отпирает свою дверь, хотя никто к ней не стучался. Тут уж останавливается тот, кто и в мыслях не держал посетить ее.

Иногда в покои войти нельзя, приходится всю ночь стоять за дверью, в этом есть своя приятность.

Из-под занавеса выбегают, тесня друг друга, многоцветные края женских одежд.

Молодые господа, у которых кафтаны вечно распороты на спине, или куроодо шестого ранга в одежде светло-зеленого цвета не отважатся открыто подойти к дверям дамы, а прислонятся спиной к ограде и будут там стоять, сложив руки на груди.

Вот мужчина в темно-лиловых шароварах и ярком кафтане, надетом поверх многоцветных одежд, приподнимает штору и по пояс перегибается в комнату через нижнюю створку ситомы. Очень забавно поглядеть на него со двора. Он пишет письмо, придвинув к себе изящную тушечницу, или, попросив у дамы ручное зеркало, поправляет волосы. Право, он великолепен!

В покое висит занавес, но между его верхним краем и нижним краем шторы остается узкая щель. Мужчина, стоя снаружи, ведет разговор с дамой, сидящей внутри комнаты. Обычно они прекрасно видят друг друга. Но что, если он великан, а она крошка?

77. Музыкальная репетиция перед праздником Камо...

Музыкальная репетиция перед праздником Камо — большое наслаждение. Слуги ведомства двора высоко поднимают длинные сосновые факелы. Втянув голову в плечи от холода, они тычут концы горящих факелов во что попало.

Но вот начинается концерт. Звуки флейт особенно волнуют сердце. Появляются юные сыновья знатнейших вельмож в церемониальной одежде, останавливаются возле наших покоев и заводят с нами разговор.

Телохранители потихоньку велят толпе посторониться, расчищая дорогу своему господину. Голоса их, сливаясь с музыкой, звучат непривычно красиво.

Не опуская створок ситоми, мы ждем, чтобы музыканты с танцорами вернулись из дворца. Слышно, как юноши исполняют песню:

На новом рисовом поле
«Трава богатства» цветет...

На этот раз они поют ее лучше, чем бывало раньше. Если какой-нибудь не в меру серьезный человек идет прямо домой, не задерживаясь на пути, дамы говорят со смехом:

— Подождите немного. Зачем терять такой чудный вечер... Ну, хоть минутку!

Но, видно, он в дурном расположении духа. Чуть не падая, бежит прочь, словно за ним гонятся и хотят удержать силком.

78. В то время императрица пребывала в своей дворцовой канцелярии

В то время императрица пребывала в своей дворцовой канцелярии. Все там говорило о глубокой старине: роца деревьев и само здание, высокое и пустынное, но мы чувствовали какое-то безотчетное очарование.

Прошел слух, что в главных покоях внутри дома обитает нечистый дух. Отгородившись от него с южной стороны, устроили опочивальню для государыни в южных покоях, а придворные дамы несли службу в смежной галерее, выходящей на веранду.

Мы ясно слышали, как раскатисто кричат передовые скороходы, когда высокопоставленные сановники, следуя через восточные ворота Ёмэйбон, направляются мимо нас к воротам возле караульнилевой гвардии. Скороходы придворных не слишком высокого ранга покрикивают потише и покороче, и дамы дают проезжающим смешные клички: «Большой эй-посторонись», «Малый эй-посторонись».

Мы так часто слышим голоса скороходов, что научаемся распознавать их. «Это едет такой-то», — утверждают они. «И совсем не он!» — спорят другие. Посылаем служаночку поглядеть.

— А что я говорила! — радуется дама, угадавшая правильно.

Однажды, когда в небе еще стояла предрасветная луна, мы спустились в сад, окутанный густым туманом.

Императрица услышала нас, и ей тоже захотелось подняться со своего ложа.

Все дамы ее свиты либо вышли на веранду, либо спустились в сад. Так мы наслаждались утром, пока постепенно светало.

— Я пойду к караульнелевой гвардии, — сказала я. Другие дамы, одна обгоняя другую, поспешили вслед за мной.

Вдруг мы услышали, что к дворцу государыни идут придворные, дорогой скандируя «Голосом осени ветер поет» и другие стихи. Мы бегом воротились к императрице доложить ей о нашей встрече.

Один из посетителей с похвалой заметил:

— Так вы изволили любоваться луной на рассвете! — и прочел по этому случаю танку.

Вообще, придворные постоянно навещали наш дворец, и ночью и днем. Самые высокопоставленные сановники, если им не надо было спешить по важному делу, не прерывают, бывало, явиться к нам с визитом.

79. То, что неразумно

Женщина возгорелась желанием получить должность при дворе, и вот она томится скукой, служба тяготит ее.

Неразумно с ненавистью глядеть на зятя, принятого в дом.

Выдали дочь за человека, вовсе к ней не расположенного, против ее воли, и теперь жалуются, что он им не по душе.

80. То, что навевает светлое настроение

Монах, который подносит государю в первый день Зайца жезлы удзу́, сулящие долголетие.

Главный исполнитель священных плясок микагура.

Танцор, который размахивает фляжком во время священных плясок.

Предводитель отряда стражников, которые ведут коней, в Праздник умилостивления божеств.

Лотосы в пруде, обрызганные пролетным дождем.

Главный актер в труппе бродячих кукольников.

81. Когда кончились Дни поминовения святых имен Будды...

Когда кончились Дни поминовения святых имен Будды, в покои императрицы перенесли ширмы, на которых изображен ад, чтобы государыня лицезрела их, предаваясь покаянию.

Они были невыразимо, беспредельно страшны.

— Ну же, гляди на них,— приказала мне императрица.

— Нет, я не в силах,— и, охваченная ужасом, я скрылась в одном из внутренних покоев.

Лил дождь, во дворце воцарилась скука.

Придворные были приглашены в покои государыни, и там начался концерт. Сёнагон Митиката превосходно играл на лютне-быва. Ему вторил Наримаса на цитре-со, Юкиёси — на флейте и господин Цунэфусá — на многоствольной флейте. Это было чудесно! Когда смолкли звуки лютни, его светлость дайнагон продекламировал:

Голос лютни замолк,
Но медлят еще с разговором.

Я прилегла в отдаленном покое, но тут не выдержала и вышла к ним со словами:

— О, я знаю, грех мой ужасен... Но как противиться очарованию прекрасного?

Все рассмеялись.

82. То-но тюдзё, услышав злонамеренную сплетню на мой счет...

То-но тюдзё, услышав злонамеренную сплетню на мой счет, стал очень дурно говорить обо мне:

— Да как я мог считать ее за человека? — восклицал он.

До моего слуха дошло, что он чернил меня даже во дворце. Представьте себе мое смущение!

Но я отвечала с улыбкой:

— Будь это правда, что ж, против нее не поспоришь, но это ложь, и он сам поймет, что не прав.

Когда мне случалось проходить мимо галереи «Черная дверь», он, услышав мой голос, закрывал лицо рукавом, отворачивался и всячески показывал мне свое отвращение.

Но я оставляла это без внимания, не заговаривала с ним и не глядела на него.

В конце второй луны пошли частые дожди, время тянулось томительно.

То-но тюдзё разделял вместе с государем Дни удаления от скверны.

Мне передали, что он сказал:

— Право, я соскучился без нее... Не послать ли ей весточку?

— О нет, незачем! — ответила я.

Целый день я пробыла у себя. Вечером пошла к императрице, но государыня уже удалилась в свою опочивальню.

В смежном покое дамы собрались вокруг светильника. Они развлекались игрой — по левой половине иероглифа угадывали правую.

Увидев меня, дамы обрадовались:

— Какое счастье, вот и вы! Идите сюда скорее!

Но мне стало тоскливо. И зачем только я пришла сюда? Я села возле жаровни, дамы окружили меня, и мы повели разговор о том о сем. Вдруг за дверями какой-то слуга отчетливым голосом доложил, что послан ко мне.

— Вот странность! Кому я понадобилась? Что могло случиться за столь короткое время?

И я велела служанке осведомиться, в чем дело.

Посланный принадлежал к службе дворца.

— Я должен сам говорить с нею, без посредников,— заявил он, и я вышла к нему.

— Господин То-но тюдзё посылает вам вот это письмо. Прошу вас поскорее дать ответ,— сказал мне слуга.

«Но ведь он же вида моего не выносит, зачем ему писать мне?» — подумала я. Прочитать письмо наспех нельзя было.

— Ступай, ответ не замедлит,— сказала я и, спрятав письмо на груди, воротилась во дворец.

Разговор мой с дамами возобновился, но вскоре посланный пришел снова:

— Господин сказал мне: «Если ответа нет, то пусть она вернет мне мое письмо». Поторопитесь же!

«Как странно! Словно рассказ в «Исэ-моногата-ри»...» — подумала я и взглянула на письмо. Оно было написано изящным почерком на тонкой голубой бумаге. Сердце у меня забилось, и напрасно. В письме не было ничего, что могло бы взволновать, только строка из стихотворения китайского поэта:

В Зале совета, в пору цветов,
Вы под парчовой завесой.

И короткая приписка: «А дальше, что же дальше?»

Я не знала, как быть. Если б государыня еще бодрствовала, я бы могла попросить у нее совета.

Как доказать, что мне известен следующий стих? Напиши я китайские знаки неверной рукой, мой ответ оскорбил бы глаза.

Я взяла погасший уголек из жаровни и начертала на письме два японских стиха:

Хижину, крытую травой,
Кто навестит в дождливую ночь?

Я отдала письмо посланному, но ответа не получила.

Вместе с другими дамами я провела ночь во дворце. Не успела я утром вернуться в свои покои, как Гэн-тюдзё громогласно спросил:

— Здесь ли «Травяная хижина»?

— Странный вопрос,— сказала я.— Может ли здесь находиться такое жалкое существо? Вот если бы вы искали «Яшмовый чертог», вам бы, пожалуй, откликнулись.

— Отлично! Так вы у себя? А я собирался искать вас во дворце.

И вот что он сообщил мне:

— Вчера вечером у То-но тюдзё в его служебных апартаментах собралась компания придворных, все люди чиновные, рангом не ниже шестого. Пошли рассказы о женщинах былого и нашего времени.

— О себе скажу, я начисто порвал с ней, но так это не может оставаться. Я все ждал, что Сёнагон первая заговорит со мной, но она, видно, и не собирается. Так равнодушна, даже зло берет. Сегодня я хочу проверить наконец, многого ли она стоит. И тогда, так или иначе, конец делу!

Порешили отправить вам письмо. Но посланный вернулся с известием: «Сейчас она не может его прочесть».

То-но тюдзё снова отправил к вам посланного со строгим приказом: «Схвати ее за рукав и не давай отвертеться. На худой конец пусть хотя бы вернет мое письмо».

Слуге пришлось идти под проливным дождем. На этот раз он очень скоро вернулся и вынул листок из-за пазухи:

— Вот, пожалуйста!

Это было наше письмо.

— Так она вернула его! — То-но тюдзё поспешил развернуть листок и вскрикнул от удивления. Все толпой окружили его:

— Любопытно! В чем дело?

— Ах, до чего же хитроумная негодяйка! Нет, я не могу порвать с ней.

Тут все бросились читать стихи, начертанные вами на письме.

— Присоединим к этому двустипию начальную строфу. Гэн-тюдзё, сочините ее!

До поздней ночи мучились мы, пытаясь сочинить начальную строфу, и наконец нам пришлось оставить напрасные попытки, но мы все условились, что свет узнает об этой истории.

Он совсем смутил меня своим рассказом.

— Теперь все зовут вас Травяной хижинкой,— сообщил мне Гэн-тюдзё и поспешно удалился.

«Неужели эта безобразная кличка навсегда пристанет ко мне? Какая досада!» — огорчилась я.

Вторым навестил меня помощник начальника службы ремонта Норимицу.

— Я искал вас во дворце, спешил сказать вам, как сильно я обрадован.

— Чем же это? Что-то я не слышала о новых назначениях на должности. Какой пост вы получили?

— Не о том речь, — ответил Норимицу. — Какое радостное событие совершилось вчера вечером! Я едва дождался рассвета, так спешил к вам с этой вестью.

И он стал рассказывать мне, в общем, то же самое, что уже говорил Гэн-тюдзё.

«Я буду судить о Сёнагон по ее ответу и, если у нее не хватит ума, забуду о ней навсегда», — объявил То-но тюдзё. Вся компания начала совещаться.

Сначала посланный вернулся с пустыми руками, но все, как один, нашли, что вы поступили превосходно.

Когда же в следующий раз слуга принес письмо, сердце у меня чуть не разорвалось от тревоги. «Что же в нем? — думал я. — Ведь оплошай она, плохо придется и мне, ее старшему брату». К счастью, ответ ваш был не просто сносным, но блистательным и заслужил всеобщую похвалу.

«Старший братец», — твердили мне, — пойдите-ка сюда. Нет, вы только послушайте!

В душе я был безмерно рад, но отвечал им:

— Право, я ничего не смыслю в подобных вещах.

— Мы не просим вас судить и оценивать стихи, — сказал То-но тюдзё, — но только выслушать их, чтобы потом всем о них рассказывать.

— Я попал в несколько неловкое положение из-за того, что слышу вашим «старшим братцем». Все бывшие там всячески старались приставить начальную строфу к вашей замечательной строфе, бились-бились, но ничего у них не получалось.

— А какая у нас, спрашивается, особая надобность сочинять «ответную песню?» — стали они совещаться между собой. — Нас высмеют, если плохо сочиним.

Спорили до глубокой ночи.

Ну, разве это не безмерная радость и для меня и для вас? Если бы меня повысили в чине, я бы и то не в пример меньше обрадовался».

У меня сердце так и замерло от волнения и обиды. Я ведь писала ответ для одного То-но тюдзэ. На поверку у него собралось множество людей, против меня был составлен заговор, а я об этом и не подозревала.

Все во дворце, даже сам император, узнали о том, что я зову Норимицу «старшим братцем», а он меня — «младшей сестрицей», и все тоже стали звать Норимицу «старшим братцем» вместо его официального титула.

Мы еще не кончили нашей беседы, как вдруг меня позвали к императрице. Когда я предстала перед ее очами, государыня заговорила со мной о вчерашней истории.

— Государь, смеясь, соизволил сказать мне: «Все мужчины во дворце написали ее двустиише на своих веерах».

«Удивительно! Кто поспешил сообщить всем и каждому мои стихи?» — терялась я в догадках.

С того самого дня То-но тюдзэ больше не закрывался рукавом при встречах со мной и стал относиться ко мне по-дружески.

83. В двадцатых числах второй луны...

В двадцатых числах второй луны государыня временно поселилась в своей дворцовой канцелярии. Я не сопутствовала ей, но осталась в павильоне Умэдубб.

На другой день То-но тюдзэ послал мне письмо:

«Прошлым вечером я прибыл на поклонение в храм Курама́, а сегодня «путь закрыт», приходится заночевать в дороге. Все же я надеюсь вернуться в столицу еще до рассвета. Мне непременно нужно побеседовать с вами. Прошу вас, ждите меня, мне не хотелось бы слишком громко стучать в вашу дверь».

Но вдруг госпожа Микусигэдонó — «хранительница высочайшей шкатулки с гребнями» — прислала за мною.

«Зачем вам оставаться одной в своих покоях? Проведите ночь здесь у меня», — велела она сказать мне.

На другое утро я поздно вернулась к себе.

Моя служанка рассказала:

— Прошлой ночью кто-то сильно стучался в дверь, насили-то я проснулась, вышла к гостю, а он мне и говорит: «Так она во дворце? Поди скажи ей, что я здесь». А я подумала, вы, верно, уже почиваете, да и снова легла спать.

«До чего же тупа!» — вознегодовала я.

В эту минуту явился посланный и доложил:

— Его превосходительство господин То-но тюдзэ велел передать вам: «Я тороплюсь во дворец, но раньше должен переговорить с вами».

— Если у его превосходительства дело ко мне, пусть придет сюда. Здесь и поговорим! — отвечала я.

«А вдруг он откроет дверь и войдет из смежного покоя?» — При этой мысли сердце мое забилося от тревоги.

Я поспешила в главный зал и подняла верхнюю створку ситомы на восточной стороне павильона.

— Прошу сюда! — позвала я. То-но тюдзэ приблизился ко мне мерными шагами, великолепный в своем узорчатом кафтане «цвета вишни». Кафтан подбит алым исподом неопишумо прекрасного оттенка. Шелка так и переливаются глянецом. Шаровары цвета спелого винограда, и по этому полю рассыпаны крупные ветки глициний: чудесный узор! Лощеные шелка исподней одежды сверкают пурпуром, а под ней еще несколько белых и бледно-лиловых одежд.

Он присел на узкой веранде почти под самой бамбуковой шторой, спустив ноги на землю. Мне казалось, будто сошел с картины один из героев романа.

Цветы сливы, белые на западной стороне дворца, алые на восточной, уже понемногу начали осыпаться, но еще были прекрасны. Солнце тихого весепнего дня бросало на них яркие лучи... Как хотела бы я, чтобы все могли вместе со мной посмотреть на это зрелище.

Я нахожусь позади шторы... Нет, лучше представьте себе женщину куда моложе, длинные волосы льются по плечам. Картина выйдет еще более волнующей!

Но мои цветущие годы позади, лицо поблекло. Волосы у меня накладные и рассыпаются неровными прядями.

По случаю придворного траура на мне были платья тускло-серого цвета — даже не поймешь, окрашены или нет, и не отличишь одно от другого, никакого парада.

В отсутствие императрицы я даже не надела шлейфа. Мой убогий вид портил всю картину. Какая жалость!

То-но тюдзё сказал мне:

— Я тороплюсь сейчас в императорский дворец на службу. Что-нибудь передать от вас? Когда вы пойдёте туда? — и продолжал дальше: — Да, между прочим, вчера я вернулся, не дожидаясь рассвета. Думал, вы меня ждете, я ведь предупредил вас заранее. Луна светила ослепительно ярко, и не успел я прибыть из Западной столицы, как поспешил постучаться в ваши двери. Долго я стучал, пока не вышла ко мне служанка с заспанными глазами. До чего же глупый вид и грубый ответ! — рассказывал он со смехом.

На душе у меня стало скверно.

— Зачем вы держите у себя такое нелепое существо?

«В самом деле, — подумала я, — он вправе сердиться». Мне было и жаль его и смешно.

Немного погодя То-но тюдзё удалился. Если б кто-нибудь смотрел на эту сцену из глубины двора, то, верно, спросил бы себя с любопытством, что за красавица скрывается позади бамбуковой шторы. А если б кто-нибудь смотрел на меня из глубины комнаты, не мог бы и вообразить себе, какой великолепный кавалер находится за шторой.

Когда спустились сумерки, я пошла к своей госпоже. Возле государыни собралось множество дам, присутствовали и придворные сановники. Шел литературный спор. Приводились для примера достоинства и недостатки романов.

Сама императрица высказала свое суждение о героях романа «Дуплистое дерево» — Судзуси и Накатада.

— А вам какой из них больше нравится? — спросила меня одна дама. — Скажите нам скорее. Государыня говорит, что Накатада ребенком вел жизнь дикаря...

— Что же из того? — ответила я. — Правда, небесная фея спустилась с неба, когда Судзуси играл на семиструнной цитре, чтобы послушать его, но все равно он — человек пустой. Мог ли он, спрашиваю, получить в жены дочь микадо?

При этих словах все сторонницы Накатада воодушевились.

— Но если так...— начали они.

Императрица воскликнула, обращаясь ко мне:

— Если б видели вы Таданобу, когда он пришел сюда! Он бы вам показался прекрасней любого героя романа.

— Да, да, сегодня он был еще более великолепен, чем всегда,— подхватили дамы.

— Я первым делом хотела сообщить вам о нем, но меня увлек спор о романе,— и я рассказала обо всем, что случилось.

Дамы засмеялись:

— Все мы не спускали с него глаз, но могли ли мы, подобно вам, следить за нитью событий вплоть до мельчайшего шва?

Затем они наперебой принялись рассказывать:

«То-но тюдзё взволнованно говорил нам:

— О, если б кто-нибудь вместе со мной мог видеть, в каком загустенье Западная столица! Все ограды обветшали, заросли мохом...

Госпожа сайсё бросила ему вопрос:

— Росли ли там «сосны на черепицах»?

Он сразу узнал, откуда эти слова, и, полный восхищения, стал напевать про себя:

От Западных ворот столицы недалеко...»

Вот любопытный рассказ!

84. Когда мне случалось на время отбывать в мой родной дом...

Когда мне случалось на время отбывать в мой родной дом, придворные постоянно навещали меня, и это давало пищу кривотолкам. Но поскольку я всегда вела себя осмотрительно и нечего было мне таить от людей, что ж, я не огорчалась, пусть себе говорят.

Как можно отказать посетителям, даже в поздний час, и тем нанести им жестокую обиду? А ведь, бывало,

наведывались ко мне и такие гости, кого не назовешь близкими друзьями.

Сплетни досаждали мне, и потому я решила на этот раз никому не говорить, куда еду. Только второй начальник Левой гвардии господин Цунафуса и господин Наримаса были посвящены в мой секрет.

Младший начальник Левой гвардии Норимицу — он-то, разумеется, знал обо всем — явился навестить меня и, рассказывая мне разные разности, сообщил, между прочим:

— Вчера во дворце господин Сайсё-но тюдзё настойчиво допытывался у меня, куда вы скрылись: «Уж будто ты не знаешь, где твоя «младшая сестрица»? Только притворяешься. Говори, где она?» Я уверял его, что знать ничего не знаю, а он нещадно допрашивал меня расспросами.

— Нелепо мне было выдавать ложь за правду, — продолжал Норимицу. — Чуть было я не прыснул со смеха... У господина Сайсё-но тюдзё был такой недоуменный вид! Я боялся встретиться с ним взглядом. Измучившись вконец, я взял со стола немного сушеной морской травы, сунул в рот и начал жевать. Люди, верно, удивлялись: «Что за странное кушанье он ест совсем не вовремя!» Хитрость моя удалась, я не выдал себя. Если б я рассмеялся, все бы пропало! Но я заставил Сайсё-но тюдзё поверить, будто мне ничего не известно.

Все же я снова и снова просила Норимицу быть осторожнее:

— Смотрите же, никому ни слова!

После этого прошло немало времени.

Однажды глубокой ночью раздался оглушительно громкий стук.

«Кто это ломится в ворота? — встревожилась я. — Ведь они возле самого дома».

Послала служанку спросить, — оказалось, гонец из службы дворца. Он сказал, что явился по приказу младшего начальника Левой гвардии, и вручил мне письмо от Норимицу. Я поднесла его к огню и прочла:

«Завтра кончается «Чтение священных книг». Господин Сайсе-но тюдзё остался во дворце, чтобы находиться при особе императора в День удаления от скверны. Он неотступно требует от меня: «Скажи, куда скрылась твоя «младшая сестрица»? Не отговариваться от него. Больше я

молчать не могу. Придется мне открыть вашу тайну... Как мне быть? Поступлю, как велите».

Я ничего не написала в ответ, только завернула в бумагу стебелек морской травы и отослала его Норимицу.

Вскоре он пришел ко мне.

— Всю эту ночь Сайсё-но тюдзё выпытывал у меня вашу тайну, отозвав в какой-нибудь темный закуток. Настоящий допрос, сущая мука! А вы почему мне не ответили? Прислали стебелек дрянной травы! Странный подарок! Верно, это по ошибке? — недоумевал Норимицу.

Мне стало досадно. Значит, он так ничего и не понял! Молча я взяла листок бумаги, лежавший на крышке тушечницы, и написала на нем:

Кто скажет, где она,
Когда нырнет рыбачка?
Молчит трава морская.
Затих вспененный *ключ*...
К разгадке береги!

— А, так вы сочинили стишки? Не буду читать! — Норимицу концом своего веера отбросил листок и спасся бегством.

Мы были так дружны, так заботились друг о друге — и вдруг, без всякого повода, почти поссорились!

Он прислал мне письмо:

«Я, пожалуй, совершил промах, но не забывайте о нашем дружеском союзе и, даже разлучась со мной, всегда смотрите на меня как на своего старшего брата».

Норимицу часто говорил:

«Если женщина по-настоящему любит меня, она не пошлет мне стихов. Я ее стал бы считать кровным врагом. Захочет со мной порвать, пусть угостит меня стишками — и конец всему!»

А я послала ему ответное письмо с таким стихотворением:

Горы Сестра и Брат
Рухнули до основанья.
Тщетно теперь искать,
Где она, Дружба-река,
Что между ними струилась?

Думаю, Норимицу не прочитал его, ответа не пришло.

Вскоре он получил шапку чиновника пятого ранга и был назначен помощником губернатора провинции Тотбми. Мы расстались, не примирившись.

85. То, что грустно видеть

Как, непрерывно сморкаясь, говорят сквозь слезы.
Как женщина по волоску выщипывает себе брови.

86. Вскоре после того памятного случая, когда я ходила к караульне Левой гвардии...

Вскоре после того памятного случая, когда я ходила к караульне Левой гвардии, я вернулась в родной дом и оставалась там некоторое время. Вдруг я получила приказ императрицы немедленно прибыть во дворец.

Одна из фрейлин приписала со слов государыни:

«Я часто вспоминаю, как я глядела тебе вслед, когда ты шла на рассвете к караульне Левой гвардии. Как можешь ты быть столь бесчувственной? Мне этот рассвет казался таким прекрасным!..»

В своем ответе я заверила государыню в моей почтительной преданности. И велела передать на словах:

«Неужели могу я забыть о том чудесном утре? Вы сами разве не думали тогда, что видите перед собой небесных дев в лучах утренней зари, как видел их некогда Судзуси?»

Посланная мной служанка скоро вернулась и передала мне слова государыни:

«Как могла ты унижить твоего любимца Накатада, вспомнив стихи его соперника? Но забудь все свои огорчения и вернись во дворец сегодня вечером. Иначе я тебя от всего сердца возненавижу».

«Мне было бы страшно навлечь на себя хоть малейшую немилость. Тем более после такой угрозы, я готова жизнь отдать, лишь бы немедленно прибыть к вам», — ответила я и вернулась во дворец.

87. Однажды, когда императрица изволила временно пребывать в своей канцелярии...

Однажды, когда императрица изволила временно пребывать в своей канцелярии, там, в Западном зале, были устроены «Непрерывные чтения сутр».

Все происходило, как обычно: собралось несколько монахов, повесили изображения Будды...

Вдруг, на второй день чтения, у подножия веранды послышался голос нищенки:

— Подайте хоть кроху из подношений Будде.

— Как можно,— отозвался бонза,— еще не кончилась служба.

Я вышла на веранду поглядеть, кто просит подаяния. Старая нищенка-монахиня в невероятно грязных отряпях смахивала на обезьяну.

— Что она говорит? — спросила я.

Монахиня запричитала:

— Я тоже из учеников Будды, следую по его пути. Прошу, чтоб мне уделили кроху от подношений, но бонзы скупятся.

Цветистая речь на столичный манер! Нищих жалешь, когда они уныло плачут, а эта говорила слишком бойко, чтобы вызвать сострадание.

— Так ты ничего другого в рот не берешь, как только крохи от подношений Будде? Дело святое! — воскликнула я.

Заметив мой насмешливый вид, монахиня возразила:

— Почему это ничего другого в рот не беру? Поневоле будешь есть только жалкие остатки, когда лучшего нет.

Я положила в корзинку фрукты, рисовые лепешки и дала ей. Она сразу же стала держаться фамильярно и пустилась рассказывать множество историй.

Молодые дамы тоже вышли на веранду и забросали нищенку вопросами:

— Дружок у тебя есть? Где ты живешь?

Она отвечала шутливо, с разными прибаутками.

— Спой нам! Спляши нам! — стали просить дамы.

Нищенка затянула песню, приплясывая:

С кем я буду этой ночью спать?
С вице-губернатором Хитати.
Кожа у него нежна,
С ним сладко спать.

Песня была нескончаемо длинной. Затем она завела другую.

На горе Любовь
Заалели листья кленов,—
Издали видна.
Всюду слава побежит.
Всюду слава побежит,—

пела монахиня, тряся головой и вертя ее во все стороны. Это было так нелепо и отвратительно, что дамы со смехом закричали:

— Ступай себе! Иди прочь.

— Жаль ее. Надо бы дать ей что-нибудь,— вступилась я.

Государыня попеняла нам:

— Ужасно! Зачем вы подбивали нищенку на шутство? Я не слушала, заткнула себе уши. Дайте ей эту одежду и поскорей проводите со двора.

Дамы бросили монахине подарок:

— Вот, государыня пожаловала. У тебя грязное платье, надень-ка новое.

Монахиня поклонилась в землю, набросила дарованную одежду на плечи и пошла плясать.

До чего же противно! Все вошли в дом.

Но, видно, подарками мы ее приручили, нищенка повадилась часто приходить к нам. Мы прозвали ее «Вице-губернатор Хитати». Она не мыла своих одежд, на ней были все те же грязные отрепья, и мы удивлялись, куда же она дела свое новое платье?

Когда госпожа Укон, старшая флейлина из свиты государя, посетила императрицу, государыня пожаловалась на нас:

— Болтали по-приятельски с несносной попрошайкой, приручили, теперь зачастила сюда.— И она приказала даме Кохёэ изобразить ее смешные повадки.

Госпожа Укон, смеясь, сказала нам:

— Как мне увидеть эту монахиню? Покажите мне ее. Знаю, знаю, она — ваша любимица, но я ее не перемаю, не бойтесь.

Вскоре пришла другая нищая монахиня. Она была калеккой, но держала себя с большим достоинством. Мы

начали с ней беседовать. Нищенка эта смущалась перед нами, и мы почувствовали к ней сострадание.

И ей тоже мы подарили одежду от имени государыни. Нищенка упала ниц, ее неумелый поклон тронул наши сердца.

Когда она уходила, плача от радости, навстречу ей попалась монахиня по прозвищу «Вице-губернатор Хитати». С тех пор назойливая попрошайка долго не показывалась нам на глаза, но кто вспоминал ее?

В десятых числах двенадцатой луны выпало много снега.

Дворцовые служанки насыпали его горками на подносы.

— Хорошо бы устроить в саду настоящую снежную гору,— решили служанки.

Они позвали челядинцев и велели им насыпать высокую гору из снега «по велению императрицы».

Челядинцы дружно взялись за дело. К ним присоединились слуги, подметавшие сад. Гора поднялась очень высоко.

Вышли любопытствовать приближенные императрицы и, увлекшись, начали подавать разные советы.

Появились чиновники — сначала их было трое-четыре, а там, смотришь,— двенадцать.

Велено было созвать всех слуг, отпущенных домой:

«Тому, кто строит сегодня снежную гору, уплатят за три дня работы, а кто не явится, с того удержат жалованье за три дня».

Услышав это, слуги прибежали впопыхах, но людей, живших в дальних деревнях, известить не удалось.

Когда работа была кончена, призвали всех слуг, состоявших при дворе императрицы, и бросили на веранду два больших тюка, набитых свертками шелка. Каждый взял себе по свертку и с низким поклоном удалился.

Но придворные высших рангов остались, сменив свои парадные одеяния с длинными рукавами на «охотничьи одежды».

Императрица спросила у нас:

— Сколько, по-вашему, простоит снежная гора?

— Дней десять, наверно...— сказала одна.

— Пожалуй, десять с лишним,— ответила другая.

Никто не рискнул назвать более долгий срок.

— А ты как думаешь? — обратилась ко мне государыня.

— Снежная гора будет стоять до пятнадцатого дня первой луны нового года, — решительно сказала я.

Государыня сочла это невозможным.

Все дамы твердили хором:

— Растает, непременно растает еще в старом году.

Увы, я зашла слишком далеко... В душе я раскаивалась, что не назвала первый день года. Но будь что будет! Если я ошиблась, поздно отступать теперь, и я твердо стояла на своем.

Числа двадцатого пошел дождь, но гора, казалось, не таяла, только мало-помалу становилась все ниже.

«О Каннон Белой горы, не позволяй снежной горе растаять!» — молила я богиню, словно обезумев от тревоги.

Кстати сказать, в тот день, когда строили гору, к нам явился посланный от императора — младший секретарь императорской канцелярии Тадатака.

Я предложила ему подушку для сидения, и мы стали беседовать.

— Нынче снежные горы вошли в большую моду, — сообщил он. — Император велел насыпать гору из снега в маленьком дворике перед своими покоями. Высятся они и перед Восточным дворцом, и перед дворцом Кокидэн, и возле дворца Кёгокудонб...

Я сразу же сочинила танку, а одна дама по моей просьбе прочла ее вслух:

Мы думали, только у нас
В саду гора снеговая,
Но эта новинка стара.
Гора моя, подожди!
Дожди ее точат, о горе!

Склонив несколько раз голову, Тадатака сказал:

— Мне стыдно было бы сочинить в ответ плохую танку. Блестящий экспромт! Я буду повторять его перед бамбуковой шторой каждой знатной дамы.

С этими словами он ушел.

А ведь говорили о нем, что он — мастер сочинять стихи! Я была удивлена.

Когда государыня узнала об этом, она заметила:

— Должно быть, твое стихотворение показалось ему необычайно удачным.

К концу года снежная гора стала как будто несколько ниже, но все еще была очень высока.

Однажды в полдень дамы вышли на веранду. Вдруг появилась нищенка «Вице-губернатор Хитати».

— Тебя долго не было. Отчего это? — спросили ее.

— Отчего, отчего! Случилась беда.

— Какая беда?

Вместо ответа нищенка сказала:

— Вот что мне сейчас пришло в голову.

И она затянула унылым голосом:

Еле к берегу плывет
Нищая рыбацка,
Так велик ее улов.
Отчего же ей одной
Моря щедрые дары?

Дамы презрительно рассмеялись. Увидев, что никто не удостаивает ее взглядом, нищая монахиня залезла на снежную гору, потом начала бродить вокруг да около и наконец исчезла.

Послали рассказать об этой истории госпоже Укон. Служанка передала нам ее слова:

— Почему же вы не велели проводить нищенку сюда? Бедняжка с досады даже на снежную гору влезла!

Все снова начали смеяться.

Снежная гора благополучно простояла до самого конца года. В первую же ночь первой луны выпал обильный снег.

Я было подумала: «О радость! Гора снова станет выше».

Но государыня отдала приказ:

— Оставьте старый снег, а свежий надо смести и убрать.

Я провела ночь во дворце. Когда рано утром я вернулась в свои покои, ко мне пришел, дрожа от холода, старший слуга. На рукаве своего придворного кафтана, зеленого, как листья лимонного дерева, он принес сверток в зеленой бумаге, привязанный к ветке сосны.

— От кого письмо? — спросила я.

— От Принцессы — верховной жрицы, — последовал ответ.

Я исполнилась благоговейной радости и поспешно отнесла послание государыне.

Госпожа моя еще почивала. Я придвинула шашечную доску вместо скамеечки и, став на нее, попробовала, напрягая все силы, одна поднять решетчатую створку ситомы, возле спального полога, но створка эта была слишком тяжела. Я смогла приподнять ее лишь с одного краю, и она громко закрипела.

Императрица очнулась от сна.

— Зачем ты это делаешь? — спросила она.

— Прибыло послание от Принцессы — верховной жрицы. Как не поторопиться прочесть его? — сказала я.

— Рано же его принесли!

Государыня поднялась с постели и развернула сверток. В нем находились два «жезла счастья» длиной в пять сунов, сложенные так, что верхние концы их напоминали «колотушку счастья», и украшенные ветками дикого померанца, плауна и горной лилии. Но письма не было.

— Неужели ни единого слова? — изумилась государыня и вдруг увидела, что верхние концы жезлов завернуты в небольшой листок бумаги, а на нем написана песня:

Гул пошел в горах.
От ударов топора
Прокатилось эхо.
Чтобы счастье приманить,
Дикий персик срублен.

Государыня начала сочинять «ответную песню», а я в это время любовалась ею, так она была хороша! Когда надо было послать весть Принцессе — верховной жрице или ответить ей, императрица всегда писала с особым тщанием и сейчас отбрасывала черновик за черновиком, не жалея усилий.

Послу Принцессы пожаловали белую одежду без подкладки и еще одну, темно-алого цвета. Сложенные вместе, они напоминали белоснежный, подбитый алым шелком кафтан «цвета вишни».

Слуга ушел сквозь летевший снег, набросив одежды себе на плечо... Красивое зрелище!

На этот раз мне не удалось узнать, что именно ответила императрица, и я была огорчена.

А снежная гора тем временем и не думала таять, словно была настоящей Белой горой в стране Кóси. Она почернела и уже не радовала глаз, но мне страстно хоте-

лось победить в споре, и я молила богов сохранить ее до пятнадцатого дня первой луны.

Но другие дамы говорили:

— И до седьмого не устоит!

Все ждали, чем кончится спор, как вдруг неожиданно на третий день нового года государыня изволила отбыть в императорский дворец.

«Какая досада! Теперь уж мы не узнаем, сколько простоят снежная гора», — с тревогой думала я.

— Право, хотелось бы поглядеть! — воскликнули дамы.

И сама государыня говорила то же самое.

Сохранись гора до предсказанного мною срока, я бы могла с торжеством показать ее императрице. Но теперь все потеряно!

Начали выносить вещи. Воспользовавшись суматохой, я подозвала к веранде старого садовника, который пристроил навес своей хижины к глинобитной ограде дворца.

— Береги хорошенько эту снежную гору, — приказала я ему. — Не позволяй детям топтать и разбрасывать снег. Старайся сохранить ее в целости до пятнадцатого дня. Если она еще будет стоять в этот день, то я попрошу императрицу пожаловать тебе богатый подарок и сама в долгу не останусь.

Я всегда давала садовнику много разных лакомств и прочей снеди, какойстряпухи угощают челядинцев, и он ответил мне с довольной усмешкой:

— Дело легкое, буду стеречь вашу гору... Правда, дети уж наверно на нее полезут.

— Если они тебя не послушают, извести меня, — ответила я.

Я пробыла в императорском дворце до седьмого дня первой луны, а потом уехала к себе домой.

Все время, пока я жила во дворце, мне не давала покоя снежная гора. Кого только не посылала я узнать о ней: камеристок, истопниц, старших служанок...

В седьмой день нового года я велела отнести садовнику остатки от праздничных кушаний, и посланная моя, смеясь, рассказывала мне, как благоговейно, с земным поклоном, садовник принял этот дар.

В своем родном доме я вставала еще до рассвета, мучимая тревогой, и спешила отправить служанку: пусть скорей посмотрит, сохранилась ли снежная гора.

Пришел десятый день. Как я была рада, когда служанка доложила мне:

— Еще дней пять простоят!

Но к вечеру четырнадцатого дня полил сильный дождь. От страха, что гора за ночь растает, я не могла сомкнуть глаз до самого утра.

Слушая мои жалобы, люди подсмеивались надо мной: уж не сошла ли я с ума?

Посреди ночи кто-то из моих домашних проснулся и вышел. Я тоже поднялась с постели и начала будить слугу, но он и не подумал пошевелиться, негодник. Я сильно рассердилась на него, и он нехотя встал и отправился в путь.

Вернувшись, слуга сказал:

— Теперь она не больше круглой соломенной подушки для сидения. Садовник усердно ее бережет, детей и близко не подпускает. Не извольте беспокоиться, дня два еще продержится. Садовник рад. «Дело верное, говорит, я получу обещанный подарок!»

В приливе восторга я начала мечтать о том, как придет долгожданный день. Я насыплю горку снега на поднос и покажу государыне. Сердце мое билось от радостного ожидания.

Наконец пришло утро пятнадцатого дня. Я встала ни свет ни заря и дала моей прислужнице шкатулку:

— Вот, иди к горе, насыпь сюда снегу! Бери его от туда, где он белый. А грязный снег смахни и отбрось.

Женщина что-то уж слишком скоро вернулась, размахивая на ходу крышкой от пустой шкатулки.

— Снег весь растаял! — воскликнула она.

Я была изумлена и глубоко огорчилась. Какая неудача! Я сложила к случаю неплохое стихотворение и думала читать его людям с печальными вздохами... А теперь — к чему оно?

— Как могло это случиться? Вчера вечером снега было еще вот столько, а за ночь весь растаял? — спрашивала я с отчаянием.

Служанка начала крикливо рассказывать:

— Садовник так сетовал, так жаловался, всплескивая от горя руками: «Ведь до самой темноты еще держалась! Я-то надеялся получить подарок...»

В эту минуту явился посланный из дворца. Императрица велела спросить у меня:

— Так что же, стоит ли еще снежная гора?

Как ни было мне тяжело и досадно, я принуждена была ответить:

— Передайте от моего имени государыне: «Хоть все и утверждали, что снежная гора растает в старом году и уж самое позднее в первый день нового года, но она еще вчера держалась до самого заката солнца. Смею думать, я верно предсказала. Если бы снег не растаял и сегодня, моя догадка была бы уж слишком точной. Но кажется мне, нынче ночью кто-то из зависти разбросал его».

В двадцатый день первой луны я вернулась во дворец и первым делом начала рассказывать государыне историю снежной горы.

— Не успела моя служанка уйти, как уже бежит назад, размахивая крышкой. словно тот монашек, что сказал: «А ларец я бросил». Какое разочарование! Я-то хотела насыпать на поднос маленькую горку из снега, красиво написать стихи на белой-белой бумаге и поднести вам!

Государыня от души рассмеялась, и все присутствующие не могли удержаться от смеха.

— Ты отдала снежной горе столько сердечной заботы, а я все испортила и, наверно, заслужила небесную кару. Сказать тебе правду, вечером в четырнадцатый день года я послала служителей разбросать снежную гору. (Забавно, что в своем ответном письме ты как раз и заподозрила нечто подобное.) Старичок-садовник проснулся. И, молитвенно сложив руки, стал просить, чтобы гору пощадили, но слуги пригрозили ему: «На то есть высочайший приказ. Никому ни слова, иначе берегись, сроняем с землей твою лачугу».

Они побросали весь снег за ограду, что находится к югу от караульни Лево́й гвардии.

«Крепкий был снег, еще немало его оставалось», — сказали слуги. Пожалуй, он дождался бы и двадцатого дня, ведь к нему прибавился первый снег нового года. Сам государь, услышав об этом, заметил: «А она глубоко заглянула в будущее, вернее других...» Прочти же нам твоё стихотворение. Я созналась во всем, и, по совести, ты победила!

Дамы вторили государыне, но я, всерьез опечаленная, была не в силах успокоиться.

— Зачем я стану читать стихи? Теперь, когда я узнала, как жестоко со мной поступили!

Пришел император и заметил:

— Правду сказать, я всегда думал, что она — любимая наперсница государыни, но теперь что-то сомневаюсь...

Мне стало еще более горько, я готова была заплакать.

Я так радовалась, что падает свежий снег, но императрица приказала смести его и убрать.

— Она не хотела признать твою победу, — улыбнулся император.

88. То, что великолепно

Китайская парча.

Меч в богато украшенных ножнах.

Цветные инкрустации из дерева на статуе Будды.

Цветы глицинии чудесной окраски, ниспадающие длинными гроздьями с веток сосны.

Куродо шестого ранга.

Несмотря на свой невысокий чин, он великолепен! Подумать только, куродо вправе носить светло-зеленую парчу, затканную узорами, что не дозволяется даже отпрыскам самых знатных семей!

Дворцовый прислужник для разных поручений, сын простолюдина, он был совсем незаметен, пока состоял в свите какого-нибудь должностного лица, но стоило ему стать куродо — и все изменилось! Словами не описать, до чего он ослепителен.

Когда куродо доставляет императорский рескрипт или приносит от высочайшего имени сладкие каштаны на церемониальное пиршество, его так принимают и чествуют, словно он с неба спустился.

Дочь знатного вельможи стала избранницей императора, но еще живет в родном доме и носит девический титул химэгими — юной принцессы. Куродо является с высочайшим посланием в дом ее родителя. Прежде чем вручить послание своей госпоже, дама из ее свиты выдвигает

из-под занавеса подушку для сидения, и куродо может видеть края рукавов... Думаю, не часто приходилось человеку его звания любоваться таким зрелищем!

Если куродо вдобавок принадлежит к императорской гвардии, то он еще более неотразим. Садясь, он раскладывает веером длинные полы своих одежд, и сам хозяин дома из своих рук подносит ему чарку вина. Сколько гордости должен чувствовать в душе молодой куродо!

Куродо водит дружбу с сыновьями знатнейших семей, он принят в их компанию как равный. Бывало, он трепетал перед ними и никогда не посмел бы сидеть с ними в одной комнате... А теперь юные вельможи с завистью смотрят, как в ночную пору он прислуживает самому императору, обмахивает его веером или растирает палочку туши, когда государь хочет написать письмо.

Всего лишь три-четыре года куродо близок к государю... В это время он может появляться в толпе высших сановников, одетый самым небрежным образом, в одеждах негармонических цветов. Но вот всему конец — близится срок отставки.

Куродо, казалось бы, должен считать разлуку с государем горше смерти, но печально видеть, как он хлопочет, вымаливая какой-нибудь тепленький пост в провинции — в награду за свои услуги.

В старые времена куродо с самого начала года принимались громко сетовать, что пришел конец их службы. В наше время они бегом торопятся в отставку.

Одаренный талантами ученый высшего звания в моих глазах достоин великого почтения. Пусть он неказист лицом, нечиновен, но свободно посещает высочайших особ. С ним советуются по особым вопросам. Он может быть назначен наставником императора — завидная судьба. Когда он сочинит молитвословие или вступление к стихам, все воздают ему хвалу.

Священник, умудренный знаниями, тоже, бесспорно, достоин восхищения.

Торжественный проезд императрицы в дневные часы.

Церемониальный кортеж канцлера — «Первого человека в стране». Его паломничество в храм Касуга.

Светло-пурпурные ткани цвета виноградной грозди. Все пурпурное великолепно, будь то цветы, нити

шелка или бумага. Среди пурпурных цветов я все же меньше всего люблю ирис.

Куродо шестого ранга потому так великолепно выглядят во время ночного дежурства во дворце, что на них пурпурные шаровары.

89. *То, что пленяет утонченной прелестью*

Знатный юноша, прекрасный собой, тонкий и стройный в придворном кафтане.

Миловидная девушка в небрежно надетых хакáма. Поверх них наброшена только летняя широкая одежда, распоровшаяся на боках. Девушка сидит возле балюстрады, прикрывая лицо веером.

Письмо на тонкой-тонкой бумаге зеленого цвета, привязанное к ветке весенней ивы.

Веер с тремя планками. Веера с пятью планками толсты у основания, это портит вид.

Кровля, крытая не слишком старой и не слишком новой корой кинариса, красиво устланная длинными стеблями айра.

Из-под зеленой бамбуковой шторы выглядывает церемониальный занавес. Блестящая глянцевитая ткань покрыта узором в виде голых веток зимнего дерева. Длинные ленты выблуются на ветру...

Тонкий шнур, сплетенный из белых нитей.

Штора ярких цветов с каймою.

Однажды я заметила, как возле балюстрады перед спущенными бамбуковыми занавесками гуляет хорошенькая кошечка в красном ошейнике. К нему был прикреплен белый ярлык с ее именем. Кошечка ходила, натягивая пестрый поводок, и по временам кусала его. Она была так прелестна!

Девушки из Службы двора, раздающие чернобыльник и кусадама в пятый день пятой луны. Голова украшена гирляндой из стеблей айра, ленты как у юных тан-

поров Оми, но только не алого, другого цвета. На каждой шарф с ниспадающими концами, длинная опояска.

Юные прислужницы, необыкновенно изящные в этом наряде, преподносят амулеты принцам крови и высшим сановникам. Придворные стоят длинной чередой в ожидании этого мига.

Каждый из них, получив амулет, прикрепляет его к поясу, совершает благодарственный танец и отдает поклон. Радостный обычай!

Письмо, завернутое в лиловую бумагу, привязано к ветке глицинии, с которой свисают длинные гроздья цветов.

Юные танцоры Оми тоже пленяют утонченной прелестью.

90. Танцовщиц для празднества Госэти...

Танцовщиц для празднества Госэти назначила сама императрица, оставалось выбрать еще двенадцать спутниц.

Можно было бы послать фрейлин из свиты супруги наследника, но стали говорить, что это против правил. Не знаю, какого мнения держалась государыня, но она послала десять дам из собственной свиты. Потом она выбрала еще двух: одну из фрейлин вдовствующей императрицы и одну из свиты госпожи Сигэйся. Они были родными сестрами.

В канун дня Дракона государыня повелела, чтобы дамы, сопровождающие танцовщиц, надели белые китайские накидки с темно-синим узором, а девушки — широкие одежды с шлейфами тех же цветов. Она скрывала свой замысел даже от самых приближенных дам, не говоря уж о других...

Белые с синим одежды были принесены только тогда, когда уже спустились сумерки и танцовщицы вместе со своей свитой начали наряжаться к празднеству.

Придворные дамы имели великолепный вид: красиво повязанные красные ленты ниспадают вниз; поверх парчовых китайских накидок наброшены белые, сверкающие

глянцем одежды: рисунок на них не отпечатан с деревянных досок, как обычно, а нанесен кистью художника.

Но юные танцовщицы затмевали своей прелестью даже этих блистательных дам.

Когда праздничный кортеж, начиная с танцовщиц и кончая самыми низшими служанками, проследовал мимо, все сановники и царедворцы, удивленные и восхищенные этим зрелищем, дали его участникам прозвище: «Девушки — танцоры Оми».

Позднее, когда молодые вельможи в тех самых нарядах, какие носят во время торжества Оми — «Малого воздержания от скверны», — вели разговор с танцовщицами, скрытыми от них шторами и занавесками, государыня молвила:

— Покой танцовщиц опустошают в последний день празднества еще до того, как спустятся сумерки. Выносят все убранства. Люди могут заглядывать внутрь и глазеть на девушек, — это непристойно. Следует оставить все на своих местах до самой ночи.

На этот раз девушкам не пришлось смущаться, как бывало раньше.

* * *

Когда нижний край церемониального занавеса в поках танцовщиц был закатан кверху и подвязан, рукава придворных дам пролились из-под него потоками.

Госпожа Кохёэ вдруг заметила, что ее красная лента распустилась.

— Ах, кто бы помог мне завязать ленту! — воскликнула она.

Второй начальник Лево́й гвардии Санэ́ката услышал слова госпожи Кохёэ и подошел к ней. Поправляя ленту, он продекламировал со значительным видом:

В горном колодце вода
Затянута крепким льдом,
Как этот узел затянут.
Когда же растает лед?
Когда же распустится узел?

Кохёэ, совсем еще юная годами, не решалась заговорить в присутствии такого большого общества. Она молчала. Старшие дамы тоже не нашлись с ответом.

Один чиновник собственного двора императрицы стоял неподалеку и внимательно прислушивался, ожидая,

когда же будет прочтена «ответная песня». Но время шло, а стихов все не было.

Положение стало затруднительным. Он подошел к фрейлинам и прошептал:

— Что значит ваше молчание?

Между мной и госпожой Кохёэ находилось еще несколько дам, но если б даже я сидела рядом с ней, мне было бы неудобно сразу предложить ей свою помощь.

Санэката славился поэтическим талантом, он сейчас сложил хорошие стихи, совестно перед ним осрамиться. Я тоже была взволнована, но невольно смеялась, глядя на то, как чиновник из дворцового ведомства императрицы шагает взад и вперед, прицелкивая пальцами и бормоча:

— Можно ли было ожидать такого конфуза от вас, ученых дам, ведь вы то и дело сочиняете стихи. Уж хоть что-нибудь придумали бы! Ничего необычайного и не требуется.

Тут я не выдержала, подозвала госпожу Бэн-но омото и попросила ее прочесть вслух господину Санэката «ответную песню»:

Тончайший ледок,
Как лента непрочной пены,
Исчезнет легко.
Как дымка прозрачной вуали,
Легко распустится узел.

Но Бэн-но омото смутилась вконец, голос ее не слушался.

— Что такое? Что такое? — воскликнул Санэката, насторожив уши.

Бэн-но омото и всегда немного заикалась. Тут она собралась с духом и решила выразительно прочитать стихотворение, но Санэката все равно ничего не понял.

Я не очень была огорчена, наоборот, скорее довольна. Мне не пришлось краснеть за свои стихи.

Некоторые из придворных дам не хотели ни провожать танцовщиц, когда они отправлялись в императорский дворец, ни встречать их по возвращении оттуда. Сославшись на нездоровье, дамы предпочли остаться в своих покоях.

Но императрица приказала всем явиться. Собралось много женщин. Было гораздо шумнее, чем в прошлые годы, и не столь приятно.

Одна из танцовщиц, девочка двенадцати лет от роду, была дочерью начальника императорской конюшни Сукэмаса. Мать ее, четвертая в семье, приходилась младшей сестрой супруге принца Сомэдоно. Девочка эта поражала своей красотой.

В последний вечер праздника вся свита собралась вокруг танцовщиц без шума и суматохи, чтобы отбыть в императорский дворец.

С восточной веранды дворца Сэйрёдэн мы могли вдоволь налюбоваться шествием, когда оно с танцовщицами во главе, миновав дворец Дзидзю, возвращалось в покои императрицы.

91. Мимо проходит мужчина, красивый собой...

Мимо проходит мужчина, красивый собой, с парадным мечом на плоской перевязи. Весьма приятное зрелище!

92. Во время праздника Госэти...

Во время праздника Госэти все люди во дворце, даже самой обыденной, заурядной внешности, словно преображаются.

Дворцовые прислужницы прикрепляют пестрые полоски ткани к головным шпилькам, словно ярлыки в День удаления от скверны, это выглядит очень нарядно. Когда они проходят по выпуктому аркой мосту дворца Сэнгёдэн, бросаются в глаза яркие пятнисто-лиловые шнуры в их прическах. Женщины повязывают шнуры на разный

манер, но все равно выходит очень мило, каждая кажется хорошенькой.

Не мудрено, что служанки для разных работ и де-вушки, временно призванные во дворец помочь на тор-жестве Госэти, считают его самым веселым праздником.

Весело также смотреть, как бывшие куродо, ныне уже в чинах, несут ивовые корзины с горным индиго и ветками плауна.

Помню однажды высшие придворные, сбросив каф-таны с одного плеча и отбивая такт веерами, распевали, проходя мимо женских покоев:

Вестники бегут, как волны в море,
Сколько новых роздано постов!

Как взволновались дамы, даже привычные к таким картинам! Как они испугались, когда компания придвор-ных вдруг разразилась дружным смехом!

Особенно хороши были исподние одежды из глянце-витого алого шелка, в которых щеголяли куродо, руково-дившие праздничными торжествами.

На веранде дворца неподалеку от женских покоев были положены подушки для сидения, но куродо и не по-думали ими воспользоваться.

Если же какая-нибудь дама из свиты танцовщиц попадалась им на глаза, они отпускали слова похвалы или едкой критики. В эту пору, кажется, ничто не имеет значения, кроме церемониала Госэти.

Вечером того дня, когда должна была состояться репетиция танцев перед императором, куродо были чрез-вычайно суровы и никого не пропускали в зал. Они го-ворили до обидного резко:

— Посторонних не впуским, кроме двух сопровож-дающих дам и девушек-прислужниц.

Придворные урашивали их:

— Пропустите, ну хотя бы одного меня...

— Нет, другие будут в обиде,— твердо отвечали ку-родо.— Как же можно?

И все же двадцать придворных дам императрицы явились тесной толпой, силой открыли дверь, не обращая никакого внимания на куродо, и с шумом ворвались в зал.

Забавно было глядеть на куродо. Окаменев от не-ожиданности, они восклицали:

— В какие беззаконные времена мы живем!

Вслед за придворными дамами валом повалили все служанки. Тут уж на лицах куродо изобразилась полная растерянность.

Сам государь, присутствовавший там, нашел, вероятно, эту сцену очень забавной.

Накануне главного представления юные девушки-прислужницы тоже выступили с танцем. Чудесное представление! Как приятно было смотреть на их юные лица, озаренные огнем светильников.

93. Император принес государыне лютню...

— Император принес государыне лютню, прозванную Безымянной. Пойдем посмотрим и попробуем сыграть на ней, — говорили между собой дамы. Мы все пошли в покои государыни, но не стали играть на лютне по-настоящему, а только перебирали струны.

— Почему ее прозвали Безымянной? — спросила одна из нас.

— Она ничем не примечательна и потому не заслужила имени, — ответила государыня.

«Замечательно сказано!» — подумала я.

Госпожа Сигэйся, навестившая свою старшую сестру императрицу, заметила в разговоре:

— У меня есть дома очень красивая многоствольная флейта. Ее подарил мне покойный отец.

Господин епископ Рюэн, младший брат государыни, воскликнул при этих словах:

— Отдай мне флейту. У меня есть великолепная семиструнная цитра, я отдам ее взамен.

Но госпожа Сигэйся словно не слышала и продолжала говорить о другом. Епископ несколько раз повторил свою просьбу, думая, что под конец его сестре придется сказать что-нибудь, но она упорно отмалчивалась.

— А она думает: «Нет, не обменяю!» — с тонким остроумием заметила государыня. Как она была очаровательна в эту минуту!

«Ина́-ка́дзи» — «Нет, не обменяю!» — так зовут знаменитую флейту.

Но епископ, видно, ничего не слышал об этой флейте и, не оценив намека, только досадовал.

Это случилось, помнится, в то время, когда императрица проживала в своей канцелярии.

Флейта «Нет, не обменяю!» принадлежит императору. Другие флейты и цитры, которые находятся во владении государя, тоже носят удивительные имена. К примеру, лютни: Гэндзё — «Выше тайны», Бокуба́ — «Конское пастбище», Идэ — «Запруда», Икё — «Мост на реке Вэй», Мумё — «Безмянная». Шестиструнные цитры называются Кутики́ — «Пустая скважина», Сиога́ма — «Градирия», Футануки́ — «Два глазка»...

Я также слышала о флейтах Суйро — «Водяной дракон», Косуиро́ — «Малый водяной дракон», Уда-но хёси — «Монах Уда», Кугиути́ — «Молоток для гвоздей», Хафута́цу — «Два мотка» и еще о многих других, чьи имена я забыла.

То-но тюдзё, восторгаясь ими, любил повторять поговорку: «Их бы на почетную полку в сокровищнице Гиёдэн!»

94. Придворные провели весь день, играя на флейтах и цитрах...

Придворные провели весь день, играя на флейтах и цитрах перед бамбуковыми занавесями, что закрывают от любопытных глаз покои императрицы. Когда в сумерках внесли светильники, придворные удалились, каждый своей дорогой.

Верхние створки решетчатых рам еще не были спущены, двери не затворены, и сквозь бамбуковую занавесь можно было при свете огня увидеть все, что делается в покоях государыни.

Императрица сидела, поставив лютню прямо перед собой. Великолепие пурпурной ее одежды не описать словами, она была надета поверх многих исподних одежд из

гибкого лощеного шелка. Рукав одежды изящно падал на лютню, блестящую черным лаком. Позади темной лютни виднелся ослепительно-белый лоб... что могло быть прекраснее?

Я подошла к одной из придворных дам и сказала:

— Нет, девушка, «лицо которой было полускрыто», не сияла такой красотой. Куда ей, простолюдинке!

Дама эта с трудом проложила себе дорогу сквозь толпу других фрейлин, чтобы скорей сообщить мои слова государыне.

Императрица рассмеялась.

Дама вернулась и передала мне:

— Государыня изволила молвить в ответ: «Пора расставаться...» Но знаешь ли ты, о чем речь?

В устах дамы это звучало забавно, ведь она ничего не поняла.

95. То, что причиняет досаду

Вы послали кому-нибудь письмо или ответ на присланное вам письмо, и после того, как гонец уже ушел, вам приходит в голову, что несколько слов надо бы непременно заменить.

Вы наспех зашивали что-то. Казалось, работа закончена, но выдернув иглу, вдруг видите, что забыли завязать узелок на нитке. Досадно также, когда заметишь, что шила что-то наизнанку.

Однажды, когда императрица гостила в Южном дворце у своего отца, она прислала нам сверток шелка с повелением:

— Мне спешно нужно платье. Беритесь за работу все вместе, чтобы закончить ее до следующей стражи.

Все мы собрались в главном павильоне дворца. Каждая из нас взяла по куску шелка и, надеясь перегнать остальных, стала шить быстро-быстро, не отрывая глаз. Сшили мы, как безумные.

Кормилица госпожа мёбу, которой достался один из рукавов, шила быстрее всех и кончила первой. Второпах она не заметила, что рукав пришит наизнанку. Даже не завязав последнего узелка, кормилица положила работу и поднялась с места.

Когда мы стали прилаживать разные части платья друг к другу, то сразу заметили ошибку.

Женщины подняли смех и шум:

— Исправь скорее, шей наново.

— Кто ошибся, тому и шить наново. Если бы это был узорчатый шелк, ну, тогда, конечно, видно, где лицо, где испод. Сразу нашли бы виновную, исправь, мол, поскорее. Но ведь это гладкий шелк, как узнаешь, кто когда напутал? С какой стати я обязана шить за других? Дайте эту работу тем, кто еще не кончил,— заупрямилась кормилица.

Пришлось другим женщинам во главе с Гэн-сёнагон взяться за переделку. Они торопливо работали иглой, бормоча с сердитым видом:

— Только спорить умеет, куда это годится!

А кормилица смотрела на них, сложа руки.

Занятная вышла сценка.

Посадишь в саду кусты хаги и мискант, выйдешь любоваться их необычной красотой... И вдруг является кто-то с длинным ящиком и лопатой, у тебя на глазах начинает копать всюю, выкопает растения и унесет. Как обидно и больно!

Если бы вместо меня появился знатный господин, негодник не посмел бы так себя вести. А мне на все мои упреки он только отвечал:

— Я совсем немного...— И был таков.

Слуга какой-нибудь влиятельной дамы является к провинциальному чиновнику и нагло дерзит ему. На лице слуги написано. «А что ты мне сделаешь?»

Как это оскорбительно!

Тебе не терпелось прочитать письмо, но мужчина выхватил его у тебя из рук, отправился в сад и там читает... Вне себя от досады и гнева, погонишься за ним, но перед бамбуковым занавесом поневоле приходится остановиться, дальше идти тебе нельзя. Но до чего же хочется выскочить и броситься на похитителя!

96. То, что неприятно слушать

Кто то в свое удовольствие неумело наигрывает на цитре, даже не настроив ее.

Пришел гость, ты беседуешь с ним. Вдруг в глубине дома слуги начинают громко болтать о семейных делах. Уиить их ты не можешь, но каково тебе слушать! Ужасное чувство.

Твой возлюбленный напился и без конца твердит одно и то же.

Расскажешь о ком-нибудь сплетню, не зная, что он слышит тебя. Потом долго чувствуешь неловкость, даже если это твой слуга или вообще человек совсем незначительный.

Тебе случилось заночевать в чужом доме, а твои челядинцы разгулялись вовсю. Как неприятно!

Родители, уверенные, что их некрасивый ребенок пролестен, восхищаются им без конца и повторяют все, что он сказал, поддельываясь под детский лепет.

Невежда в присутствии человека глубоких познаний с ученым видом так и сыплет именами великих людей.

Человек декламирует свои стихи (не слишком хорошие) и разглагольствует о том, как их хвалили. Слушать тяжело!

97. То, что поражает неприятной неожиданностью

Чистишь до блеска гребень для украшения волос, вдруг он за что-то зацепился — и ломается.

Экипаж перевернулся. Казалось бы, такое громоздкое сооружение должно было бы устойчиво держаться на колесах. Не веришь своим глазам! Это как сон — поразительный и неленый.

Кто-то, нимало не смущаясь, сболтнет такую мерзость, что всем становится не по себе.

Всю ночь, всю долгую ночь до рассвета проводишь в ожидании: «Он должен прийти!» На заре забудешься неверным сном. Вдруг кар-р, кар-р! — закричит ворона. Очнешься от дремоты и видишь: солнце уже высоко. Какая тягостная неожиданность!

Нечаянно покажешь любовное письмо как раз тому, кто не должен был бы знать о нем. Опомнишься — какой ужас.

Кто-нибудь бросает прямо тебе в лицо колкий намек, с уверенным видом рассуждая о том, чего не видел и не знает, а ты не можешь и словом возразить. Такое чувство, будто что-то внезапно опрокинулось.

98. То, о чем сожалеешь

Во дни празднества Госэти или Поминовения святых имен Будды вместо снега сыплет дождь с потемневшего сумрачного неба.

Ждешь с нетерпением праздника или иного торжества, как вдруг объявлено императорское Удаление от скверны. Все приготовления были закончены, но в последнюю минуту церемония отменена.

Пошлешь слугу за другом, ожидая, что он непременно прибудет. Может быть, тебе хочется заняться с ним музыкой или показать ему что-нибудь. Но вот посланный возвращается и сообщает: «Он занят, не сможет прийти». Как не пожалеть об этом!

Чтобы посетить храм или полюбоваться красивым видом, дамы, примерно одного и того же звания, отправились вместе из дворца, где они служат.

Дамы не наряжались в лучшие платья: осторожность не мешает в дороге. Но края их одежд красивыми волнами выбегают из-под занавесок экипажа. Увы, восхищаться некому!

Никто из знатных людей не встречается на дороге, ни на копе, ни в экипаже. Какая досада!

«Уж хоть бы простолудин какой-нибудь попался», — вздыхают дамы. Очарованный их изяществом, он стал бы рассказывать о них своему господину. Все лучше, чем ничего.

Не мудрено, что дамы в большом огорчении.

99. Помню, это случилось во время «Воздержания пятой луны»...

Помню, это случилось во время «Воздержания пятой луны», когда императрица изволила пребывать в здании ведомства своего двора.

«Двойные покои» перед кладовой были с особой заботой украшены для богослужения и выглядели очень красиво, совсем по-новому.

С самого начала месяца стояла дождливая погода, небо хмурилось.

— Какая скука! — сказала я однажды. — Поехать бы куда-нибудь, где поют кукушки.

Дамы наперебой стали просить меня взять их с собою. Одна из них посоветовала отправиться к какому-то мосту возле святилища Камо. У этого моста — странное название. Не «Сорочий мост», по которому проходит небесная Ткачиха в ночь встречи двух звезд, но что-то в этом роде.

— Кукушки поют там каждый день, — уверяли одни дамы.

— И вовсе не кукушки, а цикады, — возражали другие.

В конце концов мы решили поехать туда.

Утром пятого дня мы приказали людям из службы двора императрицы подать для нас экипаж и выехали из запретных для нас Северных ворот, надеясь, что в дождливую пору пятой луны никто упрекать нас не будет.

Экипаж был подан к веранде, и мы сели в него вчетвером.

— Нельзя ли подать еще один экипаж, — стали просить другие дамы, но императрица отказала.

Мы остались бесчувственны и глухи к их жалобам и тронулись в путь. Когда мы проезжали мимо конного ристалища Лево́й гвардии, то заметили там шумную толпу людей.

— Что происходит? — спросили мы.

— Состязание в стрельбе, — ответили слуги. — Всадники стреляют в цель. Не хотите ли поглядеть? — И мы остановили экипаж.

Нам сказали:

— Все начальники Лево́й гвардии присутствуют здесь во главе с господином тюдзё.

Но мы никого из них не увидели. Лишь кое-где бродили мелкие чинуши шестого ранга.

— Не очень-то интересно! Едем скорей! — воскликнули мы, и экипаж быстро тронулся дальше.

Дорога навеяла на нас приятные воспоминания о празднестве в храме Камо. На нашем пути находился дом а́сона Акино́бу.

— Остановимся здесь тоже, — сказала я. Экипаж наш подвезли к дому, и мы вышли из него.

Дом имел совсем простой сельский вид. На скользящих дверях, обтянутых бумагой, нарисованы лошади. Плетеные ширмы. Шторы из водяной травы микури. Все как будто нарочно было устроено так, чтобы напоминать старину.

Бедное, тесное здание похоже на галерею, нет внутренних покоев, и все же какое очарование!

Молва не обманула нас. Кукушки пели так громко, что звон стоял в ушах. Но увы! Государыня не могла их услышать. Вот когда мы от души пожалели бедняжек, что не могли поехать с нами.

— Позвольте показать вам сельские обычаи, — сказал нам хозяин дома Акинобу, — это все, что я могу.

Он велел принести много колосьев растения, которое называется рисом. По его приказу пришли юноши, совсем не выглядевшие грязными, и несколько девушек из соседних деревень. С полдюжины из них молотили рис, а двое пустили в ход какое-то вертящееся приспособление, мне его никогда не доводилось видеть.

Работая, они пели странную песню.

Нам поневоле стало смешно, наши мысли рассеялись, и мы совсем позабыли, что должны сочинить стихи о кукушке.

Затем господин Акинобу приказал своим слугам принести маленькие столы, из тех, которые можно видеть на китайских картинах, и нам подали угощение. Но никто из нас ни к чему не притронулся.

— Боюсь, это простая деревенская стряпня. Но гости, что приходят сюда, обычно заседают на хозяина, хоть из дому беги. Требуют, подай им еще и еще. Они не церемонятся, как вы,— сказал господин Акинобу и начал усердно угощать нас.

— Попробуйте вот эти побеги молодого папоротника,— говорил он.— Я сам собирал их своими руками.

— Но в самом деле,— усмехнулась я,— как можете вы ожидать, что мы будем сидеть рядом в тесноте, как простые служанки?

— О, если так, я прикажу снять подносы со столов и поставить на пол. Вы, наверно, привыкли низко склоняться во дворце.

Пока челядь хлопотала, поднося нам блюда, явился один из наших слуг и доложил:

— Пошел дождь.

Мы поспешили к экипажу.

— Постойте, мне бы хотелось сложить стихотворение о кукушке здесь, на месте! — воскликнула я.

— Что там, сочините по дороге,— сказали мои спутницы, и мы сели в экипаж.

Слуги по нашему приказу наломали много веток унохана, осыпанных белыми цветами, и украсили занавески и кузов экипажа. Верх экипажа, словно кровлю дома, устлали длинными ветвями. Казалось, бык тащит за собою живую ограду из цветущих кустов.

Наши слуги с хохотом кричали:

— Вот здесь еще найдется местечко, и вот здесь!

Я надеялась, что кто-нибудь увидит нас на обратном пути, но нам изредка встречались только нищие монахи и простолюдины, о которых и говорить-то не стоит. Обидно, право!

Когда мы были уже недалеко от дворца, я вспомнила:

— Что ж, все так и пропадет впустую? Нет, о нашем экипаже должна пойти широкая слава.

Мы остановились возле «Дворца на Первом проспекте» и послали одного из слуг сказать от нашего имени:

— Здесь ли господин То-дзидзю? Мы возвращаемся из очень любопытной поездки, слушали кукушек.

Слуга вернулся с ответом: «Сейчас выйду к вам, мнунтуку, почтенные дамы!»

И добавил от себя: «Он отдыхал в покое для свиты. Торопится надеть шаровары».

Но мы не могли ждать, и экипаж помчался полным ходом к Земляным воротам.

Господин То-дзидзю поспешно надел парадный наряд и погнался за экипажем, завязывая пояс на ходу.

— Пойдите, подождите! — кричал он. За ним босиком бежало несколько слуг.

— Погоняйте скорей! — крикнула я, и экипаж покатился быстрее.

Мы уже достигли Земляных ворот, когда господин То-дзидзю, задыхаясь, в полном изнеможении догнал нас. Только теперь он заметил, как украшен наш экипаж.

— Неужели в экипаже земные существа? Не могу поверить, — вскричал он со смехом. — Выйдите, дайте мне взглянуть на вас.

Слуги, прибежавшие с ним, очень забавлялись.

— А какие стихи вы сложили? — спросил он. — Дайте послушать.

— О нет! — отговорились мы. — Сперва прочтем государыне.

В этот миг дождь полил по-настоящему.

— И почему только над одними этими воротами нет кровли? — посетовал господин То-дзидзю. — До чего неприятно стоять здесь в дождливый день! Как я теперь пойду обратно? Когда я побежал за вашим экипажем, у меня в мыслях было одно: догнать вас. Я и не подумал, что попадусь людям на глаза. О, мне надо спешить назад! Скверное положение.

— Ну, полно! — сказала я. — Отчего бы вам не поехать во дворец вместе с нами?

— В этой шапке? — воскликнул он. — Как это возможно!

— Пошлите за другой, парадной.

Но тут дождь полил потоками, и наши люди, голы которых были неприкрыты, вкатили экипаж в Земляные ворота так быстро, как могли.

Один из телохранителей принес своему господину зонтик и поднял над его головой. Господин То-дзидзю отправился обратно. На этот раз он шел медленно, оглядываясь на нас через плечо, и на лице его было такое унылое выражение! В руке он нес цветущую ветку унохана.

Когда мы явились к императрице, она спросила нас, как прошла наша поездка.

Дамы, которых мы не взяли с собой, сначала хмурились с обиженным видом, но когда мы рассказали, как господин То-дзидзю бежал за нами по Первому проспекту, они невольно присоединились к общему смеху.

— Ну что же,— спросила государыня,— где они, ваши стихи?

Я рассказала все, как было.

— Очень жаль,— упрекнула нас государыня.— Разумеется, при дворе уже слышали о вашей поездке. Как вы объясните, что не сумели написать ни одного стихотворения? Надо было сочинить там же, на месте, пока вы слушали пение кукушки. Вы слишком много думали о совершенстве формы, и ваше вдохновение улетело. Но напишите стихи хоть сейчас. Есть о чем долго говорить!

Государыня была права. Мы постыдно оплошали!

Только мы начали совещаться между собой по этому случаю, как вдруг мне принесли послание от госпожи То-дзидзю, привязанное к той самой ветке унохана. На бумаге белой, как цветок, была написана танка. Но я не могу ее вспомнить.

Посланный ждал ответа, и я попросила принести мне тушечницу из моего покоя, но императрица повелела мне взять ее собственную тушечницу.

— Скорее,— сказала она,— напиши что-нибудь вот на этом,— и положила на крышку тушечницы листок бумаги.

— Госпожа сайсё, напишите вы,— попросила я.

— Нет уж, лучше вы сами,— отказалась она.

В это время вдруг набежала темнота, дождь полил снова, раздались сильные удары грома. Мы до того испугались, что думали только об одном, как бы поскорее опустить решетчатые рамы. О стихах никто и не вспомнил.

Гроза начала стихать только к самому вечеру. Лишь тогда мы взялись писать запоздалый ответ, но в это самое

время множество высших сановников и придворных явилось осведомиться, как императрица чувствует себя после грозы, и нам пришлось отправиться к западному входу, чтобы беседовать с ними.

Наконец можно было бы заняться сочинением «ответной песни». Но все прочие придворные дамы удалились.

— Пусть та, кому посланы стихи, сама на них и отвечает,— говорили они.

Решительно, поэзию сегодня преследовала злая судьба.

— Придется помалкивать о нашей поездке, вот и все,— заметила я со смехом.

— Неужели и теперь ни одна из вас, слушавших пение кукушки, не может сочинить мало-мальски сносное стихотворение? Вы просто заупрямились,— сказала государыня.

Она казалась рассерженной, но и в такую минуту была прелестна.

— Поздно сейчас, вдохновение остыло,— ответила я.

— Зачем же вы дали ему остыть? — возразила государыня.

На этом разговор о стихах закончился.

Два дня спустя мы стали вспоминать нашу поездку.

— А вкусные были побеги папоротника! Помните? Господин Акинобу еще говорил, что собирал их собственными руками,— сказала госпожа сайсё.

Государыня услышала нас.

— Так вот что осталось у вас в памяти! — воскликнула она со смехом.

Императрица взяла листок бумаги, какой попался под руку, и набросала последнюю строфу танки:

Папоротник молодой —
Вот что в памяти живет.

— А теперь сочини первую строфу,— повелела императрица.

Воодушевленная ее стихами, я написала:

Голосу кукушки
Для чего внимала ты
В странствии напрасном?

— Неужели, Сёнагон,— весело заметила императрица,— тебе не совестно поминать кукушку хоть единым словом? Ведь у вас, кажется, другие вкусы.

— Как, государыня? — воскликнула я в сильном смущении.— Отныне я никогда больше не буду писать стихов. Если каждый раз, когда нужно сочинять ответные стихи, вы будете поручать это мне, то, право, не знаю, смогу ли я оставаться на службе у вас. Разумеется, сосчитать слоги в песне — дело нехитрое. Я сумею, коли на то пошло, весною сложить стихи о зиме, а осенью о цветущей сливе. В семье моей было много прославленных поэтов, и сама я слагаю стихи, пожалуй, несколько лучше, чем другие. Люди говорят: «Сегодня Сэй-Сёнагон сочинила прекрасные стихи. Но чему здесь удивляться, ведь она дочь поэта». Беда в том, что настоящего таланта у меня нет. И если б я, слишком возомнив о себе, старалась быть первой в поэтических состязаниях, то лишь покрыла бы позором память моих предков.

Я с полной искренностью открыла свою душу, но государыня только улыбнулась:

— Хорошо, будь по-твоему. Отныне я не стану больше тебя приневоливать.

— От сердца отлегло. Теперь я могу оставить поэзию,— сказала я в ответ.

Как раз в это время министр двора, его светлость Корэтика, не жалея трудов, готовил увеселения для ночи Обезьяны.

Когда наступила эта ночь, он предложил темы для поэтического турнира. Придворные дамы тоже должны были принять участие. Все они, очень взволнованные, горячо взялись за дело.

Я же оставалась с императрицей, беседуя с ней о разных посторонних вещах. Господин министр двора приметил меня.

— Почему вы держитесь в стороне? — спросил он.— Почему не сочиняете стихов? Выберите тему.

— Государыня позволила мне оставить поэзию,— ответила я.— Больше мне незачем беспокоиться по этому поводу.

— Странно! — удивился господин министр.— Да полно, правда ли это? Зачем вы разрешили ей? — спросил он императрицу.— Ну хорошо, поступайте, как хотите, в других случаях, но вынче ночью непременно сочините стихи.

Но я осталась глуха к его настояниям.

Когда начали обсуждать стихи участниц поэтического турнира, государыня бросила мне записку. Вот что я прочла в ней:

Дочь Мотосукэ,
Отчего осталась ты
В стороне от всех?
Неужели лишь к тебе
Вдохновенье не придет?

Стихотворение показалось мне превосходным, и я засмеялась от радости.

— Что такое? В чем дело? — любопытствовал господин министр.

Я сказала ему в ответ:

О, если бы меня
Наследницей великого поэта
Не прозвала молва,
Тогда бы я, наверно, первой
Стихи сложила в эту ночь.

И я добавила, обращаясь к императрице:

— Когда бы я не стыдилась моих предков, то написала бы для вас тысячу стихотворений, не дожидаясь просьбы.

100. Была ясная лунная ночь...

Была ясная лунная ночь в десятых числах восьмой луны. Императрица, имевшая тогда резиденцию в здании своей канцелярии, сидела неподалеку от веранды. Уклонно найси услаждала ее игрой на лютне.

Дамы смеялись и разговаривали. Но я, прислонившись к одному из столбов веранды, оставалась безмолвной.

— Почему ты молчишь? — спросила государыня. — Скажи хоть слово. Мне становится грустно...

— Я лишь созерцаю сокровенное сердце осенней луны, — ответила я.

— Да, именно это ты и должна была сказать, — молвила государыня.

101. Однажды у императрицы собралось большое общество приближенных

Однажды у императрицы собралось большое общество приближенных. Среди них можно было увидеть знатных дам — родственниц государыни, придворных сановников и молодых вельмож. Сидя в стороне, я вела разговор с фрейлинами.

Внезапно императрица бросила мне записку.

Я развернула ее и прочла:

«Должна ли я любить тебя или нет, если не могу уделить тебе первое место в моем сердце?»

Несомненно, она вспомнила недавний разговор, когда я заметила в ее присутствии:

— Если я не смогу царить в сердце человека, то предпочту, чтоб он совсем не любил меня. Пусть лучше ненавидит или даже преследует. Скорее умру, чем соглашусь быть второй или третьей. Хочу быть только первой!

— Вот она — «Единственная колесница Закона»! — воскликнул кто-то, и все рассмеялись.

Когда я прочла записку, государыня дала мне кисть и листок бумаги.

Я написала на нем: «Среди лotosовых сидений в райском чертоге, что возвышаются друг над другом вплоть до девятого неба, мне будет желанно и самое низшее».

— Ну-ну,— молвила государыня,— ты совсем пала духом. Это плохо! Лучше будь неуступчивой, такой, как раньше была.

— Это смотря к кому.

— Вот это уж действительно плохо! — упрекнула меня императрица.— Ты должна стремиться быть первой даже в сердце «Первого человека в стране».

Чудесные слова!

102. Его светлость тюнагон Такаиэ посетил однажды императрицу...

Его светлость тюнагон Такаиэ посетил однажды императрицу — свою сестру — и сказал, что собирается преподнести ей веер:

— Я нашел замечательный остов для веера. Надо обтянуть его, но обыкновенная бумага не годится. Я ищу что-нибудь совсем особое.

— Что же это за остов? — спросила государыня.

— Ах, он великолепен! Люди говорят: «Мы в жизни не видали подобного». И они правы, это нечто невиданное, небывалое...

— Но тогда это не остов веера, а, наверно, кости медузы, — заметила я.

— Остроумно! — со смехом воскликнул господин тюнагон. — Буду выдавать ваши слова за свои собственные.

Пожалуй, историю эту следовало бы поместить в список того, что неприятно слушать, ведь может показаться, будто я хвастаюсь. Но меня просили не умалчивать ни о чем. Право, у меня нет выбора.

103. Однажды во время долгих дождей...

Однажды во время долгих дождей младший начальник министерства церемониала Нобуцунэ прибыл во дворец императрицы с вестью от императора. Как всегда, ему была предложена подушка для сидения, но он отбросил ее еще дальше, чем обычно, и уселся прямо на пол.

— Как вы думаете, для кого эта подушка? — спросила я.

— Я побывал под дождем, — ответил он, посмеиваясь. — Боюсь оставить на подушке следы моих грязных ног. Поди, запачкаю.

— Пойти за пачкою бумаги нетрудно,— заметила я.— Но можете наследить, я следить не буду.

— Не воображайте, что вы уж так находчивы! Я говорил о следах моих ног, а не то разве пришла бы вам в голову эта игра слов,— повторял он снова и снова.

Было очень забавно.

— К слову расскажу,— поведала я ему,— что в былые времена во дворце старшей императрицы служила прославленная своей красотой женщина по имени Энутаки.

Покойный Фудзивара Токикара, тот, что впоследствии умер в звании губернатора провинции Минó, был тогда молодым куродо. Однажды он заглянул в комнату, где собралось много придворных служанок, и воскликнул:

— Так вот она, знаменитая Энутаки — «Прелестница»! Почему же ты не столь прелестна, как твое имя обещает?

— Но ведь это «Токикара» — «Смотря для кого».

И все при дворе, даже высшие сановники и старшие царедворцы, нашли ответ Энутаки очень остроумным. «Сказала, как припечатала»,— говорили они.

Думаю, история эта правдива. Сколько времени уж рассказывают ее, не меняя ни слова.

Нобуцунэ возразил мне:

— Но все же Токикара как бы сам подсказал ей эту шутку. Ведь и в поэзии всего важнее тема. Задайте тему — и можно сочинить, что угодно, хоть китайское стихотворение, хоть японское.

— О да, еще бы! Я предложу вам тему, а вы сложите японскую танку,— сказала я.

— Отлично,— согласился Нобуцунэ.— Перед лицом государыни я готов сложить сколько угодно танок.

Но как раз в это время государыня прислала свой ответ на письмо императора.

— О страх! Я поспешно убегаю.— И Нобуцунэ торопливо скрылся.

— У него невозможный почерк,— стали говорить о нем, когда он покинул комнату.— Хоть китайские иероглифы, хоть японское письмо, все выглядит ужасно. Над его каракулями всегда посмеиваются. Вот и пришлось ему бежать...

В те времена, когда Нобуцунэ служил главным смотрителем строительных работ во дворце, он послал к одно-

му из мастеров чертеж постройки, набросав на нем собственной рукой:

«Выполнять в точности как изображено здесь».

Я приписала сбоку на полях бумаги:

«Если мастер последует приказу, то получится нечто весьма удивительное».

Бумага эта получила хождение среди придворных, и люди умирали от смеха.

104. В десятых числах первой луны младшая сестра императрицы...

В десятых числах первой луны младшая сестра императрицы стала супругой наследника престола и поселилась во дворце Сигэйся. Как перечислить мне великолепные торжества, состоявшиеся по этому случаю?

Некоторое время сестры не встречались, только обменивались письмами, но наконец госпожа Сигэйся сообщила государыне, что навестит ее в двадцатых числах второй луны.

В честь этого визита апартаменты императрицы были убраны с особой заботой и парадно украшены. Мы, придворные дамы, тоже все были наготове.

Ее светлость Сигэйся прибыла на исходе ночи, незадолго до рассвета.

В восточном крыле дворца Токадэн, смежного с дворцом императрицы, для гостя были приготовлены просторные «двойные покои».

На утренней заре прибыли в одном экипаже светлейшие родители: господин канцлер Мититака с супругой.

Решетчатые створки ситоми подняли рано-рано. Государыня находилась в глубине покоев, на южной их стороне. Ширмы, поставленные лицевой стороной к северу, с трех сторон отгораживали место, где сидела императрица.

Поверх циновок для нее положили подушку, принесли круглую жаровню.

Дамы во множестве собрались перед государыней. Ширма скрыла их от посторонних глаз.

Пока я занималась прической императрицы, она спросила меня:

— Случалось ли тебе видеть Сигэйся?

— Нет, как я могла бы? Я лишь один раз видела ее во время службы в храме Сакудзэн, и то лишь мельком, со спины.

— Ну тогда спрячься так, чтобы подглядывать вот через эту щель между колонной и ширмой. Полюбуйся на мою сестру, она прекрасна!

Я себя не помнила от восторга и нетерпения.

Наконец прическа государыни была закончена. Настало время нарядить ее.

Государыня надела поверх трех нижних одежд багряное платье из блестящего гибкого шелка и еще две парадных одежды цвета алой сливы. Одна была заткана плотными узорами, а другая более тонкими.

— Не правда ли, к верхней одежде цвета алой сливы лучше всего подходит нижняя одежда густо-пурпурного цвета, — заметила императрица. — Жалко, что для юных девушек это недозволенные цвета. Положим, для цвета алой сливы сезон уже прошел, но я терпеть не могу светло-зеленых оттенков. Вот только хорошо ли пурпурная слива сочетается с багрянцем?

Несмотря на опасения императрицы, цвета эти чудесно сочетались между собой, сообщая еще более блеска и очарования красоте ее лица.

«Неужели Сигэйся столь же хороша?» — думала я. Мне не терпелось ее увидеть.

Но вот государыня заскользила на коленях в соседних «двойные покои», где находились ее родители. А я немедля прильнула к ширмам и стала глядеть в щелку.

Дамы заволновались и стали говорить про меня:

— Она дерзко ведет себя. Не пришлось бы ей потом за это расплачиваться.

Забавно было слушать их.

Перегородки между комнатами были широко раздвинуты, и ничто не мешало взгляду.

На супруге канцлера были надеты две одежды из глянцевого ярко-алого шелка поверх нескольких белых одежд, сзади подвязан шлейф придворной дамы. Она сидела в глубине комнаты, спиной ко мне, и я могла рассмотреть только ее наряд.

Госпожа Сигэйся находилась не так далеко и глядела в мою сторону. На ней было несколько нижних одежд цвета пурпурной сливы густых и светлых оттенков, а поверх них парчовое платье темно-алого цвета без подкладки, короткая накидка красноватого оттенка и одежда цвета амбры на алом исподѣ. Самое верхнее одеяние, затканное густыми узорами, было нежно-зеленого цвета, что придавало ей совсем юный вид. Вдруг она прикрыла свое лицо раскрытым веером... Да, госпожа Сигэйся была неопишимо, чарующе прелестна!

Господин канцлер был наряжен в бледно-лиловый придворный кафтан и светло-зеленые шаровары поверх алых нижних одежд. Он сидел, прислонясь спиной к одной из колонн между внутренними покоями и открытой галереей, и завязывал шнурок от ворота. Лицо его было мне хорошо видно.

Глядя на своих прекрасных дочерей, он радостно улыбался и по своему обычаю сыпал веселыми шутками.

Госпожа Сигэйся в самом деле была хороша, словно сошла с картины, но государыня затмила свою сестру. Императрица, полная спокойной уверенности, казалась несколько более взрослой. Пурпурные одежды придали особый блеск ее совершенной красоте. Разве можно было сравнить государыню с кем-либо на свете?

Но вот настало время совершить утреннее омовение рук. Утварь для госпожи Сигэйся принесли, пройдя через галереи дворцов Сэнъѣдэн и Дзэкандэн, две юных прислужницы и четыре служанки низшего ранга. Шесть приближенных дам сидели под китайской крышей с загнутыми краями на нашем конце галереи. Для остальных фрейлин из свиты госпожи Сигэйся не нашлось места, и они воротились назад в ее дворец.

Придворные дамы выглядели очень изящно в своих накидках «цвета вишни», надетых поверх одежд, светло-зеленых, как молодые побеги, или алых, как лепестки сливы. Влача за собою длинные подола, они взяли у служанок таз с водою и поднесли госпоже Сигэйся.

Картина эта была полна утонченной прелести.

Из-под церемониального занавеса падали волной узорчатые рукава китайских накидок. Там, возле госпожи Сигэйся, сидели две юных придворных дамы: Сёсё, дочь Сукэмаса, начальника императорских конюшен, и Сайсё, дочь советника Китанó. Я залюбовалась этим зрелищем.

Тем временем девушки-унэмэ привяли от служанок таз с водою для омовения рук и поднесли императрице. На девушках были надеты зеленые шлейфы с густо окрашенной нижней каймой, китайские накидки, длинные ленты стелются сзади вдоль шлейфа, концы шарфа падают спереди с плеч, лица густо набелены. Мне было приятно видеть, что все делается в китайском стиле, согласно строгому этикету.

Когда настало время завтрака, явились мастерицы, чтобы уложить в высокую прическу длинные ниспадающие волосы тех женщин, кому надлежало прислуживать при высочайшей трапезе.

Ширмы, скрывавшие меня от людского взора, были отодвинуты. Я почувствовала себя, как человек, который, подглядывая в щель чужой ограды, вдруг заметил бы, что у него похитили чудесный плащ-невидимку. Досадуя, что мне помешали, я спряталась за одной из колонн, откуда я могла смотреть в щелку между бамбуковой шторой и церемониальным занавесом. Но подол моего платья и конец шлейфа выбились наружу.

Канцлер заметил меня и спросил строгим тоном:

— Кто там? Кто подглядывает позади шторы?

— Это Сёнагон, ей очень хотелось посмотреть, — ответила императрица.

— Ах, в каком я смущеньи! Моя старая приятельница вдруг увидит, какие у меня дочери-дурнушки, — воскликнул канцлер. Лицо его дышало гордостью.

В это время принесли завтрак для государыни и госпожи Сигэйся.

— Завидно, право! Этим высоким особам кушать подано. Надеюсь, они соизволят поскорее закончить трапезу, чтобы мы, жалкие старик и старушка, могли заморить голод обедами с их стола.

Он то и дело сыпал шутками в этом духе.

Но вот появились его сыновья — господин дайнагон и Самми-но тюдзё вместе с внучком Мацугими.

Канцлер сразу же посадил мальчика к себе на колени, — милое зрелище.

Веранда была слишком тесна для церемониальных нарядов молодых вельмож, и их длинные подола расстилались по всему полу.

Дайнагон был величественно-великолепен, Самми-но тюдзё утонченно-красив. Оба они были так хороши, что

невольно мне подумалось: отец их канцлер бесспорно взыскан счастьем, но и матушка тоже заслужила в прежних своих рождениях великую награду!

Императрица предложила своим братьям сесть на круглые соломенные подушки, но господин дайнагон сказал, что торопится на заседание Государственного совета, и поспешил удалиться.

Вскоре явился с посланием от государя младший секретарь министерства церемониала. Для него положили подушку в том покое, что примыкает с северной стороны к кладовой, где хранится утварь для трапезы.

На этот раз императрица особенно быстро написала ответ.

Не успели убрать подушку после ухода императорского посла, как явился младший начальник гвардии Тикаёри с письмом от наследника престола к госпоже Сигэйся. Так как веранда боковой галереи уж слишком узка, то подушку для сидения положили на веранде перед главными покоями.

Госпожа Сигэйся прочитала письмо, а после с ним ознакомились по очереди ее родители и сама императрица.

— Пиши скорее ответ,— велел канцлер своей дочери, но она медлила.

— Наверно, ты не пишешь, потому что я смотрю на тебя. А если б ты была одна, наедине с собой, ответила бы сразу,— поддразнил ее канцлер.

Госпожа Сигэйся слегка зарумянилась и улыбнулась.

— Но в самом деле, поторопись же! — воскликнула ее матушка, и она повернулась к нам спиной и начала писать. Супруга канцлера села рядом с ней и стала помогать ей. Госпожа Сигэйся как будто вконец смутилась.

Императрица пожаловала от себя Тикаёри женский придворный наряд: одежду светло-зеленого цвета с широкими рукавами и хакама. Подарки эти просунули под церемониальным занавесом, Самми-но тюдзэ принял их и, как требует этикет, положил посланному на голову. Посланный накинул дареную одежду на плечи и, явно смущенный ее женским воротом, удалился.

Тем временем Мацугими лепетал что-то милое, все восхищались им и забавляли его.

— Недурно было бы выдать его за собственного сына императрицы,— шутливо заметил канцлер.

«И в самом деле,— с тревогой подумала я,— почему же императрица до сих пор не родила сына?»

Примерно в час Овна,— не успели еще служители крикнуть: «Устлать дорогу!» — как появился император, шурша шелками одежд. Императрица уединилась с ним во внутреннем покое на возвышении, осененном балдахинном и огороженном со всех сторон занавесами. Придворные дамы с тихим шелестом уселись в глубине покоя.

В галерее теснилось множество придворных.

Его светлость канцлер призвал служителей собственного двора императрицы и повелел им:

— Принести разных закусок! Всех напоить вином!

И все упились вином. Мужчины и дамы перебрисывались шутками, и каждый был восхищен остроумием собеседника.

На заходе солнца государь изволил пробудиться от сна и призвал к себе дайнагона Яманой. Потом он велел привести в порядок свою прическу и возвратился в свой дворец. Его кафтан «цвета вишни», надетый поверх пурпурных одежд, был облит сиянием заката. Но я благоговейно умолкаю...

Дайнагон Яманой — старший сын канцлера, рожденный от наложницы, не пользовался любовью прочих членов семьи, а ведь он был так хорош собою! Красотой он превосходил своих братьев, и мне было больно слышать, как светские болтуны все время стараются его принизить.

Государя провожали сам господин канцлер и его сыновья: дайнагон Яманой, Самми-но тюдзэ и хранитель сокровищницы.

Вскоре фрейлина Ума-но найси явилась сообщить от имени императора, что он ждет императрицу к себе.

— Нет, сегодня вечером я не могу, — отказалась было государыня.

Услышав это, канцлер воскликнул:

— Недопустимый каприз! Ступай сейчас же.

От наследника престола тоже прибывали посланные один за другим. Воцарилась суматоха.

Придворные дамы, посланные императором и наследником престола, чтобы проводить к ним их юных супругов, торопили: «Скорее же, скорее!»

— Сначала проводите мою сестру, — сказала императрица.

— Как, меня первую? Разве это возможно? — возразила госпожа Сигэйся.

— Да, я хочу сама напутствовать тебя, — настаивала императрица.

Этот милый спор невольно будил улыбку.

— Ну хорошо, отправлюсь первой, мне ведь дальше, — уступила наконец Сигэйся.

Вслед за нею изволила отбыть императрица.

Канцлер со своей свитой тоже покинул дворец. Придворные так смеялись его шуткам, что чуть не понадали с мостика между галереями.

105. Однажды слуга, посланный одним придворным...

Однажды слуга, посланный одним придворным, принес мне ветку сливы. Цветы с нее уже осыпались.

К ветке была привязана краткая записка: «Что вы скажете на это?»

Я ответила всего два слова: «Осыпались рано».

Придворные, толпившиеся возле Черной двери, принялись скандировать китайскую поэму, из которой я взяла мой ответ:

[На вершине горы Даюй
Сливы давно облетели...]

Услышав об этом, император соизволил заметить:

— Это лучше, чем сочинять обычную японскую танку. Умно и находчиво!

106. В последний день второй луны...

В последний день второй луны дул сильный ветер и с потемневших небес летел редкий снежок.

К Черной двери пришел дворцовый слуга и сказал мне:

— Явился к вам с поручением. Господин советник Кинто посылает вам вот это письмо.

На листке для заметок было начертано заключительное двуступенчатое танки:

И на один короткий миг
Слегка повеяло весной.

В самом деле, слова эти отлично подходили к сегодняшней погоде, но как сочинить первую строфу? Я терялась в мыслях...

— Кто находился вместе с господином советником? — спросила я.

— Такой-то и такой-то... — стал перечислять слуга.

Все люди замечательные, стыдно осрамиться в глазах любого из них, но больше всего меня тревожил советник Кинто. Уж ему-то нельзя послать никуда не годные стихи!

Я почувствовала себя одинокой и потерянной. Мне захотелось показать записку императрице, но она удалась на покой, с нею был император.

Посланный повторял:

— Скорее! Скорее!

«Мало того, что я пошлю скверные стихи, но еще и запоздаю... Куда это годится? А, будь что будет!» — подумала я и дрожащей рукой с трудом вывела начальную строфу:

В холодных небесах
Вишневым цветом притворился
Порхающий снежок...

«Что они подумают?» — терзалась я опасениями. Мне не терпелось узнать. Но если стихи мои разберут, то, пожалуй, и узнавать не стоило бы...

Когда был получен мой ответ, среди присутствовавших находился начальник Левого отряда личной гвардии (бывший тогда в чине тюдзэ). Он-то и рассказал мне:

— Советник Тосика́та так оценил ваши стихи: «За это ее следовало бы возвести в ранг старшей фрейлины — найси».

107. То, что кажется бесконечным

Длинная опояска, когда принимаешься ее вить для безрукавки-хампи.

Дальняя дорога, когда путник, идущий на север в Митиноку, проходит «Заставу встреч» — Осака.

Время, которое нужно для того, чтобы новорожденный вырос и достиг зрелых лет.

Сутра совершенной мудрости, когда начинаешь читать ее в одиночестве.

108. Масахиро — общая мишень для насмешек

Масахиро — общая мишень для насмешек. Каково это слушать его родителям!

Стоит людям заметить, что Масахиро сопровождает слуга достойного вида, как уж непременно подзовут и спросят:

— Как ты можешь служить такому господину? О чем только ты думаешь?

В доме Масахиро все заведено наилучшим порядком: искусные руки наряжают его, и он всегда одет щеголевато, лучше других; шелка одежды подобраны со вкусом. Но люди только посмеиваются:

— Эх, если бы в этот наряд облачить кого-нибудь другого!

А как странно он выражается! Однажды он велел доставить домой вещи, которыми пользовался во время ночного дежурства во дворце.

— Пусть несут двое, — приказал он своим слугам.

— Я и один справлюсь, — вызвался кто-то из них.

— Чудной ты человек! — удивился Масахиро. — Как

жо ты один взвалишь на плечи двойную ношу? Это все равно что в кувшин, вмещающий одну меру, налить две меры вина.

Никто не мог взять в толк его слова, и все залились смехом.

Другой раз посланный принес Масахиру письмо от кого-то и стал торопить с ответом.

— Ах ты неотвязный, чего суетишься? Горошины на очаге скачут, покоя не знают... А кто стащил из дворца тушь и кисти? Ну я еще понимаю, польстились бы на випо или закуску.

И снова общий смех.

Когда заболела императрица-мать, Масахиру был послан осведомиться о ее здравии. После того, как он вернулся, люди стали спрашивать:

— Кто сейчас находится у нее во дворце?

Он назвал четыре-пять имен.

— А еще кто?

— Да присутствовали и другие, но только они были в отсутствии.

Очередная нелепость!

Как-то раз, когда я была одна, он пришел ко мне и сказал:

— Послушайте, я должен вам кое о чем рассказать.

— О чем же? — осведомилась я.

Он приблизился вплотную к занавесу, разделявшему нас, но вместо обычных слов — как, например: «Придвиньтесь ближе!» — вдруг заявил:

— Придвиньте сюда все ваше существо целиком.

И насмешил всех дам.

Однажды ночью, во время первой луны, когда в разгаре были заседания, на которых распределялись государственные посты, Масахиру должен был наполнить маслом светильники во дворце.

Он наступил ногой на кусок ткани, подстеленной под высокий светильник. Ткань была свежее промаслена и прилипла к сапожку. Масахиру сделал шаг, светильник опрокинулся. А он продолжал идти, таща за собой светильник. Грохот был такой, словно случилось землетрясение.

Пока старший куродо не сядет к столу, никто из его подчиненных не смеет ни к чему прикоснуться, таков обычай. Однажды Масахиру потихоньку схватил чашку

с бобами и стал поедать их, спрятавшись позади малой ширмы. Вдруг кто-то отодвинул ширму... Смеху конца не было!

109. То, что неприятно на взгляд

Когда шов, который должен находиться посреди спины, съехал набок или же когда не выправлен ворот. Женщина, которая вышла с ребенком на спине, когда в гостях знатная персона.

Буддийский монах, который, надев себе на лоб бумажную шапочку заклинателя, совершает синтоистский обряд очищения.

Смуглая дурнушка в парике и обросший волосами мужчина, тощий и костлявый, в жаркую летнюю пору заснули на глазах у всех посреди белого дня. Знают ли они, какое зрелище являют собой? Некрасивые люди во сне становятся еще безобразней и потому должны спать ночью. В потемках их не разглядишь, да и притом все в доме спят. А вставать им лучше всего на рассвете, не оскорбляя ничьих глаз.

Красивая женщина кажется еще прелестней, когда она жарким летом проснется после полуденной дремоты. Не то будет с дурнушкой. Лицо у нее начнет лосниться, щеки оплывут... Когда двое, мужчина и женщина, уснувшие рядом, очнутся и увидят друг друга в ярком свете дня, о, тогда им и жить не захочется.

Тощий и смуглый человек выглядит очень невзрачным в тонком платье из шелка-сырца.

110. То, что неприятно произнести вслух

Слова какой-нибудь знатной персоны, приведенные в письме, которое надо прочитать во всеуслышание, ничего не опуская.

Нелегко высказать благодарность в ответ на подарок, полученный тобой от того, чье высокое положение тебя смущает.

Твой сын, в глазах матери еще ребенок, неожиданно задаст тебе такой вопрос, что слова не идут с языка.

111. Заставы

Заставы Сумá, Судзукá, Кукитá, Сиракáва — «Белая река», Корóмо — «Одежда». Я думаю, нельзя и сравнивать заставу Тадагоó — «Легко миновать» — с заставой Хабáкáри — «Страх».

Заставы Ёкохасíри — «Бег наперерез», Киёми — «Чистый взгляд», Мирумó — «Видящий глаз».

Застава Ёсиёси — «С меня довольно». Хотела бы я узнать, почему путник вдруг раздумал идти дальше. Кажется, эту самую заставу называют еще Накосó — «Не приходи».

«Застава встреч» — Осака. Как должно быть тяжело на душе, если ты ждал там напрасно!

112. Леса

Лес Укитá — «Плывущее поле». Лес Уэки — «Посаженные деревья». Лес Ивасó — «Поток, бегущий по камням». Лес Татигпкí — «Стоит, прислушиваясь».

113. Равнины

Равнина Асита — «Поле, поросшее тростником». Равнины Авáдзу, Синохáра — «Поле мелкого бамбука», Хаги-хáра — «Поле кустов хаги», Сонохáра — «Поле — цветущий сад».

114. В конце четвертой луны...

В конце четвертой луны мы совершили паломничество к храму Хацусэ. На переправе Ёдó наш экипаж поместили на паром. Мы думали, что у водяного риса и речного айра стебли совсем короткие, но, к нашему удивлению, когда мы велели слугам нарвать их, они оказались очень длинными.

Мимо проплывали лодки, нагруженные водяным рисом... Любопытное и красивое зрелище! Это, верно, о таких лодках поется в песне: «На реке Такасэ-но Ёдо...»

Когда мы возвращались домой на третий день следующей луны, шел сильный дождь.

Мальчики срезали аир, на них были маленькие плетеные шляпы, подола подоткнуты, ноги обнажены выше колен. Это напоминало картину на ширмах.

115. То, что поражает слух сильнее обычного

Стук экипажей в первый день Нового года, крики птиц, чей-то кашель на заре этого дня. И уж само собой, звуки музыкальных инструментов.

116. То, что выглядит на картине хуже, чем в жизни

Гвоздики. Аир. Цветы вишен.
Мужчины и женщины, красоту которых восхваляют в романах.

117. То, что выглядит на картине лучше, чем в жизни

Сосны. Осенние луга. Горное селенье. Тропа в горах.

118. В зимнюю пору должна царить сильная стужа...

В зимнюю пору должна царить сильная стужа, а в летнюю — невыносимая жара.

119. То, что глубоко трогает сердце

Почтительная любовь детей к своим родителям.
Молодой человек из хорошей семьи уединился с отшельниками на горе Митакэ. Как жаль его! Разлученный с родными, он каждый день на рассвете бьет земные по-

клоны, ударяя себя в грудь. И когда его близкие просыпаются от сна, им кажется, что они собственными ушами слышат эти звуки... Все их мысли устремлены к нему.

«Каково ему там, на вершине Митакэ?» — тревожно и с благоговейным восхищением думают они.

Но вот он вернулся, здоров и невредим. Какое счастье! Только шапка немного смялась и потеряла вид...

Впрочем, я слышала, что знатнейшие люди, совершая паломничество, надевают на себя старую, потрепанную одежду.

И лишь Нобутака, второй начальник Правого отряда личной гвардии, был другого мнения:

— Глупый обычай! Почему бы не нарядиться достойным образом, отправляясь в святые места? Да разве божество, обитающее на горе Митакэ, повелело: «Являйтесь ко мне в скверных обносках?»

Когда в конце третьей луны Нобутака отправился в паломничество, он поражал глаза великолепным нарядом. На нем были густо-лиловые шаровары и белоснежная «охотничья одежда» поверх нижнего одеяния цвета ярко-желтой керрии.

Сын его Такамицу, помощник начальника дворцовой службы, надел на себя белую накидку, пурпурную одежду и длинные пестрые шаровары из ненакрахмаленного шелка.

Как изумлялись встречные пилигримы! Ведь со времен древности никто не видел на горной тропе людей в столь пышном облачении!

В конце четвертой луны Нобутака вместе с сыном вернулся в столицу, а в начале десятых чисел шестой луны скончался правитель провинции Тикудзэн, и Нобутака унаследовал его пост.

— Он был прав! — говорили люди.

Этот рассказ не из тех, что глубоко трогают сердце, он здесь к слову, поскольку речь зашла о горе Митакэ.

Но вот что подлинно волнует душу.

Мужчина или женщина, молодые, прекрасные собой, в черных траурных одеждах.

В конце девятой или в начале десятой луны голос кузнечика, такой слабый, что кажется, он почудился тебе.

Наседка, высиживающая яйца.

Капли росы, сверкающие поздней осенью, как многоцветные драгоценные камни на мелком тростнике в саду.

Проснуться посреди ночи или на заре и слушать, как ветер шумит в речных бамбуках, иной раз целую ночь напролет.

Горная деревушка в снегу.

Двое любят друг друга, но что-то встало на их пути, и они не могут следовать велению своих сердец. Душа полна сочувствия к ним.

Наступил рассвет двадцать седьмого дня девятой луны. Ты еще ведешь тихий разговор, и вдруг из-за гребня гор выплывает месяц, тонкий и бледный... Не поймешь, то ли есть он, то ли нет его. Сколько в этом печальной красоты!

Как волнует сердце лунный свет, когда он скупно точится сквозь щели в кровле ветхой хижины!

И еще — крик оленя возле горной деревушки.

И еще — сияние полной луны, высветившее каждый темный уголок в старом саду, оплетенном вьющимся подмаренником.

120. Когда в пору первой луны я уединяюсь в храме...

Когда в пору первой луны я уединяюсь в храме для молитвы, мне хочется, чтобы все вокруг было сковано стужей и засыпано снегом. Это так прекрасно! И что может быть хуже, если вдруг пахнёт дождем и сыростью!

Однажды я отправилась в храм Киёмидзу. Пока монахи готовили кельи для меня и моих спутниц, наш экипаж подвезли к лестнице. Она была крыта кровлей, словно галерея.

Молодые монахи в самых простых рясах вместо полного облачения, в сандалиях на высоких подставках, проворно бегали по лестнице вверх и вниз, даже не глядя себе под ноги. На ходу они бормотали бессвязные отрывки из разных сутр или напевали стихи из «Священного хранилища». Это чудесно подходило ко всей обстановке.

— Ваши кельи готовы, поспешите! — сказал монах. Он помог нам выйти из экипажа и подал туфли, чтобы мы надели их поверх обуви.

Нам было очень страшно подниматься по лестнице, мы жались к стороне, хватаясь за перила, и с любопытством наблюдали, как монахи спуют вверх и вниз по ступеням, словно по гладкому полу.

По дороге нам попадалось много паломниц. У иных подола подоткнуты, но другие в полном параде: на них китайские накидки, сзади подвязаны шлейфы.

Посетители храма были обуты в глубокие или мелкие кожаные башмаки, и по всем галереям раздавался гулкий стук шагов. Это живо напомнило мне переходы во дворце.

За нами следовали толпой молодые слуги из самых доверенных и монастырские служки. Они то и дело остерегали нас:

— Осторожней, не оступитесь. Здесь ступенька идет вниз, а здесь галерея идет наверх.

Какие-то люди, не знаю кто, напирала на нас сзади или даже забежали вперед.

Наши провожатые выговаривали им:

— Постойте! Это знатные дамы. Нельзя же, в самом деле, вести себя так невежливо.

Одни как будто немного смущались. Другие же ничего не слушали и спешили обогнать нас, чтобы первыми поклониться Будде.

Для того, чтобы попасть в отведенные нам кельи, мы должны были пройти сквозь тесные ряды сидевших на полу богомольцев,— до чего неприятное чувство! Но стоило мне переступить порог моей кельи и сквозь рещетчатую «преграду для собак» увидеть святилище, как я вдруг почувствовала благоговейный трепет... «Как же я могла столько месяцев терять время попусту вдали от храма?» — с недоумением думала я. На меня нахлынуло и наполнило мою душу с прежней силой чувство глубокой веры.

В святилище с устрашающей яркостью горело множество огней. Не только постоянные светильники, но и возжженные паломниками лампы озаряли блистающие лики божества. Неизреченное великолепие!

Держа в руках письменные обеты верующих, священнослужители громко возглашали их перед «молебным помостом», обратясь лицом к святилищу. Гул их голосов,

казалось, сотрясал храм. Невозможно было различить, что произносил каждый из них, но иногда все же прорывался оглушительный выкрик: «Тысяча светильников в дар от такого-то...» Имени жертвователя расслышать не удавалось.

Когда, оправив наброшенные на плечи концы пояса, я склонилась перед святыней до земли, ко мне вдруг пришел монах, приставленный к странноприимным покоям, и сказал, подавая мне ветку аниса, источавшего божественное благовоение:

— Вот, я принес это для вас.

Вскоре другой монах приблизился к моей келье со стороны святилища.

— Я возгласил, как должно, ваши моления Будде. Сколько дней собираетесь вы пробывать в нашем храме? Здесь ныне находятся такие-то и такие-то...

Когда он удалился, храмовые служки принесли нам жаровню и разные кушанья, налили в неглубокое ведро воды для омовения и поставили возле него бадейку без ручек.

— А вы пожалуйте вон в ту келью, — сказал монах служанкам, и они поочередно уходили туда отдохнуть.

Колокол, возвещавший начало храмовой службы, звучал теперь и для меня. Мне стало радостно при этой мысли.

А рядом, за соседней стеной, какой-то человек, как видно, не простого звания, в полной тайне отбивал земные поклоны. В этом чувствовалась душевная утонченность.

Погруженный в свои думы, он молился всю ночь, не смыкая глаз ни на мгновение. Я была глубоко тронута.

В минуты отдыха он читал сутры так тихо, и не расслышишь. И это тоже говорило о благородстве его чувств. Мне хотелось бы, чтоб он повысил голос и произносил слова молитвы более внятно, но нет, человек этот даже не сморкался громко. Ни чьи уши не должны были слышать, что он льет слезы невидимо для всех.

Как хотелось бы мне узнать, о чем просил он. Я от души пожелала, чтобы небо вняло его мольбам.

На этот раз дневные часы тянулись медленно и более однообразно, чем это прежде бывало. Слуги и служанки отправятся в кельи к монахам... Одной скучно и тоскливо.

Вдруг где-то поблизости громко загудит раковина. Невольно вздрогнешь от испуга.

Иногда какой-нибудь посланный принесет письмо, изящно скатанное в трубочку, и свертки с дарами. Положив их где-нибудь в стороне, он зовет монахов так громгласно, что голос его отдается в храме раскатистым эхом.

А иногда колокол начинает звучать все громче и громче. Невольно спрашиваешь себя, о чем это молятся? Вдруг возглашают имя знатного дома. Читается исполненная священной силы молитва о благополучном разрешении от родов.

Невольно возьмет тревога: что с родильницей? И начинаешь молиться за нее.

Это часто случается в самое обычное время, когда в храме все тихо.

Но в первый месяц года поднимается шумная суматоха. Когда видишь, как непрерывной чередой приходят люди со своими просьбами, забываешь о собственных молитвах.

Паломники нередко прибывают на закате солнца, чтобы провести ночь в молениях. Мальчики-служки суетятся, проворно устанавливая ширмы, такие громоздкие, что, казалось бы, их и с места не сдвинешь, расстилают на полу соломенные маты.

Посетителей немедля одного за другим проводят каждого в свою келью. Слышно, как с шелестом и шорохом вешают тростниковые занавеси перед решетчатой «преградой для собак», чтобы отгородить покои для гостей от главного святилища. Все это делается с привычной легкостью.

А однажды в тишине вдруг зашуршали шелка. Какие-то знатные паломницы покидали свои кельи... Наверно, они возвращались домой. Послышался приглушенный голос пожилой дамы из хорошего общества:

— Будьте осторожны с огнем. Здесь небезопасно.

Мальчик примерно лет семи-восьми что-то приказывал слугам с милой важностью. Был там и малыш лет трех. Он чуть покашливал сквозь дремоту, и это трогало сердце.

Как хотелось мне, чтобы мать ребенка окликнула его кормилицу по имени! Я бы узнала, кто эти паломницы.

Всю ночь до самой зари в храме голосили священнослужители. Я глаз не могла сомкнуть. Вздремнула было после ранней обедни, но тут монахи стали хрипло с ярост-

ным рвением возглашать молитву, обращенную к храмовому божеству, не особенно блюдя торжественность обряда.

Наверно, это служили странствующие монахи, временно нашедшие здесь пристанище. Внезапно пробудившись от сна, я прислушалась и была глубоко тронута их усердием.

Помню, один человек, из числа людей значительных, не проводил ночи без сна в своей келье, но молился только в дневную пору. На нем были серые с синим отливом шаровары и несколько белых одежд из хлопчатой ткани. С ним были красивые отроки, на вид еще совершенные дети, и юные прислужницы в богатых нарядах. Сидя вокруг своего господина в почтительных позах, они усердно молились.

Перед господином были поставлены лишь временные ширмы. Казалось, он изредка кладет земные поклоны.

Любопытно встретить в храме незнакомых людей и гадать, кто они такие. А с каким приятным волнением думаешь: как будто это он?

Молодые вельможи, что ни говори, льнут к женским кельям и посматривают в их сторону чаще, чем глядят на Будду. Порой они подзывают храмовых служек, шутят с ними и болтают о разных безделицах, но все же я не решусь назвать их пустыми притворщиками.

Когда кончалась вторая луна и начиналась третья, в самую пору цветения вишен, я еще раз гостила в храме. Это было чудесное время!

Двое-трое молодых людей приятной внешности, как видно, из знатных господ, тоже прибыли туда. Они выглядели очень красиво в «охотничьих одеждах» цвета вишни — белые на алом исподе или же цвета зеленоющей ивы. Концы их шаровар были подобраны кверху и подвязаны шнурами самым изящным образом.

Под стать господам были и слуги весьма достойного вида. Даже сумки для припасов, которые они держали в руках, были богато украшены. На мальчиках-пажах — «охотничьи одежды» оттенков алой сливы или нежной зелени, многоцветные одежды и шаровары с пестрыми печатными рисунками.

Среди этой свиты находился стройный юноша. Он блистал нарядом, словно ветка цветущей вишни. Приятно было глядеть на него, когда он начал бить в гонг, висевший у ворот храма.

Мне показалось, что я узнала в одном из знатных паломников своего знакомого, но он не ожидал увидеть меня в храме и прошел мимо... Я немного опечалилась. А если бы сказать ему:

— Постойте, одну минуту, взгляните, кто здесь...
Неуместное желание, не правда ли?

Вот почему, когда удаляешься в храм или гостишь в новых, непривычных местах, поездка теряет всякий интерес, если сопровождают тебя только слуги. Непременно надо пригласить с собой несколько спутниц из своего круга, чтобы можно было поговорить по душам обо всем, что тебя радует или тревожит.

Разумеется, и среди служанок попадаются такие, с кем беседуешь без докучи, но уж слишком приелись все их разговоры.

Мужчины как будто того же мнения. Они всегда берут с собой приятных спутников.

121. То, что кажется отвратительным

В день большой праздничной процессии какой-то мужчина в полном одиночестве смотрит на нее из глубины экипажа. Что у него за сердце? Молодым людям, пусть даже они и незнатного рода, понятно, хочется посмотреть на зрелище. Отчего бы не посадить их в свой экипаж? Так нет, он в одиночестве глядит сквозь плетеные занавеси, а до других ему и дела нет. Как-то невольно подумаешь: вот неприятный человек! Непширокая, значит, у него душа.

Отправляешься полюбоваться каким-нибудь зрелищем или совершаешь паломничество в храм — и вдруг полил дождь.

Краем уха услышишь сетования слуги:

— Меня не жалует. Такой-то теперь ходит в любимчиках...

Ты была к кому-то не слишком расположена, и вот он в отместку сочиняет небылицы, возводит на тебя на-
праслину, чернит, как может, а самого себя превозносит
до небес. Как это отвратительно!

122. То, что производит жалкое впечатление

Замызганный экипаж, который в летний полдень еле тянет тощий бык.

Экипаж, закрытый от дождя циновками, когда на небе ни облачка.

Бедно одетая женщина из простых, с ребенком на спине, в очень холодный или очень жаркий день.

Темная и грязная хижина с дощатой крышей, мокнущей под дождем.

Слуга, который на невзрачной лошаденке трусит во время сильного ливня перед господским экипажем. Какой у него жалкий вид! Шапка обвисла, одежды слиплись... Положим, в разгар знойного лета это не так уж плохо.

123. То, что создает ощущение жары

«Охотничья одежда» начальника отряда телохранителей.

Оплечье — кэсá — буддийского священника, спитое из многих кусочков холста.

Младший начальник гвардии, в полном одеянии несущий стражу во время церемониальных летних состязаний.

Смуглый толстяк, обросший волосами.

Мешок для цитры.

Верховный священнослужитель, совершающий молебен в летний полдень. Как ему должно быть жарко! Или меднику, который в эту самую пору работает возле своего горна.

124. То, отчего вчуже берет стыд

Тайники сердца мужчины, склонного к любовным похождениям.

Вор притаился в углу и, незаметно для всех, подсматривает. Пользуясь темнотой, кто-то украл вещицу и спрятал у себя за пазухой. Должно быть, вору забавно видеть, как другой человек делит с ним его сердечную склонность.

Монаху с чутким слухом приходится часто смущаться, когда он ночью читает молитвы в знатном доме.

Собираются молоденькие прислужницы, начинают судачить и высмеивать людей. Монах все слышит через тонкую перегородку, ему тяжело и совестно.

Иногда старшая придворная дама пробует их пристыдить:

— Что за поведение! Не шумите так!

Им хоть бы что! Продолжают болтать, пока не заснут от усталости... А монах долго не может опомниться от стыда.

Мужчина уже охладел к своей возлюбленной, но он старается обманными речами укрепить в ней доверие к его чувству. Это постыдно!

И еще хуже, если мужчина, который пользуется славой человека искреннего в любви и добросердечного, ведет себя так, что женщина даже и усомниться в нем не может. А между тем он не только лукавит перед ней в глубинах своей души, но и на словах открыто предает ее. Он рассказывает о своей возлюбленной сплетни другим женщинам, точно так же, как чернит их в беседах с ней.

А она, понятно, не подозревает этого и радуется, слыша, как он умалывает других. Значит, любит ее одну. Какой низкий обман!

Зачем же тогда ей смущаться, если она встретит на своем пути другого человека, который хоть немного любит ее? Пусть прежний друг сочтет ее бессердечной, она вправе порвать с ним, в этом нет ничего постыдного.

Разлука трудна для женщины. Она сожалеет о прошлом, страдает, а мужчина остается равнодушным. «Что у него за сердце?» — с болью думает она.

Но самое ужасное, когда мужчина обольстит какую-нибудь придворную даму, у которой нет в жизни опоры, и после бросит ее, беременную, на произвол судьбы. Знать, мол, ничего не знаю.

125. То, что утратило цену

Большая лодка, брошенная на берегу во время отлива.

Высокое дерево, вывороченное с корнями и поваленное бурей.

Ничтожный человек, распекающий своего слугу.

Земные помыслы в присутствии Святого мудреца.

Женщина, которая сняла парик и причесывает короткие жидкие пряди волос.

Старик, голый череп которого не прикрыт шапкой.

Спина побежденного борца.

Жена обиделась на мужа по пустому поводу и скрылась неизвестно где. Она думала, что муж непременно бросится искать ее, но не тут-то было, он спокоен и равнодушен, а ей нельзя без конца жить в чужом месте, и она поневоле, непрощеная, возвращается домой.

Женщина в обиде на своего возлюбленного, осыпает его горькими упреками. Она не хочет делить с ним ложе и отодвигается как можно дальше от него. Он пытается притянуть ее к себе, а она упрямится.

Наконец, с него довольно! Он оставляет ее в покое и, укрывшись с головой, устраивается на ночь поудобнее.

Стоит зимняя ночь, а на женщине только тонкая одежда без подкладки. В увлечении гнева она не чувствовала холода, но время идет — и стужа начинает пробираться до мозга костей.

В доме все давно спят крепким сном. Пристойно ли ей встать с постели и одной бродить в потемках? Ах, если бы раньше догадаться уйти! Так думает она, не смыкая глаз.

Вдруг в глубине дома раздаются странные, непонятные звуки. Слышится шорох, что-то поскрипывает... Как странно!

Тихонько она придвигается к своему возлюбленному и пробует натянуть на себя край покрывала. Нелепое положение!

А мужчина не хочет легко уступить и притворяется, что заснул!

126. Буддийские молитвословия и заклинания...

Буддийские молитвословия и заклинания лучше всего возглашаются в храмах Нара.

Когда я слышу моление «Око всех Будд», то душа моя полнится умиленным восторгом и благоговением.

127. То, от чего становится неловко

Попросишь слугу доложить о твоём приезде, а к тебе из глубины дома выходит кто-то другой, вообразив, что пришли именно к нему. И совсем конфузно, если у тебя в руках подарок.

Скажешь в разговоре дурное на чей-либо счет, а ребенок возьми и повтори твои слова прямо в лицо тому самому человеку!

Кто-то всхлипывая рассказывает грустную историю.

«В самом деле, как это печально!» — думаешь ты, но, как назло, не можешь выжать из себя ни одной слезинки.

Тебе совестно, и ты пытаешься строить плачевную мину, притворяешься безмерно огорченной, но нет! Не получается. А ведь в другой раз услышишь радостную весть — и вдруг побегут непрошеные слезы.

128. Когда император возвращался из паломничества в храм Явата...

Когда император возвращался из паломничества в храм Явата, он остановил паланкин перед галереей для зрителей, где находилась его мать — вдовствующая императрица, и повелел передать ей свое приветствие. Что в целом мире могло так взволновать душу, как это торжественное мгновение! Слезы полились у меня ручьем — и смыли белила. До чего я, наверно, стала страшна!

Таданобу, советник, носивший также звание тюдэ, был отправлен к государыне с высочайшим посланием. Великолепная картина!

В сопровождении четырех парадно наряженных телохранителей и стройных скороходов в белых одеждах он погнал своего прекрасного скакуна по широкому, чистому Второму проспекту. Затем, спешившись перед галереей, он стал ждать возле бамбукового занавеса, закрывавшего государыню от посторонних глаз.

Получив от нее ответное послание, Таданобу вновь сел на коня и возвратился к паланкину императора с почтительным докладом. Всякий поймет и без слов, как замечательно он выглядел в эту минуту!

Затем государь изволил проследовать дальше.

Я представила себе, что должна была чувствовать императрица-мать при виде царственного кортежа, и сердце мое, казалось, готово было выпрыгнуть из груди. Слезы полились неудержимо, что немало насмешило глядевших на меня.

Даже самые обычные люди радуются, если счастье улыбнется их детям, но какая великая радость выпала на долю императрицы-матери... Одна мысль об этом вызывает благоговейный трепет.

129. Однажды мы услышали, что его светлость канцлер...

Однажды мы услышали, что его светлость канцлер, покидая дворец Сэйрёдэн, должен выйти из Черной двери, и все мы, фрейлины, собрались в галерее, чтобы проводить его.

— Ах, сколько здесь блестящих дам! Как вы должны потешаться над этим жалким старикашкой, — пошутил канцлер, проходя между нашими рядами.

Дамы, сидевшие поблизости от Черной двери, подняли вверх бамбуковые завесы, так что стали видны многоцветные шелка их одежд.

Почетный дайнагон Корэтика помог отцу надеть башмаки. По-юному прелестный, он в то же время выглядел значительно. За ним тянулся шлейф такой длины, что казалось, в галерее не хватит места.

«Ах, как взыскан судьбой господин канцлер! Дайнагон подает ему обувь, — подумала я. — Вот вершина почета!»

Начиная с дайнагона Яманои, его младшие братья и прочие знатные персоны сидели длинной чередой от самой ограды дворца Фудзицубо и до главного входа во дворец Токадэн, как будто вся земля была усеяна черными пятнами.

Канцлер Мититака, выглядевший очень изящным и стройным, остановился на минуту, чтобы поправить свой меч.

Тем временем его младший брат — управитель двора императрицы — Митинага стоял перед Черной дверью.

«Разумеется, он не станет оказывать знаки высшего почтения собственному брату», — решила я.

Но не успел канцлер сделать и нескольких шагов, как Митинага уже припал к земле.

«Сколько же добрых деяний должен был совершить канцлер в прошлых рождениях?» — думала я, глядя на эту удивительную картину.

Госпожа Тюнагон, объявив, что у нее сегодня День поминовения, принялась усердно молиться.

— Одолжите мне их, эти ваши четки. Может, в награду за благочестие я достигну вершины почестей, — заметил господин канцлер.

Дамы весело смеялись, но все равно то были примечательные слова.

Услышав о них, императрица молвила с улыбкой:

— Стать Буддой — вот что выше всего!

Глядя на императрицу, я думала, что ее слова еще более проникновенны.

Я без конца рассказывала государыне, как преклонился до земли Митинага. Она заметила, поддразнивая меня:

— Так он по-прежнему твой фаворит.

О, если б императрице довелось увидеть, какого величия достиг впоследствии Митинага, она бы, наверное, признала правоту моих слов!

130. Однажды в пору девятой луны...

Однажды в пору девятой луны всю долгую ночь до рассвета лил дождь. Утром он кончился, солнце встало в полном блеске, но на хризантемах в саду еще висели крупные, готовые вот-вот пролиться капли росы.

На тонком плетенье бамбуковых оград, на застрехах домов трепетали нити паутин. Росинки были нанизаны на них, как белые жемчужины...

Пронзающая душу красота!

Когда солнце поднялось выше, роса, тяжело пригнувшая ветки хаги, скатилась на землю, и ветви вдруг сами собой взлетели в вышину...

А я подумала, что люди ничуть бы этому не удивились.

И это тоже удивительно!

131. Однажды накануне седьмого дня...

Однажды накануне седьмого дня Нового года, когда вкушают семь трав, явились ко мне сельчане с охапками диких растений в руках. Воцарилась шумная суматоха.

Деревенские ребяташки принесли цветы, каких я сроду не видела.

— Как они зовутся? — спросила я.

Но дети молчали.

— Ну? — сказала я.

Дети только переглядывались.

— Это миминакусá — «безухий цветок», — наконец ответил один из них.

— Меткое название! В самом деле, у этих дичков такой вид, будто они глухие! — засмеялась я.

Ребяташки принесли также очень красивые хризантемы «я слышу», и мне пришло в голову стихотворение:

Хоть за ухо тереби!
«Безухие» не отзовутся —
Цветы миминакуса.
Но, к счастью, нашелся меж них
Цветок хризантемы — «я слышу».

Хотелось мне прочесть детям эти стихи, но они опять ничего бы не взяли в толк.

132. Во время второй луны в Государственном совете...

Во время второй луны в Государственном совете вершат дела, именуемые «инспекцией». Что бы это могло быть? Не знаю.

Кажется, по этому случаю имеет место особая церемония: в зале вывешивают изображения Конфуция и других мудрецов древности.

Императору и его царственной супруге подносят в простых глиняных сосудах какие-то диковинные кушанья, именуемые «Священной пищей мудрости».

133. Дворцовый слуга принес мне...

Дворцовый слуга принес мне от господина То-но бэна Юкинáри подарок, обернутый в белую бумагу и украшенный великолепной веткой цветущей сливы.

«Уж нет ли в нем картины?» — я нетерпеливо открыла сверток, но оказалось, что там тесно уложены, один к одному, хэйдán — жареные пирожки с начинкой.

Было там и письмо, сочиненное в стиле официального документа:

«Препровождаю один пакет пирожков.

Оный пакет почтительно преподносится согласно установленным прецедентам.

Адресат: господину сёнагону — младшему секретарю Государственного совета».

Ниже стояли даты и подпись «Миманá-но Нарийóки».

В конце я прочла приписку:

«Ваш покорный слуга желал бы лично явиться с приношением, но побоялся показаться слишком уродливым при дневном свете».

Почерк был в высшей степени изящен.

Я показала это послание государыне.

— Искусная рука! Очень красиво написано, — с похвалой заметила государыня и взяла письмо, чтобы проглядеть его.

— Но что мне ответить? Надо ли дать подарок слуге, принесшему письмо? Если б кто-нибудь сказал мне!..

— Кажется, я слышу голос Корэнака? — молвила государыня. — Кликни его.

Я вышла на веранду и приказала слуге:

— Позови господина сатайбэна.

Сатайбэн Корэнака тотчас же явился, заботливо оправив свой наряд.

— Я звала вас не по приказу государыни, — сказала я, — но по личному делу. Если посланный приносит подарок, вот вроде этого, одной из фрейлин, ну, скажем, госпоже Бэн или мне, надо ли дать ему вознаграждение?

— Нет, незачем. Оставьте у себя пирожки и скушайте... Но почему вы спрашиваете меня? Разве вам послал этот дар какой-нибудь высший член Государственного совета?

— Ну что вы, разве это возможно? — возразила я. Надо было отвечать на письмо Юкинари.

Я взяла тонкий лист алой бумаги и написала:

«Тот «покорный слуга», который не удосужился сам лично принести холодные пирожки, наверно, холоден сердцем».

Я привязала письмо к цветущей ветке алой сливы и отослала его.

Почти немедленно Юкинари велел доложить о себе:

— Ваш покорный слуга явился.

Я вышла к нему.

— А я-то был уверен, что в награду за мой подарок вы угостите меня, как водится, скороспелым стишком. Но ваш ответ просто восхитителен! Ведь если женщина хоть немного возмнит о себе, она так и сыплет стихами направо и налево. Но вы не такая! С вами приятно пого-

ворить. Мне не по душе присяжные сочинительницы стихов, это неделикатно. Навязчиво, наконец!

Так родилась забавная история, в духе тех, что рассказывают о Норимицу.

Кто-то сообщил мне:

— Когда эту историю поведали императору в присутствии множества людей, государь соизволил заметить: «Она ответила остроумно».

Но довольно об этом. Восхвалять самое себя непристойно и, пожалуй, смешно.

134. Почему, спрашивается, когда надо изготовить таблицы...

— Почему, спрашивается, когда надо изготовить таблицы для вновь назначенных куродо шестого ранга, так берут доски из ограды возле канцелярии императрицы всегда в одном и том же месте, в северо-восточном углу? Могли бы взять и на западной стороне и на восточной... Не все ли равно? — начала разговор одна из придворных дам.

— Ну, что здесь любопытного! — отозвалась другая. — Меня скорее удивляет, почему разным предметам одежды дают случайные названия, без всякого смысла... Вот что странно! Хосонага — «узкие длинные платья» названы удачно, они и вправду такие. Но почему верхнюю накидку с шлейфом именуют «потником»? Надо бы «длиннохвосткой». Так же, как одежду мальчиков. А почему «китайская накидка»? Лучше бы «короткая накидка».

— Наверно, накидки на такой манер носят в Китае...

— «Верхняя одежда», «верхние штаны» — это всем понятно. «Нижняя одежда» — хорошее название. У буги — «широкоротых штанов» — отверстия штанин невероятной ширины, значит, название подходит.

— А вот почему широкие штаны прозваны хакама? Неизвестно! Шаровары — сасинуки — лучше бы назвать

«одеяние для ног». А еще лучше «мешками», ведь нога в них как в мешке...

Так громко болтали дамы о разных пустяках.

— Ах, что за несносный шум! Давайте кончим. Пойдем спать! — воскликнула я.

И тут, словно в ответ на мои слова, за соседней стеной, к нашему удивлению, раздался голос священника, отправлявшего ночную службу:

— О, право, это было бы жаль! Продолжайте ваши разговоры всю ночь напролет.

135. В десятый день каждого месяца...

В десятый день каждого месяца — день помпозности усопшего канцлера Мититака, по приказу императрицы совершалась заубойная служба с приношением в дар священных сутр и изображений Будды. Когда настала девятая луна, церемония эта была совершена в собственной канцелярии императрицы при большом стечении высшей знати и придворных сановников.

Сэйхан прочел проповедь, исполненную такой скорби, что все были взволнованы до слез, даже молодые люди, которые обычно не способны глубоко почувствовать печаль нашей быстротечной жизни.

Когда служба кончилась, присутствовавшие на ней мужчины стали пить вино и декламировать китайские стихи.

То-но тюдзё, господин Таданобу, процитировал из китайской поэмы:

Луна и осень вернулись в назначенный срок,
Но он, куда он сокрылся?

Эти поэтические строки замечательно отвечали мгновению. Как только он отыскал их в своей памяти?

Я пробралась к государыне сквозь толпу придворных дам. Она как раз собиралась удалиться.

— Прекрасно! — воскликнула она, выслушав меня.— Можно подумать, что стихи эти нарочно сочинены к нынешнему дню.

— О да! Я хотела, чтоб вы скорей их услышали, и потому покинула церемонию, не доглядев ее до конца... Я тоже думаю, что Таданобу нашел прекрасные слова!

— Ты, понятно, была восхищена больше всех,— заметила императрица, и вот почему она так сказала.

Однажды Таданобу прислал слугу нарочно, чтобы вызвать меня, но я не пошла.

Когда же мы с ним случайно встретились, он сказал мне:

— Почему вы не хотите, чтобы мы по-настоящему стали близкими друзьями? Это странно, ведь я знаю, что не противен вам. Уже много лет у нас с вами доброе знакомство. Неужели же теперь мы расстанемся, и так холодно? Скоро кончится мой срок службы при дворе, я уже не смогу видеть вас. Какие воспоминания оставите вы мне?

— О, разумеется, мне было бы нетрудно уступить вам,— ответила я.— Но уж тогда я больше не посмею восхвалять вас. Право, это было бы жаль! А теперь, когда мы, придворные дамы, собираемся перед лицом императора, я пою вам хвалу так усердно, будто по служебной обязанности. Но разве я могла бы, если... Любите же меня, но только в глубине своей души. Иначе демон совести начнет мучить меня, и мне трудно будет по-прежнему превозносить вас до небес.

— Ну, что вы! — возразил Таданобу.— Люди, связанные любовью, порою хвалят друг друга с большим жаром, чем если бы они были просто знакомы. Тому немало примеров.

— Пусть себе, если им не совестно,— отвечала я.— А вот мне претит, когда кто-нибудь, мужчина или женщина, на все лады восхваляет того, с кем находится в любовной близости, и приходит в ярость, если услышит о нем хоть единое слово порицания.

— От вас, видно, ничего не дожدهшься! — бросил мне Таданобу и страшно насмешил меня.

136. Однажды вечером То-но бэн Юкинари...

Однажды вечером То-но бэн Юкинари посетил апартаменты императрицы и до поздней ночи беседовал со мною.

— Завтра у императора День удаления от скверны, и я тоже должен безвыходно оставаться во дворце. Нехорошо, если я появлюсь там уже за полночь, в час Быка,— с этими словами он покинул меня.

Рано утром мне принесли несколько листов тонкой бумаги, на какой пишут куродо в дворцовом ведомстве. Вот что я прочла:

«Наступило утро, но в сердце моем теснятся воспоминания о нашей встрече. Я надеялся всю ночь провести с вами в беседах о былом, но крик петуха помешал мне...»

Письмо было пространно и красноречиво.

Я ответила:

«Уж не тот ли обманный крик петуха, что глубокой ночью спас Мэнчан-цзюня?»

Ответ Юкинари гласил:

«Предание повествует, что обманный крик петуха, будто бы возвестившего зарю, открыл заставу Ханьгу и помог Мэнчан-цзюню бежать в последнюю минуту вместе с отрядом в три тысячи воинов, но что нам до той заставы? Перед нами «Застава встреч».

Тогда я послала ему стихотворение:

Хоть всю ночь напролет
Подражай петушину крику,
Легковерных найдешь,
Но «Застава встреч» никогда
Не откроет ворота обману.

Ответ пришел немедленно:

Пусть молчит петух,
Ни к чему лукавый обман
На «Заставе встреч».
Распахнув ворота свои,
Поджидает всю ночь любого.

Епископ Рюэн с низкими поклонами выпросил у меня первое стихотворное послание, а второе — с ответом Юкинари — взяла себе императрица.

Вот почему я не смогла одержать победы в этом поэтическом состязании, последнее слово о «Заставе встреч» осталось не за мной. Какая досада!

Увидев меня, Юкинари воскликнул:

— Ваше письмо прочитали все придворные...

— О, это доказывает, что вы и вправду влюблены в меня! Как не поделиться с людьми тем, что тебя радует! И наоборот, неприятные вещи незачем предавать широкой огласке. Ваше письмо я спрятала и не покажу никому на свете. Действовали мы по-разному, но намерения у нас были в равной степени хорошими.

— Как тонко вы все поняли и как разумно поступили! Обычная женщина стала бы всем и каждому показывать мое письмо, приговаривая: «Вот, посмотрите, до чего глупо и гадко!» Но вы не такая, — со смехом сказал Юкинари.

— Что вы, что вы! Я не сержусь на вас, напротив, весьма благодарна, — ответила я.

— Как хорошо, что вы спрятали мое письмо! Если б все о нем узнали, я стал бы вам ненавистен. Позвольте мне и в будущем рассчитывать на вашу доброту.

Вскоре после этого я встретила второго начальника гвардии Цунэфуса.

— Знаете ли вы, какие хвалы пел вам господин Юкинари? Он рассказывал о той истории с письмами... Приятно, когда люди хвалят ту, которая дорога твоему сердцу, — говорил он с горячей искренностью.

— Выходит, я услышала сразу две радостных вести. Во-первых, Юкинари лестно обо мне отзывается, а во-вторых, вы включили меня в число тех, кого любите, — сказала я.

— Странно! — ответил он. — Вы радуетесь, как новости, тому, что давно вам известно.

137. Темной безлунной ночью, в пятом месяце года...

Темной безлунной ночью, в пятом месяце года, вдруг раздались громкие голоса:

— Есть ли здесь фрейлины?

— Это звучит необычно! Выйди посмотреть, в чем дело,— приказала мне императрица.

— Кто там? Почему так оглушительно кричите? — спросила я.

В ответ молчание, но вдруг штора приподнялась и послышался шелест... Я увидела ветку бамбука «курэ»!

— О, да здесь «этот господин»! — воскликнула я.

— Скорей, скорей, пойдем расскажем государю,— сказал один из тех, кто принес ветку. И они поспешили бегом: Бэн-тюдзэ, сын министра церемониала, и компания молодых куродо шестого ранга. Остался только То-но бэн Юкинари.

— Забавно, право! Вдруг все убежали... Им не терпится рассказать государю,— заметил он, глядя им вслед.— Мы ломали ветки бамбука в саду возле дворца, замыслив сочинять стихи. Кто-то предложил: «Пойдем к апартаментам императрицы, позовем фрейлин, пусть и они примут участие». Но, едва увидев бамбук «курэ», вы сразу воскликнули «этот господин». Ну не удивительно ли? От кого только вы узнали, что так зовут бамбук «курэ» в китайской поэзии? Дамы обычно и понятия о нем не имеют, а вам известны такие редкие слова...

— Да нет, уверяю вас, я не знаю, что бамбук «курэ» зовется в поэзии «этот господин». Просто я думала, что кто-то хочет заглянуть к нам в покои. Боюсь, меня сочли нескромной.

— Да, действительно, такие тонкости не каждый знает,— сказал Юкинари.

Пока мы с ним вели беседу на разные серьезные темы, придворные вновь пришли толпой, напевая:

Посадил бамбук в саду и дал ему прозвание «этот господин».

— Но ведь вы же условились во дворце, что будете сочинять стихи? Почему же так внезапно отказались от своей затеи? Зачем ушли? — спрашивал их Юкинари. — Сомнительный поступок, как мне кажется.

— Нам напомнили знаменитейшие стихи о бамбуке, — стали оправдываться придворные. — Как могли мы вступить в состязание с ними? Уж лучше промолчать! Все равно дворец уже гудит от разговоров... Сам государь слышал об этой истории и нашел ее очень забавной.

Вместе с То-но бэнном Юкинари они начали повторять снова и снова все тот же самый поэтический отрывок. Любопытная сцена! Дамы вышли на звук голосов, завязались разговоры и не замолкали до самого рассвета. Когда настало время уходить, мужчины снова стали скандировать строку о бамбуке, и хор их голосов долго слышался вдали.

Рано утром Сёнагон-но мёбу, дама из свиты императора, принесла императрице письмо от государя, в котором он рассказывал о вчерашней истории.

Государыня вызвала меня из моих покоев и спросила, правда ли это?

— Не ведаю, я ведь сказала случайно, не подумав, — ответила я. — Наверно, это господин Юкинари подстроил.

— А хоть бы даже и так, — засмеялась императрица.

Государыня бывает очень довольна, когда при дворе хвалят одну из фрейлин, и всегда спешит поделиться с нею доброй вестью.

138. Через год после смерти императора Энъю...

Через год после смерти императора Энъю кончился придворный траур. Начиная с царствующего государя и вплоть до последнего из слуг покойного монарха каж-

дый, расставаясь с темными одеждами, невольно вспоминал о таком же событии в былые времена, когда поэт сказал:

Все люди опять
Надели цветные наряды,
Как в прежние дни,
Но что ж рукава не просохнут
Замшелой рясы моей?

Однажды, когда лил сильный дождь, к затворенным наглухо покоем, где находилась госпожа Тодзамми, явился какой-то маленький слуга, похожий на миномуси — «червячка в соломенном плаще». Он принес письмо официального вида, скатанное в трубку и привязанное к большой ветке белого дуба. Можно подумать, документ из храма...

— Вот, пожалуйста, примите! — крикнул он.

— От кого письмо? — спросила служанка из глубины дома. — Сегодня и завтра у моей госпожи Дни удаления от скверны. Видишь, ситоми опущены...

Служанка осторожно приподняла одну из створок решетчатой рамы — ситоми и, взяв это послание, подала его своей госпоже.

Но Тодзамми сказала:

— Не взгляну на него сегодня, — и воткнула письмо в решетку ситоми.

На другое утро Тодзамми совершила омовение рук и спросила свою служанку:

— Где же счет за поминальную службу, присланный вчера из храма?

Преклонив колена, она почтительно приняла письмо. «Что за странность!» — подумала Тодзамми, раскручивая плотный лист бумаги орехового цвета. На ней, вместо храмовой расписки, угловатым почерком, каким пишут бонзы, было начертано стихотворение:

Здесь еще мы храним
Строгий траур в память его,
Но в столице — увы! —
Рукав цвета зимнего дуба
Уж блещет новой листвою.

«До чего неприятно и нелепо! — возмутилась Тодзамми. — Кто мог сочинить и послать мне такие стихи? Уж не епископ ли Нивадзи? Нет, разумеется, не он. Так

кто же автор? Наверно, То-дайнагон! Он ведь был правителем службы двора покойного императора».

Тодзамми не терпелось скорее показать письмо императору с императрицей. Но что делать! Ей было строжайшим образом предписано уединение, и она не смела его нарушить.

На следующий день Тодзамми первым делом сочинила «ответную песню» и послала ее То-дайнагону, а он, в свою очередь, немедленно откликнулся стихами.

Взяв оба присланные ей письма, Тодзамми поспешила во дворец к императрице и рассказала обо всем. В покоях как раз присутствовал император.

Государыня взглянула на загадочное письмо так, словно видит его в первый раз.

— Нет, это не рука То-дайнагона. Наверно, написал какой-нибудь монах. А может быть, это проделка черта из старых легенд,— молвила она нарочито серьезным тоном.

— Так кто же тогда? Кто из светских модников или высшего духовенства? Тот или, возможно, этот? — терялась в догадках не на шутку смущенная Тодзамми.

— А я где-то видел здесь похожую бумагу,— улыбаясь, сказал император. Он вынул листок цветной бумаги и показал госпоже Тодзамми.

— Ах, какая жестокая насмешка! Расскажите мне все. Ох, у меня голова раскалывается от боли... Ну скорее же, я хочу знать,— приступила с расспросами Тодзамми, не помня себя от досады.

Высочайшие супруги смеялись от души. Наконец юный император не выдержал и признался своей молочной матери госпоже Тодзамми:

— Чертенюк, что принес тебе письмо, на самом деле кухонная девочка. Все это, я думаю, штуки Кохёэ, она подстроила...

Тут императрица тоже разразилась смехом. Тодзамми схватила ее за рукав и стала дергать и трясти.

— Ловко же вы меня провели! А я-то в невинности души еще омыла руки, на колени падала...— сквозь смех негодовала госпожа Тодзамми. На лице у нее было написано выражение уязвленной гордости. В эту минуту она была очень мила.

На дворцовой кухне стоял громкий хохот.

Тодзамми возвратилась в свои покои, вызвала кухонную девочку и указала на нее служанке.

— Да, сдастся мне, это она и есть,— решила служанка.

— Кто дал тебе письмо? А ну, говори! — стала спрашивать Тодзамми, но девочка, не ответив ни слова, захихикала с глупым видом и бросилась бежать.

То-дайнагон немало смеялся, услышав об этой истории.

139. То, что наводит тоску

Проводить Дни удаления от скверны не у себя дома, а в чужом месте.

Когда ты не можешь продвинуть свою пешку вперед в игре «сугороку».

Дом человека, который не получил назначения во время раздачи официальных постов.

Но всего сильнее наводят тоску долгие дожди.

140. То, что разгоняет тоску

Игра в «сугороку» и «го».

Романы.

Милая болтовня ребенка лет трех-четырёх.

Лепет и «ладушки-ладушки» младенца.

Сладости.

Если ко мне придет мужчина, умеющий пошутить и остроумно побеседовать, я принимаю его даже в Дни удаления от скверны.

141. То, что никуда не годно

Человек дурной наружности и вдобавок с недобрый сердцем.

Рисовый крахмал, размокший от воды. Я знаю, многие не желают слышать о таких низменных вещах, но это не остановит меня. Да хоть бы совсем бросовая вещь, к примеру, щипцы для «прощальных огней»! Неужели я буду молчать о них только потому, что они слишком всем известны?

Мои записки не предназначены для чужих глаз, и потому я буду писать обо всем, что в голову придет, даже о странном и неприятном.

142. О самых великолепных вещах на свете

Что может быть великолепней храмовых празднеств Камо и Ивасимидзу? Даже репетиция священных плясок во дворце — прекрасное зрелище! Помню, накануне праздника Ивасмидзу солнце ярко сияло на спокойном весеннем небе. В саду перед дворцом Сэйрёдэн были посланы циновки слугами ведомства дворцового обихода.

Императорские послы сидели лицом к северу (если память мне не изменяет), а танцоры давали представление, обратясь лицом к императору.

Служители внесли высокие о-самбо и поставили перед каждым из присутствовавших. В этот день даже музыкантам было разрешено предстать пред высочайшими очами, по только в саду.

Чарка пошла по кругу. Высшие сановники и царедворцы по очереди осушали ее, а под конец выпили священного вина из раковины-якугай и покинули пиршество.

Затем, по обычаю, последовал «сбор остатков пира». Когда мужчины подбирают остатки, мне и то становится

не по себе, а тут вдруг в присутствии императора появились женщины из простонародья... Некоторые из них внезапно выбегали из сторожек, где, казалось бы, никого не было, и, не помня себя от жадности, старались захватить больше других, но, толкаясь и суетясь, все рассыпали и проливали. В конце концов им доставалось меньше, чем их соперницам, которые первыми умели ловко схватить самые лакомые объедки и убежать. Забавно было видеть, как эти женщины прячут свою добычу в сторожках, словно в кладовых.

Не успели люди из ведомства дворцового обихода скатать циновки, как челядинцы из хозяйственной службы метлами заровняли песок в саду.

Со стороны дворца Дзёкёдэн донеслись напевы флейты и стук барабана. Я не могла дождаться, когда же появятся танцоры. Наконец они показались возле бамбуковой ограды. Шествуя вереницей, танцоры пели старую песню страны Адзума «На берегу Удб». Когда же заиграли цитры, я от восторга забыла все на свете.

И вот тогда выступили вперед двое танцоров для первой пляски. Соединив свои рукава, в точности как надлежит, они стали на западной стороне деревянного помоста, лицом к государю. Вслед за ними на помост вошли другие танцоры. Торжественно топнув ногой в такт ударам барабана, главный танцор плавным движением рук оправил шнуры своей короткой безрукавки-хампи, воротник верхней одежды и шапочку... А потом началась первая пляска под звуки песни «Маленькие сосны». Это было волнующе прекрасно!

Я была бы готова целый день без устали смотреть, как широкие рукава кружатся, словно колеса, но, к моему горю, пляска слишком скоро кончилась. Я утешала себя мыслью, что сейчас начнется другая.

Музыканты унесли цитры, и из-за бамбуковой ограды снова появились танцоры. Великолепная картина! Их одежды из блестящего алого шелка в вихре пляски стлались за ними, змеились и перевивались... Но когда я пытаюсь рассказать об этом словами, все — увы! — становится таким бледным и обыкновенным!

«Пляска кончилась, а других, уже верно, не будет», — подумала я с невыразимой грустью. Все зрители во главе с высшими придворными покинули свои места, и я осталась в одиночестве, полная сожалений.

На репетиции плясок для праздника Камо я не томлюсь такой печалью, меня утешает надежда, что танцоры, возвратясь из храма, еще раз исполнят во дворце священные пляски микагура.

Помню один вечер.

Тонкие дымки костров в саду поднимались к небу, и тонкой-тонкой трелью уносились ввысь дрожащие чистые звуки флейты, а голоса певцов глубоко трогали сердце. О, это было прекрасно! Я не замечала, что воцарился пронзительный холод, что мои платья из легкого шелка заледенели, а рука, сжимавшая веер, застыла от стужи.

Когда главный танцор вызывал других танцоров, его голос, разносившийся далеко вокруг раскатистым эхом, звучал радостной гордостью. Чудесные минуты!

Если в пору «особых празднеств» я нахожусь у себя дома, то не довольствуюсь тем, чтобы только смотреть, как проходит мимо шествие танцоров. Нет, я нередко еду в храм Камо полюбоваться на священные пляски. Экипаж мой я велю поставить в тени больших деревьев. Дымки от сосновых факелов стелются по земле, и в мерцании огней шнуры на безрукавках танцоров и блестящий глянец их верхних одежд кажутся еще прекрасней, чем при свете дня.

Когда танцоры пляшут под звуки песни и гулкими ударами ног заставляют гудеть доски моста перед храмом,— новое очарование!

Плеск бегущей воды сливается с голосом флейты. Поистине сами небесные боги, должно быть, с радостью внимают этим звукам!

Был среди танцоров один в званьи то-но тюдзё. Он каждый год участвовал в плясках, и я особенно им восхищалась. Недавно он умер, и, говорят, дух его появляется под мостом возле верхнего святилища Камо. Мне это показалось до того страшным, что я сначала без особой охоты приготовилась смотреть танцы, но потом снова увлеклась ими до самозабвения.

— Как грустно, когда приходит конец празднеству в храме Ивасимидзу,— печалилась одна из фрейлин.— А почему бы танцорам не повторить представление во дворце, как бывает после праздника Камо? Вот бы хорошо! Танцоры получают награду — и всему конец, ну разве не обидно?

Услышав это, император соизволил молвить:

— Я прикажу им плясать еще раз.

— Неужели правда, государь? — воскликнула дама. — Какая радость для нас!

Фрейлины окружили императрицу и стали осаждать ее шумными мольбами:

— О, пожалуйста, попросите государя и вы, не то, боимся, он раздумает.

Вот таким путем нам выпало неожиданное счастье: мы снова могли полюбоваться плясками, когда танцоры вернулись из храма Ивасимидзу.

Но фрейлины, по правде говоря, не очень верили, что это сбудется. Вдруг нам сообщают: император в самом деле вызвал танцоров для представления! При этой вести дамы просто голову потеряли. В спешке они натыкались на все, что попадалось им на пути, и вели себя, как безумные. Те, которые находились в своих покоях, опрометью бросились во дворец.. Вид у них был неописуемый! Не обращая внимания на то, что на них смотрят придворные, гвардейцы, телохранители и прочие люди, они на бегу накинули себе на голову свои длинные подолы. Зрители умирали от смеха, и не мудрено!

143. После того как канцлер Мигитака покинул наш мир...

После того как канцлер Мигитака покинул наш мир, во дворце произошли большие события и воцарилось смятение. Императрица больше не посещала государя и поселилась в Малом дворце на Втором проспекте.

Мне тоже пришлось безвинно претерпеть много неприятностей... Уже долгое время я находилась у себя дома, но меня так тревожила участь императрицы, что я не знала ни минуты покоя.

Меня посетил второй начальник Правой гвардии Цунафуса и стал беседовать со мной о том, что делается на свете.

— Сегодня я был у государыни. Все так красиво и так печально у нее во дворце! Придворные дамы прислуживаются ей, как в былые дни, в полном придворном одеянии. Шлейфы, китайские накидки — словом, весь наряд — строго соответствуют времени года. Штора с одной стороны была приподнята, и я мог заглянуть в глубину покоев. Восемь или девять фрейлин сидели там в церемониальных позах. На них были накидки цвета увядших листьев, бледно-лиловые шлейфы и платья блеклых оттенков астры-сион и осенних хаги.

Высокие травы заглушали сад перед дворцом.

«Почему вы не велите срезать траву?» — спросил я.

Кто-то ответил мне (я узнал голос госпожи сайсё): «Государыня желает любоваться на осенние росы...»

«Сколько в этом душевной тонкости!» — подумал я с восхищением.

Многие дамы говорили мне: «Как жаль, что Сёнагон покинула нас в такое время, когда императрица принуждена жить в этом унылом жилище. Государыня думала, что Сёнагон останется верна ей, что бы ни случилось, но, как видно, обманулась в своих надеждах».

Должно быть, они хотели, чтобы я передал вам их слова. Пойдите же туда! Дворец пленяет грустной красотой. Как хороши пионы, посаженные перед верандой!

— Ну нет, все меня там ненавидят, и я их терпеть не могу! — воскликнула я.

— Не горячитесь так! — усмехнулся Цунэфуса.

«Но правда, что думает обо мне государыня?» — встревожилась я и отправилась к ней во дворец.

Императрица встретила меня по-прежнему благосклонно, но я услышала, как ее приближенные дамы шепчутся между собой:

— Сёнагон — пособница Левого министра, тому есть доказательство...

Стоило мне войти в комнату, как они вдруг прерывали разговор и спешили разойтись в разные стороны. Меня явно избегали. Я не привыкла к такому отношению, и мне стало очень тяжело. Я снова вернулась домой и, хотя императрица не раз призывала меня к себе, долгое время не появлялась пред ее очами. Уж наверно, при дворе государыни рассказывали небывицы, будто я держу руку Левого министра.

Много дней императрица, противно своему обычаю,

не посылала мне ни одной весточки. Но однажды, когда я предавалась невеселым мыслям, старшая дворцовая служанка принесла мне письмо:

— Вот вам от государыни,— шепнула она.— Императрица посылает вам это письмецо по секрету, через госпожу сайсё.

Даже здесь, в стенах моего дома, служанка будто пряталась от чужих глаз. Это было ужасно!

Похоже, что письмо написала сама государыня, своей рукой. Я распечатала его с сильно бьющимся сердцем. Но листок бумаги был чист! В письме лежал лишь лепесток горной розы... На нем начертаны слова: «Я безмолвно люблю».

О, какое облегчение, какая радость после бесконечных дней тоски, когда я напрасно ждала вестей!

Служанка пристально поглядела на меня:

— Все наши дамы удивляются, просто в толк не возьмут, почему вы глаз к нам не кажете... Госпожа наша то и дело вспоминает вас. Отчего же вы не возвращаетесь во дворец? — И добавила: — Мне нужно позвать здесь по соседству. Я скоро приду к вам за ответом.

Я села писать ответ императрице, но никак не могла вспомнить, откуда взят стих: «Я безмолвно люблю».

— Ну не странно ли? — сокрушалась я.— Кто не знает этой старинной песни? Вертится на языке, а вот нет, не припомню...

Молоденькая служаночка, сидевшая передо мной, сказала:

— Это песня «О бегущей под землей воде».

В самом деле! Как же я позабыла? Смешно, что эта девочка, моя служанка, взялась меня учить!

Я послала ответ государыне и вскоре сама отправилась во дворец. Не зная, как императрица примет меня, я смущалась больше обычного и спряталась за церемониальным занавесом.

Государыня заметила это.

— Ты разве новенькая здесь? — спросила она со смехом.— Не люблю я это стихотворение «О бегущей под землей воде», но мне кажется, оно хорошо выражает мои чувства к тебе. Когда я не вижу тебя, ничто меня не радует.

В императрице я не подметила и тени перемены.

Я рассказала ей, как служаночка преподала мне урок поэзии, и государыня от души смеялась.

— Это случается нередко,— молвила она.— И чаще всего с самыми избитыми стихами.

— Как-то раз придворные затеяли конкурс загадок,— поведала нам императрица.— Один человек, не входивший в число соревнующихся, был мастером этого дела. Он вдруг обратился клевой группе с такими словами:

«Я хотел бы задать от вашего имени загадку — самую первую. Поручите мне это!»

Участникилевой группы были очень обрадованы.

«Он сам вызвался помочь нам,— решили они,— и, уж верно, не выступит на состязании с какой-нибудь глупостью».

Все они начали придумывать загадки и потом выбрали из них самые лучшие.

Но их новый союзник сказал:

«Не спрашивайте меня ни о чем. Доверьтесь мне, и вы не пожалеете...»

Из уважения к нему все замолчали. Время шло, и участникилевой группы стали выражать тревогу:

«Скажите нам, что вы задумали. Так, на всякий случай... Вдруг кто-нибудь из нас приготовил то же самое».

«Ах, вот как! — воскликнул тот в гневе.— Тогда знать ничего не знаю. Не верите мне, и не надо!»

Он не развеял их опасений, а между тем наступил день конкурса. Участники его, мужчины и женщины, заняли свои места, разделившись на две группы: левую и правую. Кругом уселись рядами многочисленные зрители и ценители состязания.

Видно было, что мастеру загадок не терпелось выступить первым. Он был в полной боевой готовности и вполне уверен в себе. Зал замер от ожидания: что за необычайный вопрос он сейчас задаст? Все присутствующие, и сторонники и противники, уставились на него, восклицая:

«Загадку! Загадку!»

Какое нетерпение!

И вдруг неожиданно для всех он произнес:

«В небе натянут лук...»

Соперники воспрянули духом: вот неслыханная удача! А партнеры излевой группы сначала ушам своим не поверили, а опомнившись, вознегодовали:

«Значит, он на стороне врагов! — подумали они.— Нарочно предал свой лагерь».

В правой группе посмеивались:

«Какая нам досада! До чего трудная задача!»

Тот из них, кому надлежало разгадать загадку, презрительно скривил рот:

«Э-э, где уж мне понять! — И начал твердить: — Не знаю! Не знаю! Откуда мне догадаться, что значит — «в небе натянут лук».

Левой группе засчитали очко и выдали счетный знак победы.

Участники Правой группы затеяли шумный спор:

«Что за нелепость! Кто же с малых лет не знает, что это полумесяц? Детская загадка! Нельзя за нее присуждать очки!»

Но мастер загадок возразил:

«Ваш игрок сказал: «Не знаю!» Как же вы можете утверждать, будто он не проиграл?»

Так пошло и дальше. Мастер загадок каждый раз побеждал в споре, и Правая группа потерпела поражение.

Участники ее осыпали упряма упреками:

«Зачем вы говорили, что не знаете?»

Но уж делу не поможешь!

Когда императрица кончила свое повествование, дамы воскликнули, смеясь:

— И они были правы! Нашел время дурачиться! А их противники излевой группы! Что они почувствовали, когда их предводитель так, казалось бы, нелепо начал состязание!.. Нет, вы только представьте себе!

Но рассказ этот не о тех, кто, как я, пострадал от собственной забывчивости. Скорее он о тех, кто слишком хорошо помнит и позволяет себе быть небрежным.

144. В десятых числах первой луны...

В десятых числах первой луны выпал день, когда небо застилала густые облака, но в их разрывах ярко сияло солнце.

Позади хижины какого-то бедняка, там, где приютилось его неухоженное поле с кривыми бороздами, юное-

юное персиковое дерево раскинуло во все стороны множество веток. Ветки в тени свежо зеленели, а на солнечной стороне листья были темные, блестящие и словно чуть-чуть отливали багрянцем.

Какой-то юный паж с необычайно тонким станом и прекрасными волосами, в «охотничьей одежде», сквозящей прорезами, сидел на дереве. А двое мальчуганов стояли внизу, один с подоткнутым подолом, а второй, голоногий, в невысоких башмаках. Они просили:

— Срежь нам хлыстики гонять мяч.

Пришли еще три-четыре девочки-прислужницы. У них были длинные красивые волосы. Халатики — акомэ — местами распоролась по швам, складки на цветных хакама смяты, но зато нижние одежды очень нарядны.

— Срежь и брось нам хорошие ветки для «колотушек счастья», — попросили они. — Наш господин послал нас за ними.

Сидевший на дереве мальчик стал бросать ветки вниз, а девочки бегом кинулись собирать их и, поглядывая вверх, кричали:

— Мне, кивь мне побольше!

Это была прелестная сцена. Но вдруг к дереву подбежал мужчина в черных заносенных штанах и потребовал:

— Давай мне тоже!

— Подожди! — отозвался мальчик, и тогда мужчина принялся трясти дерево. Мальчик, крича от страха, уцепился за ветки, как обезьянка...

Когда поспевают сливы, тоже можно видеть такие сцены.

145. Мужчина приятной внешности целый день играл в «сугороку»...

Мужчина приятной внешности целый день играл в «сугороку», но, видно, ему еще не прискучило.

В низком светильнике уже зажгли яркий огонь...

Шепча молитвы, чтобы вышло счастливое число очков, противник сжимает в руке игральные кости и ни-

как не решается сунуть их в футлярчик для метания костей.

Первый игрок положил свой футляр и ждет.. Воротник его «охотничьей одежды» мешает ему, он оправляет его одной рукой, потряхивая головой, чтобы сдвинуть на затылок свою обвисшую ненакрахмаленную шапку. И, с беспечным видом взглянув на доску, замечает:

— Читайте себе заклинания, сколько хотите, а вам меня не обыграть!

Вид у него весьма самонадеянный!

146. Знатный вельможа играет в шашки «го»

Знатный вельможа играет в шашки «го». Распустив завязки кафтана, он небрежным движением берет шашку и делает ход.

А его противник невысокого звания сидит перед ним в почтительной позе на некотором расстоянии от шашечной доски. Вот он нагибается к доске, свободной рукой придерживая длинный конец рукава.

Любопытно глядеть на них!

147. То, что имеет пугающий вид

Чашечка желудя.

Следы пожарища.

Чертов лотос с колючками.

Водяной орех.

Мужчина с целым лесом густых волос на голове, когда он их моет и сушит.

148. То, от чего веет чистотой

Глиняная чарка.

Новая металлическая чашка.

Стебли водяного риса, вплетенные в циновку.

Игра света в воде, когда наливаешь ее в сосуд.

149. То, что кажется претенциозно-пошлым

Младший секретарь департамента церемониала, отставленный от службы с повышением в ранге.

Пряди черных волос, когда они курчавятся.

Новые ширмы, обтянутые холстом. О старых, грязных и упоминать не стоит, а на новых ширмах часто намалевано белилами и киноварью множество цветов вишни. До чего же безвкусно!

Дверцы шкафов, переделанные в скользящие двери.

Толстый бонза.

Соломенная циновка Идзумо, если она в самом деле сделана в Идзумо.

150. То, от чего сжимается сердце

Сердце сжимается:

Когда глядишь на состязания всадников.

Когда плетешь из бумаги шнурок для прически.

Родители твои жалуются на нездоровье и выглядят хуже обычного. А если в это время ходит дурное поветрие, тут уж тебя возьмет такая тревога, что ни о чем другом и думать не можешь.

А как сжимается сердце, когда маленький ребенок не берет грудь и заливается криком даже у кормилицы на руках.

В доме ты впервые слышишь незнакомый голос. Это одно уже волнует. И становится совсем не по себе, если кто-либо из твоих собеседников вдруг начнет разводить сплетни про того человека.

Войдет в комнату кто-то тебе ненавистный — и душа замирает.

Странная вещь — сердце, как легко его взволновать!

Вчера женщину в первый раз навестил возлюбленный — и вот на другое утро письмо от него запаздывает.

Пусть это случилось с другой, не с тобой, все равно сердце сжимается в тревоге за нее.

151. То, что умиляет

Детское личико, нарисованное на дыне.

Ручной воробышек, который бежит вприпрыжку за тобой, когда ты пищишь на мышиный лад: тю-тю-тю!

Ребенок лет двух-трех быстро-быстро ползет на чей-нибудь зов и вдруг замечает своими острыми глазками какую-нибудь крошечную безделицу на полу. Он хватается ее пухлыми пальчиками и показывает взрослым.

Девочка, подстриженная на манер монахини, не отбрасывает со лба длинную челку, которая мешает ей рассмотреть что-то, но наклоняет голову набок. Это прелестно!

Маленький придворный паж очарователен, когда он проходит мимо тебя в церемониальном наряде.

Возьмешь ребенка на руки, чтобы немножко поиграть с ним, а он ухватился за твою шею и задремал... До чего же он мил!

Трогательно-милы куколки из бумаги, которыми играют девочки.

Сорвешь в пруду маленький листок лотоса и залюбуешься им!

А мелкие листики мальвы! Вообще, все маленькое трогает своей прелестью.

Толстый мальчик лет двух ползет к тебе в длинном-длинном платье из переливчатого лилового крепа, рукава подхвачены тесемками... Или другой ребенок идет вразвалочку, сам он — коротышка, а рукава длинные... Не знаю, кто из них милее.

Мальчик лет восьми-девяти читает книгу. Его тонкий детский голосок проникает прямо в сердце.

Цыплята на длинных ножках с пронзительным писком бегут то впереди тебя, то за тобой, хорошенькие, белые, в своем еще куцем оперении. Люблю глядеть на них. До чего же они забавны, когда следуют толпой за курицей-мамашей.

Прелестны утиные яйца, а также лазуритовый сосуд для священных реликвий.

152. То, в чем видна невоспитанность

Заговорить первым, когда застенчивый человек наконец собрался что-то сказать.

Ребенок лет четырех-пяти, мать которого живет в одном из ближних покоев, отчаянно шаловлив. Он хватается твои вещи, разбрасывает, портит. Обычно приструнишь ребенка, не позволишь ему творить все, что в голову взбредет, и шалун присмирет...

Но вот является его матушка, и он начинает дергать ее за рукав:

— Покажи мне вон то, дай, дай, мама!

— погоди, я разговариваю со взрослыми, — отвечает она, не слушая его.

Тогда уж он сам роется в вещах, найдет что-нибудь и схватит. Очень досадно!

Мать запретит ему:

— Нельзя! — но не отнимет, а только говорит с улыбкой:

— Оставь! Испортишь!

Она тоже дурно ведет себя.

А ты, понятно, не можешь сказать ни слова, а только бессильно глядишь со стороны, изнывая от беспокойства.

153. То, что вызывает жуткое чувство

Зеленый омут.

Пещера в ущелье.

Забор из досок — «рыбы плавники».

«Черный металл» — железо.

Комок земли.

Гром. Не только имя его устрашает, он сам по себе невообразимо ужасен.

Ураган.

Облако зловещего предзнаменования.

Звезда Копье.

Внезапный ливень — «локоть вместо зонтика».

Дикое поле.

Вор, — он несет с собой множество угроз.

Колючий боярышник тоже всегда вызывает жуткое чувство.

Наваждение «живого духа».

«Гадючья земляника».

Чертов папоротник и чертов ямс.

Терновник и колючий померанец.

Уголек для растопки.

Страж адских врат Уси́бни — демон с бычьей головой.

Якорь, имя его — ико́ри — созвучно «гневу», но на вид он еще страшнее своего имени.

**154. То, что на слух звучит обычно, но выглядит
внушительно, если написано китайскими зна-
ками**

Земляника. «Трава-роса». Чертов лотос. Паук.
Каштан.

Ученый старшего звания. Ученый младшего звания,
успешно сдавший экзамены. Почетный управитель собст-
венного двора императрицы.

Горный персик.

Гречишник, к примеру, пишется двумя иероглифа-
ми — «тигр» и «палка». А ведь у тигра такая морда, что
мог бы, кажется, обойтись и без палки...

155. То, что порождает чувство брезгливости

Изнанка вышивки.

Маленькие, еще совсем голые крысенята, когда они
шевелиющимся клубком вываливаются из гнезда.

Рубцы, заложенные на меховой одежде, когда она
еще не подбита подкладкой.

Внутренность кошачьего уха.

Темнота в доме, не блещущем чистотой.

Женщина, дурная собой, с целым выводком детей.

Жена, и притом не особенно любимая, занемогла и
долгое время хворает... Что должен испытывать ее муж?
Скорее всего, чувство брезгливости.

156. То, что приобретает цену лишь в особых случаях

Редька, когда она подается на стол в первый день года — «для укрепления зубов».

Химэмотигими — девушки из императорского эскорта, когда они верхом на конях сопровождают государя.

Стражи у дворцовых ворот в день восшествия императора на престол.

Дамы-куродо, когда они ломают палочки бамбука накануне Охарái — «Великого очищения» — в последние дни шестой и двенадцатой луны.

Блюститель благочиния во время чтения буддийских сутр во дворце весной или осенью. Он просто ослепителен, когда в своем красном оплечье — кэса — возглашает список священного клира.

Дворцовые служители, когда они украшают залы для церемоний «Восьми поучений сутр» или «Поминовения святых имен Будды».

Воины личной гвардии императора, когда они сопровождают высочайшего посла в храм Касуга.

Юные девы, которые в первый день Нового года пробуют вино, предназначенное для императора.

Монах-заклинатель, когда он в день Зайца подносит государю жезлы, приносящие счастье.

Служанки, причесывающие танцовщиц перед репетицией плясок Госэти.

Дворцовые девушки — унэмэ, что подают государю кушанья во время пяти сезонных празднеств.

157. Те, у кого удрученный вид

Кормилица ребенка, который плачет всю ночь.

Мужчина, страдаемый вечной тревогой. У него две любовницы, одна ревнивей другой.

Заклинатель, который должен усмирить сильного демона. Хорошо, если молитвы сразу возьмут силу, а если нет? Он тревожится, что люди будут над ним смеяться, и вид у него как нельзя более удрученный.

Женщина, которую страстно любит ревнивец, склонный к напрасным подозрениям. И даже та, что в фаворе у «Первого человека в стране» — самого канцлера, не знает душевного покоя. Но, правда, ей-то все равно хорошо!

Люди, которых раздражает любая безделица.

158. То, чему можно позавидовать

Стараясь выучить наизусть священные сутры, твердишь их с запинками, то и дело забываешь и сбиваешься. Приходится вновь и вновь перечитывать. А между тем не только монахи, но и многие миряне, как мужчины, так и женщины, бегло и без всякого труда читают по памяти святое писание. Невольно думаешь с завистью: когда же и я достигну подобного совершенства?

Тебе нездоровится, ты лежишь в постели... Как остро тогда завидуешь людям, которые смеются, разговаривают, прогуливаются, словно у них нет никаких забот на свете!

Я возгорелась желанием поклониться храмам бога Инáри. Изнемогая на каждом шагу, я с трудом поднималась в гору к срединному святилищу, а за мной, легко и как будто совсем не чувствуя усталости, шла группа паломников. Они быстро обогнали меня и первыми достигли храма. Я смотрела на них с восхищением и завистью.

Случилось это ранним утром в день Быка второй луны. Хотя я и поспешила отправиться на рассвете, но настал уже час Змеи, а я все еще была на полдороге... Становилось все жарче и жарче, я выбилась из сил и присела отдохнуть. Роняя слезы, я спрашивала себя: «Зачем было мне отправляться в паломничество именно сегодня? Выбрала бы другой, более подходящий день!»

Вдруг, смотря, спускается с горы женщина лет сорока с лишним. Она даже не надела на себя наряд паломницы, лишь чуть-чуть приподняла подол платья.

— Я хочу совершить восхождение к храму семь раз за один день,— сказала она встречным пилигримам.— Вот уже три раза побывала в святилище. Осталось еще четыре раза, а это уж дело нетрудное. Я должна спуститься вниз с горы не позже часа Овна.

Эта женщина не привлекла бы моего внимания, повстречайся я с нею в другое время, но если б я могла в ту минуту стать такой, как она!

Я завидую тем, у кого хорошие дети: сыновья или дочери, все равно! Пусть даже монахи, покинувшие родной кров...

Завидую счастливице, у которой длинные-длинные волосы и челка красиво спускается на лоб.

А еще я с завистью смотрю на высокогородных господ, вечно окруженных почтительной толпой.

Достойны зависти придворные дамы, которые пишут изящным почерком и умеют сочинять хорошие стихи: по любому поводу их выдвигают на первое место.

Возле знатной особы всегда множество фрейлин. Надо написать послание какому-нибудь значительному человеку. Да разве хоть одна из придворных дам выводит каракули, похожие на следы птичьих лапок? Но нет, госпожа призывает к себе фрейлину из самых дальних покоев, передает ей свою тушечницу и к общей зависти поручает ей написать послание.

Если эта женщина немолодая и умудренная опытом, она пишет по всем правилам, как того требует случай, хотя вообще-то талантами не отличается и не слишком преуспела дальше начальной прописи: «В Нанивадзу здесь...»

Если послание предназначено высокому сановнику или если это рекомендательное письмо с просьбой принять какую-нибудь молодую девушку на службу во дворец, тут уж она, не жалея усилий, позаботится обо всем, вплоть до выбора бумаги, а другие дамы, собравшись вместе, шутливо выражают свою зависть.

Ты лишь начала учиться играть на флейте или цитре... Невольно мечтаешь: ах, когда же я буду играть так чудесно, как тот, кого я сейчас слушаю?

Достойны зависти кормилицы императора и наследника престола. А также фрейлины из свиты императора: они свободно могут посещать любую из супруг государя.

159. То, что торопишься узнать поскорее

Не терпится посмотреть, как получились ткани неровной окраски — темное со светлым, — или ткани, окрашенные в туго перетянутых свертках, чтобы остался белый узор.

У женщины родился ребенок. Скорей бы узнать, мальчик или девочка! Если родильница — знатная особа, твой интерес понятен, но будь она хоть простолюдиной, хоть служанкой, все равно берет любопытство.

Во дворце состоялось назначение губернаторов провинций. Ты едва можешь дожидаться утра, так тебе хочется услышать новости. Что ж, это понятно, если один из твоих друзей надеялся получить пост. Но предположим, таких знакомых у тебя нет, а все же неймется узнать.

160. То, что вызывает тревожное нетерпение

Швее послан на дом кусок ткани для спешной работы. Сидишь, уставясь глазами в пустоту, и ждешь не дожدهшься, когда же принесут шитье!

Женщина должна разрешиться от бремени. Уже прошли все положенные сроки, а нет еще и признака приближения родов.

Из дальних мест пришло письмо от возлюбленного,

крепко запечатанное рисовым клеем. Торопись рас-
крыть его, а сердце так и замирает...

Хочешь посмотреть на праздничное шествие, но, на
беду, запаздываешь с выездом. Все уже кончилось. Но
 заметишь вдали белый жезл начальника стражи, и в тебе
оживет надежда. Скорей бы слуги подвезли твой экипаж
к галерее для зрителей! Сгорая от нетерпения, ты готова
выскочить из экипажа и идти пешком.

Пришел какой-то человек и ждет снаружи, позади
опущенной шторы. Но ты не хочешь с ним встретиться.
Пусть думает, что ты в отсутствии... Тогда он обращается
к другой даме, которая сидит как раз напротив тебя, и
просит ее передать, что он здесь.

Родители нетерпеливо ожидали ребенка. Ему испол-
нилось всего лишь пятьдесят или сто дней, а отца с ма-
терью уже волнуют думы о его будущем.

Торопись закончить к сроку спешное шитье, а
надо в потемках вдеть нитку в иголку. Как тут быть?
Нащупаешь ушко иглы и попросишь другую женщину
продеть нитку. Она заспешит, но дело не ладится, никак
не попадет ниткой в ушко.

Скажешь ей:

— Бросьте, и так сойдет. — Но она с обиженным ви-
дом ни за что не хочет оставить свои попытки.

Чувствуешь тогда не только нетерпение, но и злость.
Необходимо спешно куда-то поехать, но одна из дам
попросила ненадолго одолжить ей экипаж.

— Я только съезжу к себе домой и сейчас же вер-
нусь, — уверяла она.

Ждешь в нетерпении. Вдруг на дороге показывается
экипаж...

— Вот он наконец! — радуешься ты, но — увы! — он
сворачивает в сторону. Это невыносимо!

Но хуже, если ты спешила поглядеть на праздничное
шествие, и вдруг люди тебе говорят:

— Шествие уже, кажется, тронулось в путь.

Есть от чего прийти в отчаянье!

А как тревожно становится на душе, когда у жен-
щины кончились роды, но послед не отходит...

Отправишься в экипаже к своим приятельницам
с приглашением поглядеть вместе на какое-нибудь зрели-
ще или посетить храм. Но они не слишком торопятся
сесть в экипаж. Ждешь их долго-долго, пока не возьмет
досада! Так и подмывает оставить их и уехать одной.

Или вот еще.

Торопись поскорей развести огонь, а сухой уголек для растопки, как нарочно, никак не зажигается...

Кто-нибудь прислал стихи, надо поскорей сочинить «ответную песню», но ничего не приходит в голову, и тебя берет тревога. Если пишешь своему возлюбленному, можно не спешить. Но бывает и так, что приходится...

Вообще, опасно сочинять ответные стихи — хотя бы адресованные женщине — с одной-единственной мыслью: успеть побыстрее. Можно совершить непростительный промах!

Нездоровится, томят ночные страхи. С каким нетерпением тогда ждешь рассвета!

161. Когда мы еще носили траур

Когда мы еще носили траур по усопшему канцлеру, государыне пришлось покинуть императорский дворец во время Охараи — «Великого очищения» — в последний день шестой луны.

Путь в дворцовую канцелярию императрицы лежал в направлении, которое считалось тогда зловещим, и государыня была вынуждена поселиться в Пиршественном павильоне для членов Государственного совета.

Первая ночь на новом месте выпала жаркая и очень темная. Мы ничего не могли разглядеть и промучились до рассвета в темноте и неустройстве.

Наутро мы первым делом поспешили взглянуть на наше новое жилище.

Низенькое здание с плоской черепичной крышей имело странный китайский вид. Не было обычных решетчатых рам. Вместо них вокруг дома висели бамбуковые занавеси. Как непривычно и как хорошо!

Дамы спустились в сад для прогулки. Лилия-красноднеев гроздьями ярких цветов густо оплела простую бамбуковую ограду. Такой сад прекрасно подходил к строгому виду павильона для церемоний.

Башня ведомства времени находилась совсем рядом, и колокол, отмечавший ход часов, звучал как-то по-осо-

бенному... Охваченные любопытством, молоденькие фрейлины (было их примерно двадцать) пошли туда и взобрались на самый верх высокой башни.

Стоя у подножия башни, я глядела на них. Они были в придворном наряде: на каждой китайская накидка, несколько тонких платьев одного и того же цвета и пурпурные шаровары. Казалось, они спустились прямо с неба, хотя, пожалуй, нужен был слишком большой полет воображения, чтобы принять их за небесных фей.

Были там и другие придворные прислужницы в столь же юном возрасте, но они не посмели подняться на башню вслед за более сановными фрейлинами и лишь завистливо поглядывали вверх. Вид у них был очень забавный.

Когда наступили сумерки, пожилые дамы присоединились к молодым и все вместе отправились в управлениелевой гвардии. Некоторые из них стали так шумно веселиться, что бывшие там чиновники всерьез рассердились и стали им выговаривать:

— Так вести себя не подобает! Пристойно ли дамам взбираться на кресла, предназначенные для верховных сановников? А эти скамьи для высших должностных лиц, вы их опрокинули и попортили...

Но дамы не стали слушать.

Крыша павильона была по-старинному крыта черепицей, и от этого в нем стояла ужасная жара. Мы проводили все дни на вольном воздухе, не прячась за бамбуковыми шторами, и даже ночью покидали дом, чтобы поспать в саду.

С потолка то и дело падали сороконожки. Под застрехами прилепились осиные гнезда. Осы роями кружились вокруг нас, и мы себя не помнили от страха.

Придворные сановники навещали нас каждый день и нередко засиживались до поздней ночи.

Один из них продекламировал, к нашему общему смеху:

— «Кто б поверить мог? Перед храминой Великого совета ныне сад ночных увеселений...»

Настала осень, но даже с северной стороны, откуда она пришла, не повеяло на нас холодным ветром. Было все так же душно. Наверно, тесный дом был тому причиною. Лишь цикады стрекотали совсем по-осеннему.

На восьмой день седьмой луны государыня должна была вернуться в императорский дворец. Накануне, в ночь праздника Танабата, две звезды, Пастух и Ткачиха, казались ближе друг к другу, чем обычно, может быть, оттого, что здесь в саду и в доме было так тихо...

Однажды, в последний день третьей луны, к нам пришли государственный советник Таданобу, второй начальник гвардии Нобуката и младший секретарь Митиката. Я вышла к ним вместе с другими придворными дамами.

Посреди беседы я неожиданно спросила у Таданобу: — Какое стихотворение прочтете вы завтра?

Немного подумав, он ответил мне:

В четвертый месяц в нашем мире...

Замечательно! Вспомнить сразу о событии, уже ушедшем в прошлое, и к месту процитировать поэму — этим мог бы гордиться любой! А ведь мужчины не похожи на нас, женщин: нередко умудряются запомнить даже собственные стихи...

Я была восхищена. Но, кроме нас двоих, никто ничего не понял: ни дамы позади бамбуковой занавеси, ни придворные, сидевшие на открытой веранде.

* * *

В начале четвертой луны возле одной из дверей, ведущих в галерею, собралось множество придворных. Сумерки сгустились, и постепенно гости начали покидать нас. Остались только То-но тюдзё (Таданобу), Гэн-но тюдзё (Нобуката) и один куроодо шестого ранга. Они беседовали с нами обо всем на свете, читали сутры, декламировали японские стихи...

— Уже светает,— сказал кто-то из них.— Пойдем домой.

И тогда То-но тюдзё внезапно произнес:

Роса на рассвете — слезы разлуки...

А Гэн-но тюдзё присоединился к нему, и в два голоса они превосходно прочли поэму о встрече двух звезд в ночь седьмой луны.

— Что-то ваша Ткачиха очень спешит в этом году,— насмешливо заметила я.— Спутала осень с весной.

То-но тюдзё был заметно уязвлен.

— Просто мне вдруг пришел в голову один стих из

поэмы о разлуке на заре... Больше ничего. А вы уж сразу придрались! В вашем присутствии лучше не припоминать старые стихи. Как раз пожалеешь.— И невесело засмеявшись, он попросил: — Не говорите никому. Я стану мишенью для насмешек.

Тем временем совсем рассвело.

— Такой урод, как я, похожий на бога Кацураги, не может здесь долее оставаться,— с этими словами он ударился в бегство.

Когда наступил день седьмой луны, я очень хотела напомнить Таданобу об этом случае. Но он получил чин государственного советника. Как могла я с ним увидеться? Думала было передать ему письмо через дворцового служителя, но, к счастью, он сам посетил меня в день праздника Танабата.

Я очень обрадовалась. Только вот как мне быть? Прямо, без обиняков, завести речь о том вечере в саду? Тогда Таданобу сразу вспомнит наш разговор. Может быть, лучше вставить какой-нибудь беглый намек? Таданобу склонит голову набок с удивленным видом: что, мол, за странность такая? Вот тут-то я и напомню ему...

Но где там! Он помнил все так хорошо, как будто это случилось вчера, и, поймав мой намек на лету, сразу ответил мне без малейшей запинки. Право, он был достоин восхищения.

Я несколько месяцев ожидала, когда же наступит праздник Танабата... Должна сознаться, у меня причудливая натура. Но неужели Таданобу все это время держал ответ наготове?

Ведь вот Нобуката, бывший с ним тогда, и думать забыл о том разговоре.

— Разве вы не помните,— спросил его Таданобу,— как тогда на заре она упрекала меня в ошибке?

— Правда, правда! — поддакнул Нобуката, посмеиваясь.

Все же он большой проstack.

* * *

Разговаривая об отношениях между мужчинами и женщинами, мы с Таданобу нередко пользовались терминами игры в шашки «го», как, например:

«сделать рискованный ход»,
«перекрыть все подступы»,
«маневрировать осторожно»,

«сбросить все шашки с доски и окончить игру».

Никто не понимал нас.

Но когда мы вели с Таданобу такой секретный разговор, Нобуката всегда вмешивался.

— Что такое? Что такое? — приставал он к нам с расспросами.

Я отказалась объяснить. Тогда он пошел к Таданобу с упреками.

— Очень дурно с вашей стороны. Почему вы не хотите посвятить меня в вашу тайну? — обиженно говорил он.

Таданобу по дружбе уступил его настояниям, и Нобуката немедленно захотел показать мне, что ему все известно. Он пришел к нам и вызвал меня.

— Есть ли здесь шашечная доска? — спросил он.— Я, право, играю не хуже, чем господин То-но тюдзё. Не отвергайте мои таланты.

— Если я позволю шашкам любого игрока вторгаться на мое поле, — ответила я, — не скажут ли обо мне, что нет у меня в игре твердых правил?

Нобуката рассказал обо всем Таданобу, и тот остался очень доволен мной.

— Удачно нашлась, — заметил он.

Что ни говори, а я люблю людей, которые не забывают прошлого.

Однажды, после того как было решено возвести Таданобу в чин советника, я сказала в присутствии императора:

— Господин То-но тюдзё превосходно декламирует китайские стихи. Кто же теперь прочтет нам: «Сяо в стране Гуйцзи проезжал мимо древнего храма...» Ах, если бы помедлить еще немного с его назначением! Жаль с ним расставаться.

Государь засмеялся:

— Хорошо, я скажу ему, о чем ты просила, и отменю назначение.

Но все же Таданобу стал советником, и мне, по правде говоря, очень его не хватало.

Нобуката явился ко мне с видом победителя, он ведь был уверен, что ни в чем не уступает Таданобу. Но я стала говорить ему:

— Господин советник может неповторимо оригинальным образом продеklamировать стихотворение о ранней седине: «Он не достиг еще и тридцати...»

— Ну и что же? Я не уступаю Таданобу в искусстве декламации. Даже превосхожу его. Вот послушайте! И он начал распевно скандировать стихи.

— Нет уж, никакого сравнения,— заметила я.

— Жестокие слова! Почему же я не могу декламировать так же хорошо, как Таданобу?

— Когда он читает стихи о ранней седине в тридцать лет,— ответила я,— его голос полон особого очарования.

Услышав это, Нобуката покинул меня с досадливым смешком.

Некоторое время спустя Таданобу посетил караульную дворцовой гвардии.

Нобуката отозвал его в сторону.

— Вот как меня упрекнула Сёнагон.— И он передал ему мои слова.— Прошу вас, научите меня декламировать несколько строк из той китайской поэмы...— попросил он.

Таданобу улыбнулся и дал согласие.

Я ничего об этом не знала.

Вдруг слышу, какой-то человек подошел к моим pokojам и читает стихи, прекрасно имитируя манеру Таданобу.

— Кто это? — воскликнула я.

— Вы изумлены,— ответил мне смеющийся голос.— Вчера господин советник посетил караульную дворцовой гвардии и преподал мне урок декламации. Я в точности перенял его манеру. Вы спросили меня: «Кто это?» — голосом, полным восхищения... Согласитесь, хорошо? — поддразнивал меня Нобуката.

Мне понравилось, что он приложил столько труда. Он даже выучил ту самую поэму, которую я так любила. Я вышла к нему и вступила с ним в разговор.

— Я обязан моим искусством господину советнику,— сказал Нобуката.— Готов поклониться ему до земли!

Я частенько приказывала служанке говорить гостям, будто отбыла во дворец, хотя на самом деле находилась у себя в комнате. Но только услышу, что Нобуката скандирует стихи о ранней седине, как сейчас же велю объявить:

— Госпожа у себя дома.

Я доставила несколько веселых минут государыне, рассказав ей эту историю.

Однажды, когда император уединился по случаю Дня удаления от скверны, Нобуката приказал одному из младших начальников Правой гвардии по имени Мицу... (не знаю, как там дальше) принести мне записку. Она была набросана на сложенном вдвое листке бумаги Митиноку.

«Я думал навестить вас сегодня,— говорилось в ней,— но мне помешал День удаления. Хотите ли вновь послушать стихи: «Он не достиг еще и тридцати...?»»

Я ответила ему.

«Но вы давно оставили позади этот рубеж. Наверное, вам столько же лет, сколько было Чжу Май-чэню, когда он увещевал свою жену».

Нобуката снова обиделся и даже пожаловался государю, а государь, в свою очередь, рассказал об этом императрице.

— Откуда Сёнагон знает эту историю? — удивился государь.— Чжу Май-чэню было тогда под сорок, и Нобуката уязвлен. Говорит: «Она меня очень больно задела...»

«Нобуката совсем рассудка лишился»,— подумала я.

162. «Госпожа Кокидэн» — так стали именовать новую императорскую наложницу...

«Госпожа Кокидэн» — так стали именовать новую императорскую наложницу, дочь генерала Левой гвардии Канъина. В услужении у нее находилась некая Сакё, мать которой звалась Утифүси, что значит «Отдохновение».

Злые языки говорили:

— Нобуката захаживает к этой Сакё.

Однажды Нобуката пришел во дворец императрицы.

— Я с охотой нес бы здесь иногда ночную стражу,— сказал он,— но некоторые придворные дамы обращаются со мной не так, как подобало бы, и потому, государыня, я стал нерадив... Вот если бы мне отвели особые служебные покои, я бы усерднейшим образом исполнял свои обязанности.

— Правда, правда,— согласились с ним дамы.

— Разумеется, для любого приятно иметь такое место во дворце, где можно найти отдохновение и прилечь. Тогда уж от вас отбоя не будет, не то что теперь,— ввернула я.

— Никогда больше не буду ни о чем вам рассказывать. Я-то считал вас своим другом, а вы делаете скверные намеки, как завзятая сплетница,— воскликнул Нобуката всерьез обиженным тоном.

— Это, право, странно! Я ничего особенного не сказала. Что дурного могли вы найти в моих словах? — возразила я и подтолкнула даму, сидевшую возле меня.

— А почему вы так всплыли из-за безобидного замечания? Значит, за вами что-то водится,— весело засмеялась дама.

— Это Сёнагон подучила вас,— гневно бросил ей Нобуката.

— Я сплетнями не занимаюсь. И не люблю их слушать от других людей, вы это знаете,— сказала я и, оскорбленная, скрылась позади занавеса.

Через несколько дней Нобуката вновь напал на меня с упреками:

— Вы хотели публично осрамить меня! А ведь это пустая сплетня. Придворные пустили ее про меня, чтобы посмеяться.

— Ах так! Значит, незачем винить меня одну. Удивляюсь вам,— ответила я.

После нашего разговора Нобуката перестал посещать эту Сакё и порвал с ней.

163. То, что напоминает прошлое, но уже ни к чему не пригодно

Узорная циновка с потрепанными краями, из которых вылезают нитки.

Ширмы с картинами в китайском стиле, почерневшие и порванные.

Художник, потерявший зрение.

Накладные волосы длиной в семь-восемь сяку, когда они начали рыжеть.

Ткань цвета пурпурного винограда, когда она выцвела.

Любитель легких походов, когда он стар и немощен.

Сад ценителя утонченной красоты, где все деревья были уничтожены огнем. Еще остается пруд, но ряска и водяные травы уже начали глушить его...

164. То, что внушает опасения

Зять с изменчивым сердцем, который проводит все ночи вдали от своей жены.

Щедрый на посулы, но лживый человек, когда он, делая вид, что готов услужить вам, берется за какое-нибудь очень важное поручение.

Корабль с поднятыми парусами, когда бушует ветер.

Старик лет семидесяти — восьмидесяти, который занедужил и уже много дней не чувствует облегчения.

165. Сутры

Сутра лотоса во время «Непрерывных чтений».

166. То, что далеко, хотя и близко

Празднества в честь богов, совершаемые перед дворцом.

Отношения между братьями, сестрами и другими родственниками в недружной семье.

Извилистая дорога, ведущая к храму Курамá.

Последний день двенадцатой луны и первый день Нового года.

167. То, что близко, хотя и далеко

Обитель райского блаженства.

След от корабля.

Отношения между мужчиной и женщиной.

168. Колодцы

Колодец Хориканé — «Трудно копать».

Таманой — «Яшмовый колодец».

Хасирий — «Бегущая вода». Как замечательно, что колодец этот находится на «Заставе встреч».

Яманой — «Горный колодец». Хотела бы я знать, почему с давних пор его поминают в стихах. «Мелкий тот колодец», — говорят о мелком чувстве!

Про колодец Асука поют: «Вода свежа и холодна...»
Чудесная похвала!

Колодец Тинүки — «Тысячекратно пробитый».

Колодец Сёсё — «Младший военачальник», Сакурай — «Колодец вишневых цветов», Кисакимати — «Селенье императрицы».

169. Равнины

Прежде всего, разумеется, равнина Сага.

Равнины Инами, Ката, Комá.

Тобухи-но — «Поле летающих огней».

Равнины Симэдзи, Касуга.

Равнина Сакó... Красивое имя, но не пойму, отчего ее так назвали.

Равнины Мияги, Авáдзу, Оно, Мурасáки.

170. Куродо шестого ранга

Куродо шестого ранга не может рассчитывать на блестящую карьеру. Выйдя в отставку с повышением в ранге, он обычно получает ничего не значащее звание: почетный правитель такой-то провинции или еще что-нибудь в этом роде.

Живет он в маленьком тесном домишке с дощатой кровлей. Иногда он возводит вокруг него узорную ограду

из кипарисовых планок. Построит сарай для экипажа. Быки его привязаны к невысоким деревьям прямо перед домом, там их и кормят травой.

Двор у него чисто убран, а в доме тростниковые занавеси подхвачены шнурами из пурпурной кожи, скользкие двери обтянуты материей...

Вечером он отдает приказ:

— Заприте ворота покрепче!

Виды на будущее у него самые скромные, но сколько притязаний! Все напоказ, а это не вызывает сочувствия.

Зачем такому, как он, собственный дом? Жил бы у отца или тестя. Или поселился бы в доме дяди или старшего брата, пока владелец в отъезде. А если родных нет, то, может быть, кто-нибудь из близких друзей, отправляясь служить в провинцию, уступит за ненадобностью свое опустевшее жилище.

Предположим, и это не удалось. Но всегда можно устроиться на время в одной из многочисленных служебных построек, принадлежащих членам императорской семьи. А уж когда он дождет хорошего местечка, тогда можно не торопясь подыскать себе подходящий дом по своему вкусу.

171. Мне нравится, если дом, где женщина живет в одиночестве...

Мне нравится, если дом, где женщина живет в одиночестве, имеет ветхий, заброшенный вид. Пусть обвалится ограда. Пусть водяные травы заглушат пруд, сад зарастет полынью, а сквозь песок на дорожках пробьются зеленые стебли...

Сколько в этом печали и сколько красоты!

Мне претит дом, где одинокая женщина с видом опытной хозяйки хлопочет о том, чтобы все починить и подправить, где ограда крепка и ворота на запоре.

172. Вернувшись на время к себе домой, придворная дама...

Вернувшись на время к себе домой, придворная дама чувствует себя хорошо и свободно только тогда, когда живы ее родители — и отец и мать. Пускай к ней зачистят гости, пусть в доме слышится говор многих голосов, а на дворе громко ржут кони, пусть не смолкает шумная суматоха, все равно родители не скажут ей ни слова упрека.

Но если их уже нет на свете, картина другая.

Предположим, к ней является гость тайно или открыто.

— А я и не знал, что вы здесь, у себя дома, — говорит он.

Или спрашивает:

— Когда вы возвратитесь во дворец?

А отчего бы и возлюбленному, тому, по ком она тоскует, не навестить ее?

Ворота открываются со стуком, и хозяин дома приметно недоволен... Не слишком ли много шума?.. Почему гость задержался до поздней ночи?

— Заперты ли главные ворота? — спрашивает он.

— Нет, в доме еще чужой человек, — с досадой отвечает сторож.

— Так смотри же запри их покрепче сразу, как только гость отбудет. Теперь развелось много воров. Осторожней с огнем! — приказывает хозяин.

Дама чувствует себя очень неловко, ведь гость все слышал.

Домашние слуги то и дело заглядывают в покои: скоро ли отправится восвояси господин гость? Люди из свиты гостя прекрасно это видят и потешаются без всякого стеснения. Они даже начинают передразнивать хозяина... О, если бы хозяин услышал их, в какой гнев он пришел бы!

Может быть, гость и виду не подаст, но если он неглубоко любит, то закается приходить в такой дом.

Равнодушный человек скажет даме:

— Уже поздно. В самом деле, опасно оставлять ворота открытыми...— и уйдет с усмешкой.

Но тот, кто любит по-настоящему, медлит до первых проблесков утра, как дама ни торопит его: «Уже пора!»

Сторож поневоле бродит вокруг дозором. Начинает светать, и он громко негодует, как будто случилось нечто неслыханное.

— Страшное дело! Ворота с самого вечера стояли настежь!..

И бесцеремонно запирает их, когда ночь уже миновала.

Как это неприятно!

Да, в этом случае даме приходится нелегко даже в доме собственных родителей. И тем более в доме у свекра и свекрови или у своего старшего брата, который не слишком дружелюбно к ней расположен.

Как хорошо жить в таком доме, где никто не заботится о воротах ни в середине ночи, ни на заре, где можно принять любого гостя, будь он принц крови или придворный вельможа! Оставив открытыми решетки окон, проводишь с ним всю зимнюю ночь, а когда он уходит на заре, смотришь ему вслед долгим взглядом. Предраассветная луна сияет в небе, усиливая очарование этой минуты.

Но вот, играя на флейте, возлюбленный исчез вдаль, а дама не может сразу позабыться сном. Она беседует с другими женщинами, читает стихи сама и слушает их, пока неприметно ее не склонит в дремоту.

173. «В каком-то месте один человек не из числа молодых аристократов...»

«В каком-то месте один человек не из числа молодых аристократов, но прославленный светский любезник с утонченной душой, посетил в пору «долгого месяца» некую даму,— умолчу о ее имени...»

Предраассветная луна была подернута туманной дымкой. Настал миг разлуки.

В проникновенных словах он заверил даму, что эта ночь будет вечно жить в его воспоминаниях, и наконец неохотно покинул ее. А она не спускала с него глаз, пока он не скрылся вдаль. Это было волнующе прекрасно!

Но мужчина только сделал вид, что ушел, а сам спрятался в густой тени, позади решетчатой ограды.

Ему хотелось еще раз сказать даме, что он не в силах расстаться с ней.

А она, устремив свои взоры вдаль, тихим голосом повторяла старые стихи:

Луна предрассветная в небе.
О, если б всегда...

Накладные волосы съехали с макушки набок и повисли прядями длиной в пять вершков. И словно вдруг зажгли лампу, кое-где засветились отраженным светом луны красноватые пятна залысин...

Пораженный неожиданностью, мужчина потихоньку убежал».

Вот какую историю рассказали мне.

174. Как это прекрасно, когда снег не ляжет за ночь высокими буграми...

Как это прекрасно, когда снег не ляжет за ночь высокими буграми, но лишь припорошит землю тонким слоем!

А если повсюду вырастут горы снега, находишь особую приятность в задушевном разговоре с двумя-тремя придворными дамами, близкими тебе по духу.

В сгустившихся сумерках сидим вокруг жаровни возле самой веранды. Лампы зажигать не надо. Все освещено белым отблеском снегов. Разгребая угли щипцами, мы рассказываем друг другу всевозможные истории, потешные или трогательные...

Кажется, уже минули первые часы ночи, как вдруг слышим шаги.

«Странно! Кто бы это мог быть?» — вглядываемся мы в темноту.

Появляется человек, который иногда неожиданно посещает нас в подобных случаях.

— Я все думал о том, как вы, дамы, любуетесь снегом,— говорит он,— но дела весь день задерживали меня в присутственных местах.

И тогда одна из дам, возможно, произнесет слова из какого-нибудь старого стихотворения, к примеру:

Тот, кто пришел бы сегодня...

И пойдет легкий разговор о событиях нынешнего дня и о тысяче других вещей.

Гостю предложили круглую подушку, но он уселся на краю веранды, свесив ногу. И дамы позади бамбуковой шторы, и гость на открытой веранде не устают беседовать, пока на рассвете не зазвонит колокол.

Гость торопится уйти до того, как займется день.

Снег засыпал вершину горы...—

декламирует он на прощанье. Чудесная минута!

Если б не он, мы, женщины, вряд ли провели бы эту снежную ночь без сна до самого утра, и красота ее не показала бы нам столь необычной.

А после его ухода мы еще долго говорим о том, какой он изысканно утонченный кавалер.

175. В царствование императора Мураками...

В царствование императора Мураками однажды выпало много снега. По приказу государя насыпали снег горкой на поднос, а сверху воткнули ветку цветущей сливы. В небе ярко сияла луна.

— Прочти нам стихи, подходящие к этому случаю,— повелел император даме-куродо Хёэ.— Любопытно, что ты выберешь.

Снег, и луна, и цветы...—

продекламировала она, к большому удовольствию государя.

В другой раз, когда госпожа Хёэ сопровождала его, государь остановился на миг в зале для старших придворных, где в то время никого не случилось. Он заметил, что над большой четырехугольной жаровней вьется дымок.

— Посмотри, что там горит, — повелел он.

Дама Хёэ пошла взглянуть и, вернувшись, прочла стихотворение одного поэта:

Пенистый вьется след —
Это рыбачка плывет домой...
Смотришь — до боли в очах.
Нет, лягушка упала в очаг!
Это курится легкий дымок.

В самом деле, лягушка случайно прыгнула в жаровню и горела в ее огне.

176. Однажды госпожа Миарё-но сёдзи...

Однажды госпожа Миарё-но сёдзи изготовила в подарок императору несколько очень красивых кукол наподобие придворных пажей. Ростом в пять вершков, они были наряжены в парадные одежды, волосы расчесаны на прямой пробор и закручены локонами на висках.

Написав на каждой кукле ее имя, она преподнесла их императору.

Государю особенно понравилась та, что была названа «принц Томоакира».

177. Когда я впервые поступила на службу во дворец...

Когда я впервые поступила на службу во дворец, любая безделица смущала меня до того, что слезы подступали к глазам. Приходила я только на ночные дежурства

и даже в потемках поровила спрятаться позади церемониального занавеса высотой в три сажу.

Однажды государыня стала показывать мне картины, но я едва осмеливалась протягивать за ними руку, такая напала на меня робость.

— Здесь изображено то-то, а вот здесь то-то,— объясняла мне императрица.

Как нарочно, лампа, поставленная на высокое подножие, бросала вокруг яркий свет. Каждая прядь волос на голове была видна яснее, чем днем... С трудом борясь со смущением, я рассматривала картины.

Стояла холодная пора. Руки государыни только чуть-чуть выглядывали из рукавов, розовые, как лепестки сливы. Полная изумления и восторга, я глядела на императрицу. Для меня, непривычной к дворцу простушки, было непонятно, как могут такие небесные существа обитать на нашей земле!

На рассвете я хотела как можно скорее ускользнуть к себе в свою комнату, но государыня шутливо заметила:

— Даже бог Кацураги помедлил бы еще мгновение!

Что было делать! Я повиновалась, но так опустила голову, чтобы государыня не могла увидеть мое лицо. Мало того, я не подняла верхнюю створку ситыми.

Старшая фрейлина заметила это и велела:

— Поднимите створку!

Одна из придворных дам хотела было выполнить приказ, но государыня удержала ее:

— Не надо!

Дама с улыбкой вернулась на свое место.

Императрица начала задавать мне разные вопросы. Долго она беседовала со мной и наконец молвила:

— Наверно, тебе уже не терпится уйти к себе. Ну хорошо, ступай, но вечером приходи пораньше.

Я на коленях выползла из покоев императрицы, а вернувшись к себе, первым делом подняла створку ситыми.

Ночью выпало много снега. Ограда была поставлена слишком близко к дворцу Токадэн, не давая простора взгляду, и все же картина снежного утра была великолепна.

В течение дня мне несколько раз приносили записки от императрицы:

«Приходи, не дожидаясь вечера. Все небо затянуто снеговыми тучами, темно и сумрачно, никто не увидит твоего лица».

Фрейлина, в ведении которой находились наши покои, стала бранить меня:

— Что за нелепость! Почему ты весь день сидишь взаперти? Если тебя, новенькую, государыня сразу призывает перед свои очи, значит, такова ее высочайшая воля. Как можно противиться — это неслыханная дерзость!

Она всячески меня торопила. Я пошла к государыне почти в каком-то бесчувствии, до того мне было тяжело...

Но помню, кровли ночных сторожек были густо устланы снегом. Непривычная красота этого зрелища восхитила меня.

В покоях императрицы открытый очаг, как всегда, был доверху полон горячих углей, но никто за ним не присматривал.

Возле государыни находились лишь фрейлины высшего ранга, которым надлежит прислуживать ей за трапезой. Сама императрица сидела перед круглой жаровней из ароматного дерева чэнь, покрытой лаком в золотую крапинку с узором в виде пятнистой коры старого ствола груши.

В смежном покое перед длинной четырехугольной жаровней тесными рядами сидели придворные дамы, — китайские накидки спущены с плеч и волнами сбегают на пол. Я от души позавидовала им. Как свободно они держат себя во дворце, где все для них привычно! Без тени смущения встанут, чтобы принять письмо, присланное императрице, снова вернутся на свое место, разговаривают, смеются...

Да смогу ли я когда-нибудь войти в их общество и держаться столь же уверенно? Эта мысль смутила меня вконец.

А в самом дальнем углу три-четыре дамы разглядывали картины...

Вскоре послышались крики скороходов, сгонявших людей с дороги.

— Его светлость канцлер пожаловал, — воскликнула одна из дам, и они спешно стали прибирать разбросанные вещи.

«Как бы убежать отсюда?» — подумала я, но, словно окаменев, приросла к месту и лишь слегка отодвинулась назад. Все же мне нестерпимо хотелось взглянуть на канцлера, и я прильнула глазом к щели между полотни-

щами занавеса. Но оказалось, что это прибыл сын канцлера — дайнагон Корэтика. Пурпур его кафтана и шаровар чудесно выделялся на фоне белого снега.

Стоя возле одной из колонн, Корэтика сказал:

— И вчера и сегодня у меня Дни удаления от скверны, я не должен был бы покидать мой дом, но идет сильный снег, и я тревожился о вас...

— Ведь, кажется, все дороги замело... Как же ты добрался сюда? — спросила императрица.

— Я надеялся «тронуть сердце твое», — засмеялся Корэтика.

Кто бы мог сравниться красотой с императрицей и ее старшим братом? «Словно беседуют между собой герои романа», — думала я.

На государыне были белоснежные одежды, а поверх них еще одна — из алой китайской парчи. Длинные волосы рассыпаны по плечам... Казалось, она сошла с картины. Я в жизни не видела ничего похожего и не знала, наяву я или грежу.

Дайнагон Корэтика шутил с дамами. Они непринужденно отвечали ему, а если он нарочно придумывал какую-нибудь небылицу, смело вступали с ним в спор. У меня голова кругом пошла от изумления. То и дело мои щеки заливал румянец.

Между тем дайнагон отведал фруктов и сладостей и предложил их императрице.

Должно быть, он полюбопытствовал: «Кто там прячется позади занавеса?» — и, получив ответ, захотел побеседовать со мной.

Дайнагон встал с места, но не ушел, как я ожидала, а направился в глубь покоев, сел поблизости от меня и начал задавать мне вопросы о разных событиях моей прошлой жизни.

— Правдивы ли слухи? Так было на самом деле?

Я была в полном смятении даже тогда, когда он был вдали от меня и нас разделял занавес. Что же случилось со мной, когда я увидела дайнагона прямо перед собой, лицом к лицу? Чувства меня почти оставили, я была как во сне.

Прежде я ездила иногда смотреть на императорский кортеж. Случалось, что дайнагон Корэтика бросит беглый взгляд на мой экипаж, но я торопилась опустить внутренние занавески и прикрывалась веером из страха,

что сквозь плетеные шторы все же будет заметен мой силуэт.

Как плохо я знала самое себя! Ведь я совсем не гожусь для придворной жизни.

«И зачем только я пришла служить сюда?» — с отчаянием думала я, обливаясь холодным потом, и не могла вымолвить ни слова в ответ.

Дайнагон взял у меня из рук веер — мое последнее средство спасения.

Волосы мои упали на лоб спутанными прядями. В моей растерянности я, наверно, выглядела настоящим пугалом.

Как я надеялась, что Корэтика быстро уйдет! А он вертел в руках мой веер, любопытствуя, кто нарисовал на нем картинки, и не торопился вернуть его. Поневоле я сидела, низко опустив голову, и прижимала рукав к лицу так крепко, что белила сыпались кусками, испещрив и мой шлейф, и китайскую накидку, а мое лицо стало пятнистым.

Императрица, должно быть, поняла, как мучительно я хотела, чтобы Корэтика поскорей ушел от меня. Она позвала его:

— Взгляни-ка, чьей рукой это писано, по-твоему?

— Велите передать мне книгу, я посмотрю.

— О нет, иди сюда!

— Не могу, Сёнагон поймала меня и не отпускает, — отозвался дайнагон.

Эта шутка в новомодном духе светской молодежи не подходила ни к моему возрасту, ни к положению в обществе, и мне стало не по себе.

Государыня держала в руках книгу, где что-то было написано скорописной вязью.

— В самом деле, чья же это кисть? — спросил Корэтика. — Покажите Сёнагон. Она, я уверен, может узнать любой почерк.

Он придумывал одну нелепицу за другой, лишь бы принудить меня к ответу.

Уж, казалось бы, одного дайнагона было достаточно, чтобы вогнать меня в смятение! Вдруг опять послышались крики скороходов. Прибыл новый важный гость, тоже в придворном кафтане. Он затмил дайнагона роскошью своего наряда. Гость этот так и сыпал забавными шутками и заставил придворных дам смеяться до слез.

Дамы со своей стороны рассказывали ему разные истории о придворных сановниках. А мне казалось тогда, что я слышу о деяниях богов в человеческом образе, о небожителях, спустившихся на землю. Но прошло время, я привыкла к службе при дворе и поняла, что речь шла о самых обычных вещах. Без сомнения, эти дамы, столь непринужденно беседовавшие с самим канцлером, смутились не меньше моего, когда впервые покинули свой родной дом, но постепенно привыкли к дворцовому этикету и приобрели светские манеры.

Государыня стала вновь беседовать со мной и, между прочим, спросила:

— Любишь ли ты меня?

— Разве можно не любить вас...— начала было я, но в эту самую минуту кто-то громко чихнул в Столовом зале.

— Ах, как грустно! — воскликнула государыня.— Значит, ты мне сказала неправду. Ну хорошо, пусть будет так.— И она удалилась в самую глубину покоя.

Но как я могла солгать? Разве любовь к ней, которая жила в моей душе, можно было назвать, не погрешив против правды, обычным неглубоким чувством?

«Какой ужас! Чей-то нос — вот кто солгал!» — подумала я. Но кто же, кто позволил себе такой скверный поступок? Обычно, когда меня разбирает желание чихнуть, я удерживаюсь, как могу, из страха, что кому-нибудь покажется, будто я уличила его во лжи, и тем самым я причиню ему огорчение.

А уж чихнуть в такую минуту — это непростительная гадость! Я впервые была при дворе и не умела удачным ответом загладить неловкость.

Между тем уже начало светать, и я пошла к себе, но не успела прийти в свою комнату, как служанка принесла мне письмо, написанное изящным почерком на тонком листке бумаги светло-зеленого цвета.

Я открыла его и прочла:

Скажи, каким путем,
Как я могла бы догадаться,
Где истина, где ложь,
Когда б не обличил обмана
С высот небесных бог Тадасу?

На меня нахлынуло смешанное чувство восторга и отчаяния. «Ах, если бы узнать, которая из женщин так унизила меня прошлой ночью?» — вновь вознегодовала я.

— Передай государыне вот что, слово в слово, ничего не изменяя,— сказала я служанке:

Пусть мелкую любовь,
Пожалуй, назовут обманом,
Но обвинил меня
Не светлый бог — носитель правды,
А только чей-то лживый нос!

Какую страшную беду может наслать демон Сики! Долго еще я не могла успокоиться и мучительно ломала голову, кто же, в самом деле, сыграл со мной эту скверную шутку!

178. Кто выглядит самодовольным

Тот, кто первым чихнет в новогодний день. Человек из хорошего общества особенно не возликует... Но уж всякая мелкота!

Тот, кому удалось, победив многих соперников, добиться, чтобы сын его получил звание курода.

А также тот, кто в дни раздачи официальных постов назначен губернатором самой лучшей провинции. Все поздравляют его с большой удачей, а он отвечает:

— Да что вы! Это полное крушение моей карьеры.

Вид у него, между прочим, как нельзя более самодовольный!

Молодого человека избрали из множества женихов, он принят зятем в знатную семью и, как видно, упоен счастьем: «Вот я какой!»

Провинциальный губернатор, назначенный членом Государственного совета, ликует куда больше, чем обрадовался бы любой придворный на его месте. Видно, что он считает себя важной персоной, такое самодовольство написано на его лице!

179. Высокий сан, что ни говори, превосходная вещь!

Высокий сан, что ни говори, превосходная вещь!

Человек не изменился, он все тот же, но его презирали как ничтожество, пока он числился чинушей пятого ранга или придворным служителем низшего разбора. Но вот он получил звание тюнагона, дайнагона или министра, и люди преклоняются и заискивают перед ним так, что дальше некуда!

Даже и провинциальные губернаторы, соответственно своему положению в обществе, внушают почтение! Послужит такой в нескольких провинциях — и, смотришь, его назначат помощником правителя Дадзайфу, возведут в четвертый или третий ранг, а уж тогда придворная знать будет относиться к нему с заметным уважением.

Женщинам приходится хуже.

Бывает, правда, что кормилице императора пожалуют звание старшей фрейлины и она станет важной особой третьего ранга, но ее цветущие годы позади, и в будущем жизнь уже ничего не сулит ей.

Да и к тому же много ли женщин удостоились этой чести?

Девушки из более или менее родовитых семей считают, что достигли вершины счастья, если выйдут замуж за какого-нибудь губернатора и похоронят себя в глуши.

Случается, конечно, что дочь простолюдина станет супругой придворного сановника или дочь придворного сановника — императрицей. Завидная судьба! Но если мужчина еще в юных летах сам своими силами сумеет возвыситься, насколько же более завиден его жребий!

Когда придворный священник (или как он там именуется) проходит мимо, разве он привлекает чьи-либо взоры? Пусть он замечательно читает сутры, пусть он даже хорош собой, но все равно женщины презирают его, простого монаха, ставят ни во что.

Но если он будет возведен в высокий сан епископа или старшего епископа, перед ним трепетно благоговеют, словно новый Будда явлен во плоти. Кто может тогда сравниться с ним?

180. Внушительная особа — муж кормилицы

Внушительная особа — муж кормилицы. С этим спорить не приходится, особенно если молочный сын кормилицы — микадо или принц крови.

Но не будем залетать так высоко.

В домах провинциальных губернаторов (скажем, к примеру) мужа кормилицы терпят как неизбежную напасть и всячески убажают. А он с самоуверенным видом творит все, что ему заблагорассудится, словно ребенок — его собственный.

Девочку он еще оставит в покое, но если это мальчик... Тут уж он не отходит от ребенка, и горе тому, кто хоть малость поперечит молодому господину! Муж кормилицы сразу же начнет отчитывать и бранить дерзкого.

И так как не находится человека, чтобы напрямик высказать этому непрошеному пестуну все, что на сердце накипело, он напускает на себя важный вид, словно никто ему не указ.

И понятно, при таком воспитании ребенок уже в младенческих летах несколько испорчен и избалован.

Если кормилица с ребенком спит в покоях своей госпожи, то муж кормилицы принужден проводить ночи один. Конечно, он может пойти куда-нибудь в другое место, и тогда жена устроит ему сцену ревности, как неверному изменнику.

Но предположим, он силком заставит свою жену лечь с ним. Госпожа начнет звать ее к ребенку: «Подика сюда, поди на минутку!» Кормилице придется темной зимней ночью ощупью пробираться в спальню своей госпожи, — невеселое дело!

В самых знатных домах та же картина, только, пожалуй, неприятностей там побольше.

181. Болезни

Грудная болезнь. Недуги, насланные злыми духами. Берибери.

Болезни, причину которых трудно разгадать, но они отнимают охоту к еде.

182. У девушки лет восемнадцати — девятнадцати прекрасные волосы...

У девушки лет восемнадцати — девятнадцати прекрасные волосы падают до земли ровной, густой волной...

Девушка пухленькая, миловидная, необычайно белое личико радуется взгляду.

Но у нее отчаянно болят зубы! Пряди волос, в беспорядке сбегаящие со лба, спутались и намокли от слез. А девушка, не замечая этого, прижимает руку к своей покрасневшей щеке. До чего же она хороша!

183. Во время восьмой луны я видела молодую женщину...

Во время восьмой луны я видела молодую женщину, страдавшую от жестокой боли в груди. Белое платье мягко струилось на ней, складчатые штаны — хакама — были

надеты с умелым изяществом, верхняя одежда цвета астры-сион пленяла красотой.

Придворные дамы — подружки больной — приходили к ней целыми группами, а у входа в ее покои собралось множество знатных юношей.

— Какая жалость! Часто ли она от этого страдает? — спрашивали они с довольно равнодушным видом.

А тот, кто любил ее, искренне тревожился о ней, но любовь их была тайной, вот почему, боясь чужих глаз, он лишь стоял поодаль и не смел к ней приблизиться.

Больная дама связала сзади в пучок свои прекрасные длинные волосы и села на постели, жалуясь, что ее мутит. Но все равно она была так прелестна!

Императрица, узнав о том, как она страдает, прислала придворного священника с очень красивым голосом, чтобы читать сутры. Позади церемониального занавеса устроили для него сиденье.

В тесную комнату, где и пошевелиться-то негде, пришли толпой придворные дамы, желавшие послушать чтение. Не отгороженные ничем, они были открыты для постороннего взгляда, и священник, возглашая молитвы, не раз украдкой на них посматривал, что, боюсь я, могло навлечь на него небесную кару.

184. Одинок живущий искатель любовных приключений...

Одинок живущий искатель любовных приключений провел где-то ночь и вернулся домой на рассвете. Он не ложится отдохнуть, хотя его клонит в сон, но вынимает тушечницу, заботливо растирает тушь и, не позволяя своей кисти небрежно бежать по бумаге, вкладывает душу и сердце в послание любви для той, которую только что покинул.

Как он хорош в своей свободной позе!

На нем легкая белая одежда, а поверх нее другая — цвета желтой керрии или пурпурно-алая. Рукава

белой одежды увлажнены росой, и он, кончая писать, невольно бросает на них долгий взгляд... Наконец письмо готово, но он не отдает его первому попавшемуся слуге, а выбирает достойного посланца — какого-нибудь юного пажа — и шепчет ему на ухо свой наказ. Паж уходит, господин задумчиво смотрит ему вслед и тихонько повторяет про себя подходящие к его настроению стихи из разных сутр.

Тут служанка говорит ему, что в глубине покоев готовы для него завтрак и умывание. Он входит в дом, но, опершись на столик для письма, пробегает глазами книги китайской поэзии и громко скандирует захватившие его стихи.

Но вот он омыл руки, надел на себя лишь один кафтан без других одежд и начинает читать на память шестой свиток Сутры лотоса, — похвальное благочестие.

В это время возвращается посланный (как видно, дама жила неподалеку) и подает тайный знак господину. Тот сразу прерывает молитвы и всей душой предается чтению ответного письма, а это, думается мне, греховный поступок.

185. В знойный летний полдень...

В знойный летний полдень не знаешь, что делать с собой. Даже веер обдаёт тебя неприятно теплым ветерком... Сколько ни обмахивайся, нет облегчения. Торопишься, задыхаясь от жары, смочить руки ледяной водой, как вдруг приносят послание, написанное на ослепительно-алом листке бумаги, оно привязано к стеблю гвоздики в полном цвету.

Возьмешь послание — и на тебя нахлынут мысли: «Да, неподдельна любовь того, кто в такую удушливую жару взял на себя труд написать эти строки!»

В порыве радости отброшен и позабыт веер, почти бессильный навеять прохладу...

186. В южных или, может быть, восточных покоях...

В южных или, может быть, восточных покоях, выходящих на открытую веранду, доски пола так блестят, что в них все отражается, как в зеркале. Возле веранды постелены свежие нарядные циновки и установлен церемониальный занавес высотой в три сяку. В эту летнюю ночь его легкий шелк словно навевает прохладу... Стоит чуть-чуть дернуть занавес, как он скользит в сторону и открывает глазам даже больше, чем ожидалось.

Молодая госпожа спит на своем ложе в тонком платье из шелка-сырца и алых шароварах. Она набросила себе на ноги ночную одежду темно-лилового цвета, еще тугую от крахмала.

При свете подвешенной к карнизу лампы видно, что на расстоянии примерно двух колонн от ложа госпожи высоко подняты бамбуковые шторы. Две придворных дамы несут там ночную службу. Несколько служанок дремлют, прислонившись спиной к низкой загородке — нагэси, отделяющей покои от веранды, а подальше, позади опущенных штор, спят, сбившись вместе, другие служанки.

На дне курильницы еще тлеет огонек. Тихая и грустная струйка аромата родит в сердце щемящее чувство одиночества.

Уж далеко за полночь раздается негромкий стук в ворота. И, как всегда, наперсница госпожи, посвященная в тайны ее сердца, выходит на стук и, загораживая собою гостя от любопытных глаз, с настороженным видом ведет его в покои к госпоже.

Странная сцена для такого дома!

Кто-то возле влюбленной пары прекрасно играет на цитре, но так тихо трогает струны легким прикосновением пальцев, что еле-еле слышишь музыку даже в те минуты, когда замирает звук речей... Как хорошо!

187. В доме поблизости от большой улицы...

В доме поблизости от большой улицы слышно, как некий господин, проезжающий мимо в экипаже, поднимает занавески, чтобы полюбоваться предрассветной луной, и мелодичным голосом напевает китайские стихи:

Путник идет вдаль при свете ущербной луны...

Чудесно также, когда такой утонченный любитель поэзии скандирует стихи, сидя верхом на коне.

Однажды я услышала, что к звукам прекрасных стихов примешивается хлопанье щитков от дорожной грязи, висящих на боках у коня.

«Кто ж это следует мимо?» — подумала я и, отложив в сторону работу, выглянула наружу...

Но кого я увидела! Это был простой мужлан. Какое досадное разочарование!

188. То, что может сразу уронить в общем мнении

Когда кто-нибудь (хоть мужчина, хоть женщина) невзначай употребит низкое слово, это всегда плохо. Удивительное дело, но иногда одно лишь слово может выдать человека с головой. Станет ясно, какого он воспитания и круга.

Поверьте, я не считаю мою речь особенно изысканной. Разве я всегда могу решить, что хорошо, что худо? Оставлю это на суд других, а сама доверюсь только моему внутреннему чувству.

Если человек хорошо знает, что данное словечко ошибочно или вульгарно, и все же сознательно вставит его в разговор, то в этом нет еще ничего страшного. А вот когда он сам на свой лад, без всякого зазрения совести, коверкает слова и искажает их смысл — это отвратительно!

Неприятно также, когда почтенный старец или сановный господин (от кого, казалось бы, никак нельзя этого ожидать) вдруг по какой-то прихоти начинает отпускать слова самого дурного деревенского пошиба.

Когда придворные дамы зрелых лет употребляют неверные или пошлые слова, то молодые дамы, вполне естественно, слушают их с чувством неловкости.

Дурная привычка — произвольно выбрасывать слова, нужные для связи. Например: «запаздывая приездом, изгестите меня»... Это плохо в разговоре и еще хуже в письмах.

Нечего и говорить о том, как оскорбляет глаза роман, переписанный небрежно, с ошибками... Становится жаль его автора.

Иные люди произносят «экипаж» как «екипаж». И, пожалуй, все теперь говорят «будующий» вместо «будущий».

189. Очень дурно, если мужчины, навещая придворных дам...

Очень дурно, если мужчины, навещая придворных дам, принимаются за еду в женских покоях. Достойны осуждения и те, кто их угощает.

Нередко дама старается принудить своего возлюбленного к еде: «Ну еще чуточку!»

Понятно, мужчина не может загородить рукой рот и отвернуться в сторону, словно его берет отвлечение. Хочешь не хочешь, а приходится отведать.

По-моему, не следует предлагать гостю даже чашки риса с горячей водой, хотя бы он явился вконец пьяным поздней ночью. Возможно, он сочтет даму бессердечной — и больше не придет... Что ж, пусть будет так!

Но если придворная дама находится не во дворце, а у себя дома и слуги вынесут для гостя угощение из кухонной службы, это еще куда ни шло... И все же не совсем хорошо!

190. Ветер

Внезапный вихрь.

Мягкий, дышащий влагой ветер, что во время третьей луны тихо веет в вечерних сумерках.

191. Ветер восьмой и девятой луны...

Ветер восьмой и девятой луны, налетающий вместе с дождем, тревожит печалью сердце. Струи дождя хлещут вкось. Я люблю смотреть, как люди накидывают поверх тонких одежд из шелка-сырца подбитые ватой ночные одежды, еще хранящие с самого лета слабый запах пота.

В эту пору года даже легкий шелк кажется жарким и душным, хочется сбросить его. Невольно удивляешься, когда же это набежала такая прохлада?

На рассвете поднимешь створку ситомы и откроешь боковую дверь, порывистый ветер обдает колючим холодком, чудесное ощущение!

192. В конце девятой луны и в начале десятой...

В конце девятой луны и в начале десятой небо затянуто тучами, желтые листья с шуршаньем и порохом сыплются на землю, душа стеснена печалью.

Быстрее всех облетают листья вяза и вишни — сакуры.

Как хорош во время десятой луны сад, где растут густые кучи деревьев!

193. На другой день после того, как бушевал осенний вихрь...

На другой день после того, как бушевал осенний вихрь, «прочесывающий травы на полях», повсюду видишь грустные картины. В саду повалены в беспорядке решетчатые и плетеные ограды. А что сделалось с посаженной там рощицей! Сердцу больно.

Упали большие деревья, поломаны и разбросаны ветки, но самая горестная неожиданность: они примяли под собой цветы хаги и оминаэси.

Когда под тихим дуновением ветра один листок за другим влетает в отверстия оконной решетки, трудно поверить, что этот самый ветер так яростно бушевал вчера.

Помню, наутро после бури я видела одну даму... Должно быть, ей всю ночь не давал покоя шум вихря, она долго томилась без сна на своем ложе и наконец, покинув спальные покои, появилась у самого выхода на веранду.

Дама казалась настоящей красавицей... На ней была нижняя одежда из густо-лилового шелка, матового, словно подернутого дымкой, а сверху другая — из парчи желто-

багрового цвета осенних листьев, и еще одна из тончайшей прозрачной ткани.

Пряди ее длинных волос, волнуемые ветром, слегка подымались и вновь падали на плечи. Это было очаровательно!

С глубокой грустью глядя на картину опустошения, она произнесла один стих из старой песни: «О, этот горный ветер!»

Да, она умела глубоко чувствовать!

Тем временем на веранду к ней вышла девушка лет семнадцати — восемнадцати, по виду еще не вполне взрослая, но уже не ребенок. Ее выцветшее синее платье из тонкого шелка во многих местах распустилось по швам и было влажно от дождя. Поверх него она накинула ночную одежду бледно-лилового цвета...

Блестящие, заботливо причесанные волосы девушки были подрезаны на концах, словно ровные метелки полевого мисканта, и падали до самых пят, закрывая подол... Лишь кое-где алыми пятнами сквозили шаровары.

Служанки, юные прислужницы собирали в саду растения, вырванные с корнем, и старались выпрямить и подвязать цветы, прибитые к земле.

Было забавно смотреть из глубины покоев, как несколько придворных дам, млея от зависти, прильнуло к бамбуковым шторам. Как видно, им не терпелось присоединиться к женщинам, хлопотавшим в саду.

194. То, что полно очарования

Сквозь перегородку можно услышать, как в соседнем покое знатная дама (вряд ли это одна из фрейлин) несколько раз тихо хлопает в ладоши. Молодой голос откликается: прислужница, шурша одеждой, спешит на зов госпожи. Как видно, настало время подать поднос с кушаньем. Доносится стук палочек и ложки. Слышно даже, как брякнула ручка металлического горшочка для риса...

Густые пряди волос льются с плеч на одежду из блестящего шелка и рассыпаются свободными волнами, не оскорбляя глаз своим беспорядком... Легко представить себе их длину!

В великолепно убранные покои еще не внесен масляный светильник, но огонь ярко горит в длинной жаровне, бросая вокруг блики света... Поблескивают кисти церемониального занавеса, пестреет узорная кайма бамбуковой шторы, и в ночной темноте заметно блестят крюки, на которых подвешивается бамбуковая штора. Это праздник для глаз!

И очень красиво также, когда начинают ярко сверкать металлические палочки для помешивания углей, положенные крест-накрест на жаровню.

До чего же хорошо, когда разгребешь пепел в богато украшенной жаровне и огонь, разгораясь, вдруг осветит узорную кайму в ее глубине!

Поздней ночью, когда императрица уже изволила опочить и дамы ее свиты тоже уснули, слышно, как снаружи толкуют о чем-то старшие придворные, а в отдаленных покоях дворца то и дело стучат, падая в ящик, фишки игры «го».

В этом есть свое очарование.

Вдруг послышится, как тихонько, стараясь не нарушать тишины, помешивают щипцами огонь в жаровне. Кто-то, значит, еще не ложился, а, что ни говори, тот, кому не спится, всегда вызывает сочувственный интерес.

Посреди ночи вдруг очнешься... Что же тебя разбудило? А, проснулась дама за соседней перегородкой! Слышатся приглушенные голоса, но слов не разберешь. Вот тихо-тихо засмеялся мужчина... Хотелось бы мне узнать, о чем они беседуют между собой?

Вечером в покоях, где присутствует императрица, окруженная своей свитой, собрались с видом почтительного смущения придворные сановники и старшие дамы двора.

Государыню развлекают рассказами, а тем временем гаснет лампа, но угли, пылающие в длинной жаровне, бросают вокруг яркие пятна света...

Любопытство придворных возбуждено вновь поступившей на службу дамой. Она еще не смеет предстать перед очами госпожи при ярком свете дня и приходит, только когда начинает смеркаться. Шорох ее одежд чарует слух...

Дама на коленях вползает в покои госпожи. Императрица скажет ей два-три слова, но она, как смущенный ребенок, лепечет что-то в ответ так тихо — и не услышишь...

Во дворце все успокоилось.

Там и сям фрейлины, собравшись в небольшой кружок, болтают между собой...

Слышится шелест шелков. Какая-то дама приблизилась к императрице или удаляется от нее.

Угадаешь: «А, вот это кто!» — и дама покажется тебе удивительно милой.

Когда в покои для фрейлин приходит тайный посетитель, дама гасит огонь, но свет все равно пробивается из соседней комнаты в щель между потолком и ширмами. В сумраке все видно.

Дама придвигает к себе невысокий церемониальный занавес. Днем ей не часто приходилось встречаться с этим мужчиной, и она поневоле смущается... Теперь, когда она лежит в тени занавеса рядом со своим возлюбленным, волосы ее рассыпались в беспорядке, и от него уже не угадаться, хороши они или плохи...

Кафтан и шаровары гостя висят на церемониальном занавесе. Пусть одежда его светло-зеленого цвета, какую носят куродо шестого ранга, это-то как раз и хорошо! Любый другой придворный, кроме куродо, бросит, пожалуй, свою одежду куда попало, а на рассвете подымет целую суматоху, потому что никак ее не найдет.

Нередко выглянешь из глубины дома — и вдруг увидишь, что возле дамы спит мужчина, повесив свою одежду на церемониальный занавес.

Зимой или летом, это всегда любопытное зрелище!

Аромат курений поистине пленяет чувства.

195. Во время долгих дождей пятой луны...

Во время долгих дождей пятой луны господин тюдзё Таданобу сидел, прислонясь к бамбуковой шторе, что висит перед малой дверью в покоях императрицы. Одежды его источали чудесный аромат, не знаю, как он зовется...

Но как умолчу я об этом? Кругом все намокло от дождя. Так редко радовало нас что-нибудь утонченно-прекрасное...

Даже на другой день занавеска все еще благоухала. Не мудрено, что молодые дамы изумлялись этому, как чуду.

196. Человек даже не особенно блестящего положения...

Человек даже не особенно блестящего положения и не самого высокого рода все равно не пойдет пешком в сопровождении многих слуг, а поедет в нарядном экипаже, правда, уже немного потрепанном в дороге.

Погонщик быка делает честь своему званию. Бык бежит так быстро, что погонщик, боясь отстать, натягивает повод.

Он — мужчина стройный. Шаровары его внизу более густо окрашены, а может быть, двух цветов: индиго и пурпура. Прическа... впрочем, это неважно. Одежды глянцево-алые или ярко-желтого цвета керрии, башмаки так и блестят.

До чего же он хорош, когда быстро-быстро пробегает перед храмом!

197. Острова

Ясосима — «Восемь на десять островов», Укисима — «Плавучий остров», Таварасима — «Остров забав», Эси́ма — «Остров-картина», Мацусима — «Сосновый остров», Тоёраносима — «Берег изобилия», Магакиносима — «Плетеная изгородь».

198. Побережья

Побережье Удб. Нагахáма — «Длинное побережье». Берег «Налетающего ветра» — Фукиагэ. Побережье Утиидэ — «Откуда отчаливают»... «Берег встреч после разлуки» — Мороёсэ.

Побережье Тисáто — «Тысячи селений»... Подумать только, каким оно должно быть широким!

199. Заливы

Залив Оу. Залив Сиога́ма — «Гради́рня». Залив Ко́ридзума́. Надака́ — «Прославленный залив».

200. Леса

Леса Уэки́, Ива́та, Когара́си — «Вихрь, обнажающий деревья», Утата́нэ — «Дремота», Ивасэ́, Оаракí...
Леса Тара́сэ — «Кто он?», Курубу́эки — «Мотовило».

Роща Ёкотатэ́ — «Вдоль и поперек». Это странное имя невольно останавливает внимание. Но ведь то, что растет там, и рощей, кажется, не назовешь. Зачем так прозвали одинокое дерево?

201. Буддийские храмы

Храмы Цубосакá — «Гора плащ паломницы», Касагí — «Там, где снимают шляпу», Хóрин — «Колесо закона»...

Гора Рёдзэн. Душу наполняет благоговение, ведь так в индийской земле называлась гора, на которой пребывал сам Шакья-муни.

Храмы Исия́ма, Кокáва, Сíга...

202. Священные книги

«Лотос благого закона» — тут не надо лишних слов. Затем «Десять обетов Фугэна», «Сутра тысячерукой Кáннон», «Сутра мольбы», «Сутра алмазной твердости и мудрости», «Сутра Будды-Целителя», последний свиток книги о «Благодетельных царях — Ниб».

203. Будды и бодхисаттвы

Нэйрйн — богиня Каннон с колесом, исполняющим желания. Сэндзю — тысячерукая Каннон. Все шесть образов богини Каннон.

Якусй — Будда-Целитель. Шакья-муни.

Бодхисаттвы Мирёку, Дзидзё, Мандзю.

«Неколебимый владыка» — Фудёсон.

Бодхисаттва Фугэн.

204. Китайские книги и сочинения

Сборник сочинений Бо Цзюй-и.

Изборник Вэньсюань.

Синьфу.

Шицзи — «Исторические записки» Сыма Цяня.

«Записки о пяти императорах».

Моления богам и буддам.

Прошения императору.

Сочинения на соискание ученой степени.

205. Романы

«Сумиёси», «Дуплистое дерево», «Смена дворца».

«Уступка земли» — плохой роман.

«Похороненное дерево», «Женщина, ожидавшая луну», «Полководец Умэцубо», «Идущие путем Будды», «Ветка сосны»...

В повести «Команó» мне нравится место, где герой, отыскав веер «Летучая мышь», уходит с ним.

Герой романа «Завистливый тюдзё» прижил сына от придворной дамы сайсё и получает от нее на память одежду... Все это наводит скуку.

А вот «Младший военачальник Катанó» — увлекательный роман.

206. Дхарани — магические заклинания...

Дхарани — магические заклинания лучше слушать на рассвете, а сутры — в вечерних сумерках.

207. Музыку хорошо слушать...

Музыку хорошо слушать ночью. Когда не видны лица людей.

208. Игры

Стрельба из малого лука. Шашки «го».

Игра в ножной мяч с виду не очень красива, но увлекательна.

209. Пляски

Пляска страны Суруга.

Пляска «Мотомэгб» — «Бродящий в поисках ребенка» — прекрасное зрелище..

В «Пляске мира» танцоры машут длинными мечами, глядеть неприятно, но все же этот танец не лишен интереса. Я слышала, что некогда в Китае его исполнили, фехтуя друг с другом, заклятые враги.

Танец птиц.

В пляске «Голова коня» волосы у танцора спутаны и вздыблены, взгляд устрашающе-грозный, но музыка прекрасна.

В «Пляске на согнутых ногах» двое танцоров ударяют коленями о пол.

Танец «Корейское копьё».

210. Музыка на струнных инструментах

Лютня-бива.

Разные лады: «Аромат ветерка», «Желтый колокол»...

Заключительная часть мелодии «Оживленные ароматы».

Лад «Трель соловья».

Великолепно звучит тринадцатиструнная цитра — со-но кото.

Мелодия «Лотос первого министра».

211. Флейты

Как прекрасны звуки поперечной флейты, когда они тихо-тихо послышатся где-то в отдаленье и начинают понемногу приближаться! Или когда уходят вдаль и медленно замирают...

Флейта удобна в пути. Едет ли ее владелец в экипаже или на коне, идет ли пешком, она всюду с ним за пазухой, невидимо для чужих глаз.

А как радостно на рассвете заметить у своего изголовья великолепную флейту, пусть даже в этот миг она беззвучна! Возлюбленный, уходя, забыл ее. Вскоре он присылает за ней слугу. Отдаешь флейту, обернув ее бумагой, с таким чувством, будто посылаешь любовное письмо, изящно скатанное в трубку.

Чудесно слушать, сидя в экипаже светлой, лунной ночью, звуки многоствольной флейты-сё!

Правда, она громоздкая и на ней трудно играть. А какое лицо строит флейтист! Впрочем, он забавно надувает щеки, даже играя на обычной флейте.

Бамбуковая флейта-хитирики утомляет слух. Она пронзительно верещит, словно кузнечик осенью.

Не слишком приятно, когда на ней играют вблизи от тебя, а уж если плохо играют, это невыносимо.

Помню, в день празднества Камо, еще до того, как танцоры появились пред лицом императора, флейты начали играть где-то позади помоста для танцоров... Ах, с каким восторгом я слушала!

Вдруг в самой середине напева вступили бамбуковые свирели и стали играть все громче и громче.

Тут уж даже дамы, у которых были самые красивые прически, почувствовали, что волосы у них встают дыбом!

Но наконец постепенно все струнные и духовые инструменты соединились вместе в полном согласии — и музыканты вышли на помост. До чего же это было хорошо!

212. Зрелища, достойные внимания

Празднество в храме Камо. Императорский кортеж. Торжественное возвращение на другой день после праздника Камо Верховной жрицы — йцуки-но микó.

Паломничество канцлера в святилище Камо накануне праздника.

213. Помню, однажды во время празднества Камо...

Помню, однажды во время празднества Камо день выдался пасмурный и холодный. Снег редкими хлопьями падал на шапки танцоров, увенчанные цветами, на их одежды, белые с темно-синим узором.

Слова бессильны выразить, как это было прекрасно! Черные, испещренные белыми пятнами ножны мечей выделялись с особенной яркостью... Шнуры безрукавок-хампи сверкали так, словно их только что отполировали. Поверх белых шаровар, украшенных синим рисунком, выбивались лощеные шелка нижних одежд. Казалось, они блистают, как лед...

Хоть бы еще немного поглядеть на это великолепное шествие танцоров! Но нет, появились императорские послы. Видно, они были набраны из провинциальных губернаторов. Какие-то мелкие сошки, не более того. Впрочем, и они выглядели сносно, если гроздь цветущих глициний, прицепленные к шапкам, закрывали их лица.

Мы долго провожали взглядом танцоров, а меж тем появились певцы и музыканты в одеждах цвета зеленой ивы, на шапках красуются горные розы — керрии.

Люди низкого звания, ничем не примечательные, они все же восхитили меня, когда, отбивая такт веерами, зацели:

В священном храме Камо,
Там, где носят на рукавах
Завязки из белого хлопка...

214. *Что может сравниться с императорским кортежем?*

Что может сравниться с императорским кортежем?

Когда я вижу, как государь следует мимо в своем драгоценном паланкине, я забываю, что, служа во дворе, постоянно появляюсь пред его очами. Меня пронизывает священный, небывалый, неизъяснимый трепет...

Самые ничтожные чинуши, даже девушки-прислужницы, на которых в другое время я не брошу взгляда, необычайно преображаются и кажутся высшими существами, если они сопровождают государя в торжественном шествии.

А как хороши гвардейские начальники среднего и высшего звания в роли «держателей священных шнуров» императорского паланкина! Еще более великолепны тайсё — командующие гвардией. Но всех затмевают сановники военного ведомства, несущие на своих плечах паланкин императора.

Торжества в пятый день пятой луны были, я думаю, самыми прекрасными из всех. Но как жаль, что в наш век многие обычаи исчезли...

Кое-что можно вообразить себе, слушая рассказы стариков о прошлом, но как все было на самом деле?

В этот день украшали аиром застрехи домов. Прекрасный обычай, он и теперь сохранился. А как выглядел дворец в старину? Галереи для зрителей повсюду устланы аиром, у всех людей на шапках стебли аира...

Красивейшие девушки раздавали придворным аир и целебные шары — кусудамы, а придворные, отдав благодарственный поклон, привешивали кусудамы к своим поясам.

Наверно, это было замечательно!

. мне это кажется одновременно и смешным и прекрасным!

На возвратном пути во дворец перед паланкином императора передовые скороходы исполняли танец Льва и танец Корейского пса.

О, сколько в этом было утонченной красоты!

Что в целом мире обладает такой силой очарования, как праздник пятого дня пятой луны? Ничто, даже крик пролетной кукушки!

Торжественное шествие — великолепное зрелище, но все же мне чего-то не хватает, если я не увижу переполненный до отказа экипаж с молодыми аристократами — ревнителями моды.

Когда погонщики гонят мимо такой экипаж и он мчится, словно расталкивая другие повозки, сердце так и бьется в груди от волнения.

215. Прекрасно торжественное шествие...

Прекрасно торжественное шествие, когда после праздника Камо Верховная жрица возвращается в свою обитель.

Накануне, в день праздника, все прошло превосходно, в самом строгом порядке.

На просторном и чисто убранном Первом проспекте жарко сияло солнце, лучи его пробивались сквозь плетеные шторы экипажа и слепили глаза.

Мы прикрывались веером, пересаживались с места на место. Как мучительно долго тянулось ожидание, пот так и лил ручьями...

Но нынче утром мы поторопились и выехали как можно раньше.

Возле храмов Уринъин и Тисокуин стояли экипажи. Ветки мальвы, которыми они были вчера украшены, заметно увяли.

Солнце уже взошло, но небо все еще было подернуто туманом... Всю ночь я не могла сомкнуть глаз, ожидая, когда же вдали послышится голос кукушки. А здесь всюду вокруг пело великое множество кукушек. Я слушала с упоением, как вдруг к их хору примешался старчески-хрипый голос летнего соловья, словно он хотел подражать кукушке... Это было и неприятно и прекрасно.

Мы с нетерпением ожидали начала шествия. Но вот на дороге, ведущей от главного святилища, показалась толпа носильщиков паланкина в одеждах тускло-красного цвета.

— Ну что там? Скоро ли начнется шествие? — спросили мы.

— Обождите! Сами не знаем, — ответили они и понесли дальше пустые паланкины. В одном из них только что изволила воссесть сама Верховная жрица Камо. При этой мысли я исполнилась благоговением.

«Но как мужланы-носильщики смеют к ней приближаться?» — ужаснулась я.

Нас пугали, что придется еще долго ждать, но шествие началось очень скоро. Сначала вдали показались раскрытые веера, потом стали видны желто-зеленые одежды служителей императорского двора... До чего же прекрасная картина!

Поверх своих цветных одежд люди эти небрежно, только для вида, набросили белые. Словно перед нами появилась живая изгородь, усыпанная белыми цветами унохана. Казалось, в ее сени должна притаиться кукушка.

Накануне я заметила экипаж. Он был битком набит знатными молодыми людьми в кафтанах и шароварах одного и того же лилового цвета или в «охотничьих одеждах»... Одеты небрежно, занавески в экипаже откинуты, право, у них был сумасбродный вид!

Но сегодня Верховная жрица пригласила этих молодых людей к себе на пир — и все переменялось! Каждый из них в полном церемониальном костюме ехал один в экипаже, а позади сидел прелестный маленький паж.

Не успело шествие пройти мимо, как среди зрителей поднялось волнение. Все они стремились уехать поскорее, экипажи теснили друг друга. Это становилось опасным. Я подала знак веером из окна экипажа и крикнула своим слугам:

— Потише, не так быстро!

Но они и слушать не стали. Что поделаешь, я приказала им остановить экипаж в том месте, где дорога пошире. Слуги были сильно раздосадованы, им не терпелось вернуться домой.

Любопытно было глядеть, как мимо спешили экипажи. Каждый погонщик старался обогнать другого.

Наконец мы тронулись в путь.

Позади меня ехал в экипаже какой-то мужчина, — не знаю, кто он был. Невольно я обратила на него больше внимания, чем это случилось бы в обычное время.

Когда мы достигли развилины дороги, он выглянул из экипажа и сказал мне один стих из старой песни:

Расстанутся на вершине...

Еще я не устала от пестрой смены дорожных впечатлений, как мы достигли священных ворот-тории перед обителью Верховной жрицы Камо.

Экипаж старшей фрейлины был для нас большой помехой, и мы свернули на боковую дорогу. Она была полна очарования, словно уводила нас в горы, к дальнему селенью. По обе ее стороны оцетинились живые изгороди. Длинные ветки выбегали нам навстречу, но белые цветы на них еще только начали распускаться.

Я велела слугам наломать веток и украсить ими экипаж вместо увядших листьев мальвы.

Впереди тропа казалась такой узкой, что думалось, экипаж никак не пройдет сквозь гущину ветвей, но вот что любопытно, едешь дальше — и дорога словно раздвигается перед тобой.

216. Хорошо поехать в горное селенье...

Хорошо поехать в горное селенье в пору пятой луны! Вокруг, куда ни кинешь взор, все зелено: и луговые травы, и вода на рисовых полях.

Густая трава на вид так безмятежна, словно ничего не таит в себе, но поезжай все прямо-прямо — и из самых ее глубин брызнет вода невыразимой чистоты. Она неглубока, но погонщик, бегущий впереди, поднимает тучи брызг...

Справа и слева тянутся живые изгороди. Вдруг ветка дерева вбежит в окно экипажа, хочешь сорвать ее, поспешно схватишь, но увы! Она уже вырвалась из рук и осталась позади.

Иногда колесо экипажа подомнет, захватит и унесет с собой стебли чернобыльника. С каждым поворотом колеса чернобыльник взлетает вверх, и ты вдыхаешь его чудесный запах.

217. В знойную пору так приятно дышать вечерней прохладой...

В знойную пору так приятно дышать вечерней прохладой, глядя, как очертания холмов и деревьев становятся все более неясными.

Когда перед экипажем важного сановника бегут, расчищая дорогу, передовые скороходы, это рождает особое ощущение прохлады. Но даже если мимо едут простолюдины, по одному, по два в повозке, — тростниковая занавеска позади отдернута, — все равно от этой картины веет прохладой.

Но чудесней всего, когда в экипаже зазвонят струны лютни-бива или запоет флейта. И так становится грустно, что звуки пролетели мимо и затихли вдали!

Иногда донесется странный, непривычный запах кожаного подхвостника на быке. Пусть я говорю сумасшедшую нелепицу, но, право, есть в этом запахе особая прелесть.

А как хорошо, когда во мраке безлунной ночи соновые факелы, горящие впереди экипажа, наполняют его своим крепким ароматом.

218. Вечером накануне пятого дня пятой луны...

Вечером накануне пятого дня пятой луны идет слуга в красном платье, неся на каждом плече по большой охапке ровно срезанного свежего чернобыльника... Радостно чувствуешь приближение праздника.

219. Когда однажды я ехала к святилищу Камо...

Когда однажды я ехала к святилищу Камо, на полях шла посадка риса. Множество женщин, надев себе на голову вместо шляп что-то вроде широких подносов, не смолкая распевали песни. Они зачем-то пригибались к земле, вновь распрямлялись, медленно пятились назад. Что они делали? Мне было непонятно.

Я с любопытством глядела на них, как вдруг к своему огорчению поняла, что они в песне бранят кукушку:

О кукушка, постыдись,
Ты — негодница!
Знай поешь себе в кустах,
А я на поле тружусь.

Какой-то поэт в старину, помнитесь, заботливо сказал кукушке: «Ты не плачь с такой тоской!»

О, мне равно ненавистны и презренны люди, которые умаляют достоинства Накатады из-за его трудного детства или ставят кукушку ниже соловья!

220. В конце восьмой луны...

В конце восьмой луны я отправилась на поклонение в Удзумаса. На полях, покрытых спелыми колосьями, с шумом и говором двигалось множество людей. Они жали рис.

Да, верно сказал поэт:

Кажется, только вчера
Сажали ростки молодые...

Я видела посадку риса, когда ехала в святилище Камо, а теперь уже настала пора убирать колосья.

Эту работу выполняли мужчины. Одной рукой они хватали стебли там, где они еще были зелены, у самых корней, а другой срезали покрасневшие верхушки каким-то неизвестным мне орудием, да так ловко, с такой видимой легкостью, что мне самой захотелось попробовать!

Но зачем они это делают — расстилают срезанные колосья ровными рядами?.. Непривычно-странное зрелище!

Шалаша полевых сторожей тоже чудно выглядят.

221. В начале двадцатых чисел девятой луны...

В начале двадцатых чисел девятой луны я отправилась в храмы Хасэ, и мне случилось заночевать в каком-то убогом домике. Разбитая усталостью, я мгновенно уснула.

Очнулась я в середине ночи. Лунный свет лился сквозь окошко и бросал белые блики на ночные одежды спящих людей... Я была глубоко взволнована!

В такие минуты поэты сочиняют стихи.

222. Однажды по дороге в храм Киёмидзу...

Однажды по дороге в храм Киёмидзу я находилась у самого подножия горы, на которую должна была подняться.

Вдруг потянуло запахом хвороста, горящего в очаге... И душа моя наполнилась особой грустью поздней осени.

223. Стебли айра остались от праздника пятой луны

Стебли айра остались от праздника пятой луны. Прошла осень, наступила зима. Айр побелел, увял, стал уродлив, но отломив лист, поднесешь к лицу, и — о радость! — он хранит еще былой аромат.

224. Воскурив ароматы, старательно надушишь одежду

Воскурив ароматы, старательно надушишь одежду. Но ты не вспоминаешь о ней день, другой, третий... Наконец, вынешь ее из плетеной укладки, и вдруг повеет легким дымком благовоний. Насколько же он приятнее свежего густого аромата!

225. Когда в ясную ночь...

Когда в ясную ночь, при ярком лунном свете, переправляешься в экипаже через реку, бык на каждом шагу рассыпает брызги, словно разбивает в осколки кристалл.

226. То, что должно быть большим

Дом. Мешок для съестных припасов. Бонза. Фрукты.
Бык. Сосна. Палочка туши.

Глаза мужчины: узкие глаза придают ему женственный вид. Правда, если они величиной с чашку, это выглядит очень страшно.

Круглая жаровня. Полевые вишни. Горные розы — керрии. Лепестки сакуры.

227. То, что должно быть коротким

Нитка для спешного шитья.
Волосы простой служанки.
Речь молодой девушки.
Подставка для светильника.

228. То, что приличествует дому

Галерея с крутыми поворотами.
Круглая соломенная подушка для сидения.
Передвижной церемониальный занавес на невысокой подставке.

Рослые девочки-служанки. Слуги с приглядной внешностью.

Помещение для телохранителей.

Небольшие подносы. Столики. Подносы средней величины.

Метлы.

Раздвижные перегородки на подставках.

Доска для кройки.

Красиво украшенный мешок для съестных припасов.

Зонтик.

Шкафчик с полками.

Подвесной металлический кувшинчик для нагревания вина. Сосуд, чтобы наливать вино в чарки.

229. Однажды по дороге я увидела...

Однажды по дороге я увидела, как слуга, приятный собой и стройный, торопливо шел с письмом, скатанным в трубку. Куда, хотелось бы мне узнать?

Другой раз я заметила, как мимо самых моих ворот спешат хорошенькие девочки-служанки. На них были старые платья, выцветшие и помятые, блестящие лакированные сандалии на высоких подставках, залепленных грязью.

Они несли какие-то вещи, завернутые в белую бумагу, и стопки тетрадей на подносах.

Что б это могло быть? Мне очень захотелось поглядеть. Но когда я окликнула девочек, они самым невежливым образом прошли мимо, не отвечая. Можно было легко вообразить себе, у какого хозяина они служили.

230. Самое возмутительное в моих глазах...

Самое возмутительное в моих глазах — явиться на праздник в обшарпанном, плохо убранном экипаже. Другое дело, если человек едет послушать святую проповедь с целью очиститься от грехов, — это похвальная скромность. Но даже и тогда слишком безобразный на вид экипаж производит дурное впечатление. А на празднике Камо это совсем непростительно. Невольно думается, нечего было и ездить, сидели бы дома.

И все же находятся люди, которые приезжают в экипаже без занавесок. Вместо них повешены рукава белых исподних одежд...

Бывало, согласишься к празднику занавески на новые, чтобы быть не хуже других. И вдруг видишь рядом великоколенный экипаж! Становится так досадно!.. В самом деле, стоило ли приезжать?

Но гораздо более скверно на душе у того, кто явился в жалкой повозке.

Помню, однажды я выехала рано. Слуги мои очень торопились, чтобы захватить лучшее место. Пришлось долго ожидать в палящую жару. Я то садилась, то вставала, так мне было тяжело.

Вдруг вижу — по дороге от дворца Верховной жрицы скачут семь-восемь всадников: высшие придворные, чиновники службы двора, секретари разных ведомств... Значит, пир закончился, сейчас начнется шествие. Я взволновалась и обрадовалась.

Лучше всего поставить свой экипаж перед галереей знатных зрителей. Какой-нибудь сановник передаст приветствие через слугу. Зрители пошлют всадникам, едущим во главе шествия, рис, смоченный водой, а всадники остановят своих коней возле лестницы, ведущей на галерею. К сынкам влиятельных отцов поспешно сбегут вниз служители и возьмут коней под уздцы. И мне очень жаль других, менее знатных всадников, на кого никто не обращает внимания.

Когда мимо понесли священный паланкин с Верховной жрицей, слуги опустили на землю оглобли повозок, установленные на подставки, а когда паланкин проследовал дальше, оглобли снова подняли вверх.

Вдруг вижу, чьи-то слуги собираются поставить экипаж своего хозяина впереди моего. Весь вид был бы загроможден. Я строго запретила им делать это, но они только ответили:

— Почему это нельзя? — и наперекор мне продвинули экипаж вперед. Я устала спорить с ними и обратилась с жалобой прямо к их хозяину.

Тем временем экипажи сгрудились так, что свободного места не оставалось, но все время прибывали новые. Позади знатных господ ехали вереницей повозки с их свитой. Я недоумевала, куда же станут все эти экипажи, как вдруг скакавшие впереди верховые быстро спешили и начали отодвигать назад чужие повозки, расчищая место для своих господ и даже для их свиты. Это было внушительное зрелище, но я от души пожалела тех людей, которых так бесцеремонно прогнали! Они принуждены были впрячь быков в свои убогие повозки и с грохотом трогаться дальше в поисках пристанища. Разумеется, с хозяевами блистающих роскошью экипажей не посмели бы поступать так жестоко.

Заметила я и повозки грубого деревенского пошиба. Люди, сидевшие в них, непрерывно подзывали к себе слуг самого простецкого вида и сыпали приказаниями.

231. «В женских покоях нынче ночью...»

«В женских покоях нынче ночью побывал кто-то чужой. Он ушел на рассвете под большим зонтом», — прошел слух во дворце.

Прислушавшись, я поняла, что говорят о моем госте.

Он, правда, был человек низкого ранга, но

вполне благопристойный, не из тех, кто вызывает лишние толки.

«Что за сплетня?» — удивилась я.

Вдруг мне принесли письмо от государыни.

«Отвечай незамедлительно», — передали мне ее приказ. Я развернула письмо. На листке бумаги был нарисован большой зонтик, человека под ним не видно, только изображена рука, придерживающая зонт.

А внизу приписано:

С той ранней зари,
Когда осветилась вершина
На Горе...

Императрица неизменно проявляла большое внимание ко всему, что до нас касалось. Вот почему мне не хотелось, чтобы некрасивая сплетня дошла до ее слуха. Все это и позабавило меня и огорчило.

Я нарисовала на другом листке бумаги струи сильного дождя, а внизу добавила заключительную строфу к стихотворению, начатому императрицей:

«Забрызгано имя мое,
Хоть ни капли дождя не упало...

А вся причина в том, что сплетня сильно подмочена».

Государыня с веселым смехом рассказала всю эту историю старшей фрейлине Укон.

232. Однажды, когда императрица временно поселилась во дворце на Третьем проспекте...

Однажды, когда императрица временно поселилась во дворец на Третьем проспекте, служба двора прислала паланкин с охашками аира для праздника пятой луны и целебными шарами — кусудамы.

Молодые фрейлины и госпожа Микусигэдоно тоже приготовили целебные шары и прикрепили их к одеждам императорских детей — принцессы и принца.

Очень нарядные кусудамы были присланы из других дворцов.

Кто-то принес аодзаси — лепешку, приготовленную из зеленой пшеницы. Я расстелила листок зеленой бумаги на красивой крышке от тушечницы и, положив лепешку на этот поднос, поднесла ее императрице со словами:

— Вот, подаю «через плетень».

Императрица оторвала уголок листка и написала на нем прекрасное стихотворение:

Видю, люди кругом
Ловят бабочек, собирают цветы
В этот праздничный день.
Лишь тебе одной дано угадать,
Что таится глубоко в сердце моем.

233. *Кормилица императрицы, госпожа Таю-но мёбу...*

Кормилица императрицы, госпожа Таю-но мёбу, собиралась уехать в страну Хюга, что значит «Обращенная к солнцу». Государыня подарила ей веер. На одной стороне веера было нарисовано много домов сельской знати, озаренных ярким сиянием солнца. На другой — столичные дворцы в дождливый день.

Императрица собственной рукой начертала на всере:

В той далекой стране,
Где багрянцем пылает солнце,
Обо мне не забудь.
Здесь в столице, где нет тебя,
Льетесь долгий дождь, не стихая...

Стихотворение полно глубокого чувства.
Не понимаю, как можно покинуть такую добрую гос-
пожу! Уехать от нее так далеко!

234. Когда я затворилась для поста и молитвы в храме Киёмидзу...

Когда я затворилась для поста и молитвы в храме Киёмидзу, государыня послала ко мне особого гонца с письмом.

На китайской бумаге китайскими знаками была написана японская песня:

Возле дальних гор
Колокол вечерний звонит.
Слушай каждый удар.
Ты поймешь, как сильна любовь:
Это сердце бьется мое.

Внизу было написано: «Какое долгое отсутствие!»

Я забыла взять с собой в дорогу подходящую к случаю бумагу и написала ответ на пурпурном лепестке са-
модельного лотоса.

235. Почтовые станции

Почтовые станции: Насивара — «Роща диких груш»,
Мотидзукі — «Полная луна».

Я слышала, что в стародавние времена на «Гор-
ной станции» Яма-но мумай — происходило много не-
обычайных событий. Необычайное случалось и после.
И если собрать все воедино, получится совсем необы-
чайно!

236. Святилища богов

Святилища Фúру, Икутá, «Храм на пути странствия». Святилище Ханáфути — «Цветочная заводь». В Храме криптомерии древо это служит знамением того, что молитвы там возымеют силу.

Бог Котó-но мамá («Сбудется по твоему слову») исполняет в точности все, о чем его просят.

Но ведь говорит старая песня:

О, этот храм святой,
Где я молился так неосторожно,
На пагубу себе...

Грустно, как подумаешь.

237. Светлый бог Аридоси

Светлый бог Аридоси. Это мимо храма бога Аридоси ехал верхом поэт Цураюки, когда его конь вдруг заболел. Люди сказали, что разгневанный бог поразил коня недугом. Тогда Цураюки посвятил богу стихотворение, и он, умилостивленный, даровал коню исцеление. Замечательное событие!

Существует рассказ о том, как возникло имя Аридоси — «Муравьиный ход». Хотела бы я знать, все ли вправду так случилось?

Говорят, в старину жил один микадо, который любил лишь молодых людей и приказал предавать смерти всех, кому исполнится сорок лет. А потому престарелые люди бежали и скрылись в глубине страны. В столице нельзя было увидеть ни одного старого лица. Но жил там

один военачальник в чине тюдзё, человек умный и в большой милости у государя. Оба его родителя уже почти достигли семидесятилетия. Ведь даже сорокалетние подверглись преследованию, что же грозит таким старцам, как они? Они были в тревоге и страхе. Но велика была сыновняя любовь в сердце тюдзё! Он не решился отправить родителей в такую даль, где не смог бы видеться с ними каждый день, но втайне вырыл большой погреб под домом, устроил в нем удобные покои и спрятал там стариков. Теперь тюдзё мог навещать их как угодно часто. Властям же и всем прочим он сообщил, что родители его куда-то бесследно скрылись.

Но зачем, спрашивается, микадо был так суров? Он ведь мог оставить в покое людей, которые сидели дома и не показывались ему на глаза. То был жестокий век!

Надо полагать, отец юноши был очень знатной персоной, раз сын его носил звание тюдзё. Старик этот был человеком мудрым и сведущим во всех делах. Он дал сыну прекрасное воспитание. Несмотря на свои молодые годы, тюдзё высоко стоял в общем мнении, и государь любил его.

В то время китайский император собирался захватить нашу страну, победив микадо хитрым обманом, а для этого он строил всяческие уловки. К примеру, задавал трудные задачи, испытывая мудрость японского государя.

Однажды он прислал блестящий, прекрасно отполированный брусок дерева в два сяку длиной и задал вопрос: «Где у него верхушка, а где основание?» Казалось бы, невозможно ответить на это.

Микадо был в таком горе и смятении, что тюдзё пожалел его и пошел к отцу рассказать о случившейся беде.

— О, это дело немудренное! — сказал старик. — Ступайте к быстрому потоку и, держа брусок отвесно, бросьте его поперек течения. Он повернется сам собой. Тогда выньте его и на переднем его конце напишите: «Вершина».

Тюдзё пошел во дворец и сказал: «Попробуем то-то и то-то», — с таким видом, будто сам все придумал.

Потом он отправился с толпой людей к реке, кинул брусок в воду и, вытащив его, сделал пометку. В самом деле, оказалось, что помета сделана верно.

Много времени не прошло, китайский император прислал двух змей одной и той же длины и во всем похожих друг на друга.

«У кого из них мужское естество, а у кого женское?» — повелел он спросить у японского государя. И опять никто не мог догадаться. Тюдзё вновь пошел за советом к своему отцу.

— Положите обе змеи рядом, — сказал отец, — и поднесите к их хвостам тонкий прямой прутик. И вы тогда сможете отличить женскую особь, она не шевельнет хвостом.

Так и поступили. В самом деле, одна змея шевельнула хвостом, а другая осталась неподвижной.

Тюдзё пометил змей и отослал их китайскому императору.

Спустя некоторое время китайский император прислал драгоценный камень с семью витками, сквозь которые спиралью кружил узкий ход. И вели в него два крохотных отверстия, просверленные на разных сторонах камня.

«Проденьте нить сквозь камень, — написал китайский император. — В моей стране это умеет сделать любой».

Многие люди, во главе с самыми знатными, пытались решить задачу и так и этак, но напрасно! «Нет, тут бессилён самый искусный мастер!» — решили они.

Тюдзё снова поспешил к своему отцу и попросил у него совета.

— Поймайте двух крупных муравьев, — сказал старик. — Обвяжите каждого муравья тонкой нитью там, где у него перехват, а к этой нитке прикрепите другую, чуть потолще. Смажьте камень медом вокруг одного отверстия и дайте муравьям вползти в другое.

Тюдзё сообщил государю, что надлежит делать.

Как только муравьи почуяли запах меда, они устремились в глубину камня и быстро вышли с другой стороны.

Нанизанный на нити камень был отослан обратно.

— Японцы опять показали, что они умный народ! — воскликнул китайский император и больше не беспокоил микадо трудными задачами.

Микадо изумился мудрости молодого тюдзё и сказал ему:

— Проси у меня любой награды. В какой сан тебя возвести, какую должность дать тебе?

— Не нужно мне почетной должности, не надо высокого сана,— ответил тюдзё.— Но взамен дозвошь отыскать моих старых родителей, скрывшихся неизвестно где, и разреши им отныне проживать в столице.

— Дело нетрудное! — ответил микадо и отменил свой указ.

Все старики возрадовались при этой желанной вести. Тюдзё получил высокий придворный сан и должность министра. И даже, слышала я, впоследствии стал божеством.

Говорят, бог этот появился однажды у изголовья одного паломника, посетившего его храм, и прочел следующее стихотворение:

Камень в семь витков
Муравьи нанизали на пить...
Кто не слышал о том?
«Муравьиный ход» — Аридоси —
С той поры именуют меня.

Так мне люди рассказывали.

238. Малый дворец на Первом проспекте...

Малый дворец на Первом проспекте ныне стал императорской резиденцией. Государь изволит пребывать в главном здании, а государыня в Северном павильоне.

С запада и востока к Северному павильону ведут галереи. По ним государь изволит проходить в покои супруги, а государыня навещает императора в его апартаментах.

Перед главным зданием находится внутренний двор, очень красивый на вид. Он засажен деревьями и обнесен плетеной оградой.

В двадцатый день второй луны, когда ясно и спокойно светило весеннее солнце, государь стал играть на флейте в открытых покоях, что примыкают к западной галерее. Военный министр Такатё был его учителем в этом искусстве. Две флейты, согласно сливая свои голоса, ис-

полняли мелодию из священной мистерии «Сосны Такасаго». Словами не выразить, до чего хорошо!

Такато делал государю разные наставления насчет того, как должно играть на флейте, и это тоже было замечательно.

Придворные дамы собрались позади бамбуковой шторы поглядеть на них и совсем не досадовали, что поучительные речи мешают слушать музыку.

Сукэтада — младший секретарь службы столярных работ — получил должность куродо.

Человек он грубоватый и бесцеремонный. Придворные сановники и дамы дали ему прозвище: «Господин Режу-напрямик» и сложили песенку:

Он мужлан, он грубиян,
Родом из страны Овэри,
Угодил в свою семью...

Он ведь по материнской линии внук некоего Канатоки из провинции Овари.

Один раз император стал насвистывать на флейте мотив этой песенки. Бывший возле него Такато воскликнул:

— Государь, играйте громче, иначе Сукэтада не услышит!

Но император продолжал играть очень тихо, только для себя.

Другой раз он пришел из своего дворца в Северный павильон и сказал:

— Сукэтады здесь нет. Тогда я сыграю эту песенку...
Какая несравненная доброта!

239. Бывает, что люди меняются так...

Бывает, что люди меняются так, словно они вновь родились в образе небожителей.

Придворная дама невысокого ранга вдруг назначена кормилицей наследного принца.

Она уже не заботится о церемониальном костюме. Ни китайской накидки не наденет, ни даже шлейфа... Какое там, в самом простом платье уляжется возле своего воспитанника, днюет и поцует в его опочивальне.

Другие фрейлины у нее на побегушках. То иди в ее комнату с каким-нибудь наказом, то отнеси письмо... Всего и не перечислить!

Когда простой придворный служитель получает звание куродо, он сразу возомнит себя важной персоной. Да можно ли подумать, что это тот самый человек, который совсем недавно, в прошлом «месяце инея», нес японскую цитру в торжественном шествии по случаю праздника Камо? Теперь он неузнаваем! Посмотрите, как гордо выступает в компании молодых людей из самых знатных семейств! Невольно спросишь себя: «Откуда взялся этот юный вельможа?»

То же самое, наверно, происходит, когда чиновники из других ведомств назначены на должность куродо, но я их просто не знаю, и потому перемена в моих глазах не столь разительна.

240. Однажды утром, когда на землю лег высокими холмами снег...

Однажды утром, когда на землю лег высокими холмами снег и все еще продолжал падать, я увидела несколько молодых придворных пятого и четвертого рангов, с юными свежими лицами. Церемониальные верхние одежды прекрасных цветов, которые они падали поверх наряда ночной стражи, были высоко подоткнуты и заметно смяты там, где их раньше перетягивали кожаные пояса. Пурпур шаровар, казалось, еще более насытился цветом, еще ярче заиграл на фоне чистого снега.

Бросались в глаза щеголеватые нижние одежды, алые или, уж на худой конец, ослепительно-желтые, как горная роза — керрия.

Молодые люди прикрывались зонтами, но сбоку налетал сильный ветер, осыпая их снегом, и они шли, наклонясь вперед. Не только глубокие башмаки и полубашмаки, но даже ноговицы на них побелели от снега...

Великолепная картина!

241. Однажды утром дверь, ведущая в длинную наружную галерею...

Однажды утром дверь, ведущая в длинную наружную галерею, была открыта очень рано. Я увидела, как придворные сановники толпой идут в северную караульную по переходу «Верховая тропа», примыкающему к Покоям для высочайшего омовения.

На придворных были выцветшие кафтаны, а шаровары до того распустились по швам, что оттуда лезли нижние одежды и их приходилось все время заправлять обратно.

Когда эти вельможи проходили мимо открытой двери, то пригнули вниз длинные крылышки своих шапок и прикрыли ими лица.

242. То, что падает с неба

Снег. Град. Ледяной дождь очень неприятен, но невольно залюбуешься, если он смешан с белым-белым снегом.

243. Как хорош снег...

Как хорош снег на кровлях, покрытых корой кипариса.

А еще он хорош, когда чуть-чуть подтаает или выпадет легкой порошей и останется только в щелях между черепицами, скрадывая углы черепиц, так что они кажутся круглыми.

Есть приятность в осеннем дожде и граде, если они стучат по дощатой крыше.

Утренний иней — на темных досках крыши. И в саду!

244. Солнце

Солнце всего прекрасней на закате. Его гаснущий свет еще озаряет алым блеском зубцы гор, а по небу тянутся облака, чуть подцвеченные желтым сиянием. Какая грустная красота!

245. Луна

Всего лучше предрассветный месяц, когда его тонкий серп выныривает из-за восточных гор, прекрасный и печальный.

246. Звезды

«Шестизвездие». Звезда Пастух. Вечерняя звезда.

Падающие звезды, что навещают нас по ночам, — довольно любопытны. Но лучше бы у них не было такого длинного хвоста!

247. Облака

Я люблю белые облака, и пурпурные, и черные... И дождевые тучи тоже, когда они летят по ветру.

Люблю смотреть, как на рассвете темные облака понемногу тают и становятся все светлее.

Кажется, в какой-то китайской поэме сказано о них: «Цвет, исчезающий на заре...»

До чего красиво, когда тонкое сквозистое облако проплывает мимо ослепительно сияющей луны!

248. То, что родит сумятицу

Искры.

Вороны суматошно клюют на дощатой крыше приношение богам, рассыпанное там монахами перед утренней трапезой.

Большое стечение паломников в храм Киёмидзу в восемнадцатый день каждой луны.

Гость внезапно прибывает в дом, когда сумерки уже спустились, а огни еще не зажжены. Все приходит в волнение... Но воцаряется еще большая сумятица, если это прибыл хозяин дома из далекого путешествия.

По соседству возник пожар... Правда, у нас не загорелось!

249. То, что выглядит грубо

Высокая прическа простых служанок.

Изнанка кожаного пояса, украшенного рисунками в китайском духе.

Манеры Святого мудреца.

250. Те, чьи слова оскорбляют слух

Жрицы, читающие моления богам.

Лодочные гребцы.

Стражники, охраняющие дворец во время грозы.

Борцы.

251. Те, кто напускает на себя уж очень умный вид

Теперешние младенцы лет трех от роду.

Женщины, что возносят молитвы богам о здравии и благополучии ребенка или помогают при родах.

Ведунья первым делом требует принести все, что нужно для молитвы. Кладет целую стопку бумаги и начинает кромсать ее тупым ножом. Кажется, так и одного листка не разрежешь, но этот нож у нее особый, и она орудует им изо всех сил, скривив рот на сторону.

Нарезав много зубчатых полосок бумаги, она прикрепляет их к бамбуковой палочке. Но вот торжественные приготовления закончены, и знахарка, сотрясаясь всем телом, бормочет заклинания... Вид у нее при этом многомудрый!

Потом она пускается в рассказы:

— Недавно в том-то дворце, в том-то знатном доме сильно захворал маленький господин... Совсем был плох, но призвали меня — и болезнь как рукой сняло. За это я получила много щедрых даров. А ведь каких только не призывали ведуний и заклинателей! И все без пользы. С той поры ни о ком другом и слышать не хотят, меня зовут. Я теперь у них в великой милости.

При этом выражение лица у нее не из самых приятных.

А еще напускают на себя умный вид хозяйки в домах простолудинов.

И глупцы тоже. Они очень любят поучать тех, кто по-настоящему умен.

252. *То, что пролетает мимо*

Корабль на всех парусах.
Годы человеческой жизни.
Весна, лето, осень, зима.

253. *То, что человек обычно не замечает*

Дни зловещего предзнаменования.
Как понемногу стареет его мать.

254. *Как неприятны люди, которые не соблюдают вежливости в письмах!*

Как неприятны люди, которые не соблюдают вежливости в письмах! Плохо, если в каждой строке сквозит высокомерное пренебрежение к людям.

Но не стоит все же совершать ошибку другого рода, употребляя чрезмерно подобострастные выражения, когда пишешь человеку, положение которого вовсе того не требует.

Что и говорить, оскорбительно самой получить неучтивое письмо. И даже если такое письмо получают другие, живо переживаешь чужую обиду.

Но разве это относится только к письмам?

Как не возмутиться, если с тобой разговаривают бесцеремонно, не соблюдая правил учтивости? А тем более гнев берет, если так осмеливаются говорить о высокопоставленных лицах.

Меня коробит, когда жена говорит о муже в неуважительном тоне.

Зачастую слуги, сообщая гостю о своем господине, употребляют чересчур почтительные слова: «его милость соизволили», «его светлость повелели»... Это дурная манера! Невольно думаешь: «Вот уж не к месту! Достаточно было бы сказать: «Господин мой изволил то-то и то-то...»

Иному человеку можно бы сделать замечание:

— Ах, что за тон! Как грубо! Зачем вы так неучтиво разговариваете?

Но и он сам, и окружающие только станут смеяться.

Заметив свой промах, человек начнет шутливо отговариваться:

— Что за мелочные придирки!

Фамильярно, без тени смущения, называть придворных сановников и государственных советников просто по именам, не титулуя их, недопустимая вольность.

Лучше никогда не звать по имени даже самую нечиновную даму, у которой нет собственных апартаментов, а величать ее «сударыня» и «госпожа фрейлина». Она будет рада такой непривычной для нее вежливости и от души благодарна.

Вообще, придворных сановников и знатных молодых людей (если только не присутствует государь) надлежит именовать согласно занимаемой должности.

Разве допустимо перед лицом государя употреблять даже в разговоре друг с другом слово «я» применительно к себе? Я, мол, собственной персоной... Ведь сам император слушает.

Можно ли назвать умными людей, которые разговаривают неучтиво, и неужели уронит свое достоинство тот человек, который умеет соблюсти правила вежливости?

255. *Очень грязные вещи*

Слизняки.

Метла, которой подметали пол из грубых деревянных досок.

Лакированные чашки в императорском дворце.

256. *То, что страшит до ужаса*

Раскат грома посреди ночи.

Вор, который забрался в соседний дом.

Если грабитель проник в твой собственный дом, невольно потеряешь голову, так что уже не чувствуешь страха.

Пожар поблизости безмерно страшен.

257. *То, что вселяет уверенность*

Молебствие о выздоровлении, которое служат несколько священников, когда тебе очень плохо.

Слова утешения в часы тревоги и печали, которые слышишь от человека, истинно тебя любящего.

258. Зятя приняли в семейство...

Зятя приняли в семейство после долгих хлопот и приготовлений, но скоро он перестает посещать молодую жену. Вдруг зять встречается со своим бывшим тестем где-нибудь в официальном месте... Наверное, он чувствует в душе жалость к старику.

Один молодой человек стал зятем влиятельного сановника, но прошел всего месяц, и он забыл дорогу к своей жене. Все в доме бранили изменника на чем свет стоит, а кормилица даже читала страшные заклятия, чтобы несчастья посыпались на его голову.

Но в первый же месяц нового года он получил звание куродо.

— Что теперь подумают люди! — стали говорить в семье его жены. — Скажут: «Странно, странно! С тестем на ножах, а такой успех! С чего бы, спрашивается?»

Все эти домашние пересуды наверняка дошли до ушей зятя.

Настало время шестой луны. В доме одного вельможи должны были читаться «Восемь поучений». Собралось множество людей.

Новый куродо выглядел очень нарядно в парчовых шароварах и черной безрукавке. Он легко мог бы повесить шнур своей безрукавки на «хвост коршуна» — оглобли экипажа, — где сидела покинутая им жена, так близко друг к другу стояли их экипажи.

«Как она примет это?» — шептались между собой женщины ее свиты. Не только они, но и все другие бывшие там люди из тех, кто знал о ее горе, были полны сердечного сочувствия к ней.

«А он сидел с равнодушным видом, бровью не шевельнул!» — стали рассказывать потом свидетели этой сцены.

Но мужчины, они не способны почувствовать сострадание или понять сердце женщины.

259. Самое печальное на свете...

Самое печальное на свете — это знать, что люди не любят тебя. Не найдешь безумца, который пожелал бы себе такую судьбу.

А между тем согласно естественному ходу вещей и в придворной среде, и в родной семье одних любят, других не любят... Как это жестоко!

О детях знатных родителей и говорить нечего, но даже ребенок самых простых людей привлечет все взгляды и покажется необыкновенным, если родители начнут восхвалять его сверх всякой меры. Что ж, когда ребенок в самом деле очень мил, это понятно. Как можно не любить его? Но если нет в нем ничего примечательного, то с болью думаешь: «Как слепа родительская любовь!»

Мне кажется, что самая высшая радость в этом мире — это когда тебя любят и твои родители, и твои господа, и все окружающие люди.

260. Мужчины, что ни говори, странные существа

Мужчины, что ни говори, странные существа. Приходи их необъяснимы.

Вдруг один, к всеобщему удивлению, бросит красавицу жену ради дурнушки...

Если молодой человек хорошо принят во дворце или родом из знатной семьи, он вполне может выбрать из множества девушек красивую жену себе по сердцу.

Предположим, избранница недоступна, так высоко она стоит. Но все равно, если в его глазах — она совершенство, пусть любит ее, хотя бы пришлось ему умереть от любви.

Бывает и так. Мужчина никогда не видел девушки, но ему наговорили, что она — чудо красоты, и он готов горы своротить, лишь бы заполучить ее в жены.

Но вот почему иной раз мужчина влюбляется в такую девушку, которая даже на взгляд других женщин уж очень дурна лицом? Не понимаю.

Я помню, была одна дама, прекрасная собой, с добрым сердцем. Она писала изящным почерком, хорошо умела слагать стихи. Но когда эта дама решилась излить свое сердце в письме к одному мужчине, он ответил ей неискренним ходульным письмом, а навестить и не подумал.

Она была так прелестна в своем горе, но мужчина остался равнодушным и пошел к другой. Даже посторонних брал гнев: какая жестокость! Претил холодный расчет, который сквозил в его отказе...

Мужчина, однако, ничуть не сожалел о своем поступке.

261. *Сострадание — вот самое драгоценное свойство...*

Сострадание — вот самое драгоценное свойство человеческой души. Это прежде всего относится к мужчинам, но верно и для женщин.

Скажешь тому, у кого неприятности: «Сочувствую от души!» — или: «Разделяю ваше горе!» — тому, кого постигла утрата... Много ли значат эти слова? Они не идут из самой глубины сердца, но все же люди в беде рады их услышать.

Лучше, впрочем, передать сочувствие через кого-нибудь, чем выразить непосредственно. Если сторонние свидетели расскажут человеку, пораженному горем, что вы жалели его, он тем сильнее будет тронут и ваши слова неизгладимо останутся в его памяти.

Разумеется, если вы придете с сочувствием к тому, кто вправе требовать его от вас, то особой благодарности он не почувствует, а примет вашу заботу как должное.

Но человек для вас чужой, не ожидавший от вас сердечного участия, будет рад каждому вашему теплому слову.

Казалось бы, небольшой труд — сказать несколько добрых слов, а как редко их услышишь!

Вообще, не часто встречаются люди, щедро наделенные талантами — и в придачу еще доброй душой. Где они? А ведь их должно быть много...

262. Только прямой глупец сердится...

Только прямой глупец сердится, услышав людские толки о себе. Как можно их избежать? Выходит, он мнит себя неуязвимым. Никто не смей о нем и слова сказать, но сам он волен осуждать других.

Бываю, правда, недопустимо омерзительные сплетни. Когда они дойдут до слуха того, кто стал их мишенью, то он, естественно, будет глубоко возмущен. Скверная может выйти история!

Если в обществе перемывают косточки человека, который еще дорог сердцу, то невольно пожалеешь его и не присоединишься к насмешникам. А в других случаях слишком велико желание позлословить на чужой счет и вызвать общий смех.

263. Если какие-нибудь черты в лице человека...

Если какие-нибудь черты в лице человека кажутся нам особенно прекрасными, то не устанешь любоваться им при каждой новой встрече.

С картинами не так. Если часто на них глядеть, быстро примелькаются. Возле моего обычного места во дворце стоят ширмы, они чудесно расписаны, но я никогда на них не гляжу. Насколько более интересен человеческий облик!

В любой некрасивой вещи можно подметить что-либо привлекательное... А в красивом — увьи! — отталкивающее.

264. У господина Наринобу, тюдзё Правой гвардии...

У господина Наринобу, тюдзё Правой гвардии, великолепная память на голоса. Когда где-нибудь, позади завесы, идет общая беседа, обычно бывает трудно по одному голосу угадать, кто говорит, особенно если это человек не из тех, с кем видишься постоянно.

Вообще мужчины плохо различают голоса или особенности почерка, и лишь Наринобу сразу узнает, чей это голос, даже если говорить совсем тихо.

265. Я никогда не встречала людей с более тонким слухом...

Я никогда не встречала людей с более тонким слухом, чем главный императорский казначей Масаміцу. Право, он мог бы расслышать, как падает на пол ресничка комара.

Однажды, когда я жила в правом крыле канцелярии императрицы, Наринобу, приемный сын его светлости Митинага, только что получивший звание тюдзё, нес дежурство во дворце.

Пока я беседовала с ним, одна из фрейлин тихо прошептала мне:

— Расскажите господину тюдэ историю про картинки на веере.

Я ответила ей чуть слышно, одними губами:

— Когда вон тот господин уйдет.

Даже она не расслышала и, наклонившись ко мне, стала переспрашивать:

— Что такое? Что такое?

— Возмутительно! — воскликнул Масамицу. — Ну если так, я весь день не тронусь с места.

«Но как мог он услышать?» — изумились мы.

266. То, что радует

Кончишь первый том еще не читанного романа. Сил нет, как хочется достать продолжение, и вдруг увидишь следующий том.

Кто-то порвал и бросил письмо. Поднимешь куски, и они сложатся так, что можно прочитать связные строки.

Тебе приснился сон, значение которого показалось зловещим. В страхе и тревоге обратишься к толкователю снов и вдруг узнаешь, к великой твоей радости, что сновидение это ничего дурного не предвещает.

Перед неким знатым человеком собралось целое общество придворных дам.

Он ведет рассказ о делах минувших дней или о том, что случилось в наши времена, а сам поглядывает на меня, и я испытываю радостную гордость!

Заболел человек, дорогой твоему сердцу. Тебя терзает тревога, даже когда он живет тут же, в столице. Что же ты почувствуешь, если он где-нибудь в дальнем краю? Вдруг приходит известие о его выздоровлении — огромная радость!

Люди хвалят того, кого ты любишь. Высокопоставленные лица находят его безупречным. Это так приятно!

Стихотворение, сочиненное по какому-нибудь поводу — может быть, в ответ на поэтическое послание, — име-

ет большой успех, его переписывают на память. Положим, такого со мной еще не случалось, но я легко могу себе представить, до чего это приятно!

Один человек — не слишком тебе близкий — прочел старинное стихотворение, которое ты слышишь в первый раз. Смысл не дошел до тебя, но потом кто-то другой объяснил его, к твоему удовольствию.

А затем ты вдруг найдешь те самые стихи в книге и обрадуешься им: «Да вот же они!»

Душу твою наполнит чувство благодарности к тому, кто впервые познакомил тебя с этим поэтическим творением.

Удалось достать стопку бумаги Митиноку или даже простой бумаги, но очень хорошей. Это всегда большое удовольствие.

Человек, в присутствии которого тебя берет смущение, попросил тебя сказать начальные или конечные строки стихотворения. Если удастся сразу вспомнить, это большое торжество. К несчастью, в таких случаях сразу вылетает из головы то, что, казалось бы, крепко сидело в памяти.

Вдруг очень понадобилась какая-то вещь. Начнешь искать ее — и она сразу попала под руку.

Как не почувствовать себя на вершине радости, если выиграешь в состязании, все равно каком!

Я очень люблю одурачить того, кто надут спесью. Особенно, если это мужчина...

Иногда твой противник держит тебя в напряжении, все время ждешь: вот-вот чем-нибудь да отплатит. Это забавно! А порой он напускает на себя такой невозмутимый вид, словно обо всем забыл... И это тоже меня смешит.

Я знаю, это большой грех, но не могу не радоваться, когда человек мне ненавистный попадет в скверное положение.

Готовясь к торжеству, пошлешь платье к мастеру, чтобы отбил шелк до глянца. Волнуешься, хорошо ли получится! И о радость! Великолепно блестит.

Приятно тоже, когда хорошо отполируют шпильки — украшения для волос...

Таких маленьких радостей много!

Долгие дни, долгие месяцы носишь на себе явные следы недуга и мучаешься им. Но вот болезнь отпустила — какое облегчение! Однако радость будет во сто крат больше, если выздоровел тот, кого любишь.

Войдешь к императрице и видишь: перед ней столько придворных дам, что для меня места нет. Я сажусь в стороне, возле отдаленной колонны. Государыня замечает это и делает мне знак: «Сюда!»

Дамы дают мне дорогу, и я — о счастье! — могу приблизиться к государыне.

267. Однажды, когда государыня беседовала с придворными дамами...

Однажды, когда государыня беседовала с придворными дамами, я сказала по поводу некоторых ее слов:

— Наш бедственный мир мучителен, отвратителен, порою мне не хочется больше жить... Ах, убежать бы далеко, далеко! Но если в такие минуты попадется мне в руки белая красивая бумага, хорошая кисть, белые листы с красивым узором или бумага Митиноку,— вот я и утешилась. Я уже согласна жить дальше.

А не то расстелю зеленую соломенную циновку, плотно сплетенную, с широкой белой каймою, по которой разбросан яркими пятнами черный узор... Залюбуюсь и подумаю: «Нет, что бы там ни было, а я не в силах отвергнуть этот мир. Жизнь слишком для меня драгоценна...»

— Немного же тебе надо! — засмеялась императрица.— Спрашивается, зачем было людям искать утешения, глядя на луну над горой Обасутó?

Придворные дамы тоже стали меня поддразнивать:

— Уж очень они короткие, ваши «молитвы об избавлении от всяческих бед».

Некоторое время спустя случились печальные события, потрясшие меня до глубины души, и я, покинув дворец, удалилась в свой родной дом.

Вдруг посланная приносит мне от государыни двадцать свитков превосходной бумаги и высочайшее повеление, записанное со слов императрицы.

«Немедленно возвратись! — приказывала государыня.— Посылаю тебе эту бумагу, но боюсь, она не лучшего

качества и ты не сможешь написать на ней Сутру долголетия для избавления от бед».

О счастье! Значит, государыня хорошо помнит тот разговор, а я ведь о нем совсем забыла. Будь она простой смертной, я и то порадовалась бы. Судите же, как глубоко меня тронуло такое внимание со стороны самой императрицы!

Взволнованная до глубины души, я не знала, как достойным образом поблагодарить государыню, но только послала ей следующее стихотворение:

С неба свитки бумаги,
Чтобы священные знаки чертить,
В дар мне прислала богиня.
Это знак, что подарен мне
Век журавлиный в тысячу лет.

— И еще спроси государыню от моего имени,— сказала я,— «Не слишком ли много лет прошу я от судьбы?»

Я подарила посланной (она была простая служанка из кухонной челяди) узорное синее платье без подкладки.

Сразу же потом я с увлечением принялась делать тетради из этой бумаги, и в хлопотах мне показалось, что все мои горести исчезли. Тяжесть спала с моего сердца.

Дня через два дворцовый слуга в красной одежде посыльного принес мне циновку и заявил:

— Нател!

— А ты кто? — сердито спросила моя служанка.— Невежество какое!

Но слуга молча положил циновку и исчез.

— Спроси его, от кого он? — велела я служанке.

— Уже ушел,— ответила она и принесла мне циновку, великолепную, с узорной каймой. Такие постилают только для самых знатных персон.

В душе я подумала, что это — подарок императрицы, но вполне уверенной быть не могла. Смущенная, я послала разыскивать слугу, принесшего циновку, но его и след простыл.

— Как странно! — толковала я с моими домашними, но что было делать, слуга не отыскался.

— Возможно, он отнес циновку не тому, кому следовало, и еще вернется,— сказала я.

Мне хотелось пойти во дворец императрицы и самой узнать, от нее ли подарок, но если бы я ошиблась, то попала бы в неловкое положение.

Однако кто мог подарить мне циновку ни с того ни с сего? «Нет, разумеется, сама государыня прислала ее», — с радостью подумала я.

Два дня я напрасно ждала вестей, и в душе у меня уже начали шевелиться сомнения.

Наконец, я послала сказать госпоже Укё:

«Вот, мол, случилось то-то и то-то... Не видели ли вы такой циновки во дворце? Сообщите мне по секрету. Только никому ни слова, что я вас спрашивала».

«Государыня сохраняет все в большой тайне, — прислала мне ответ госпожа Укё. — Смотрите же, не проговоритесь, что я выдала ее секрет».

Значит, моя догадка была верна! Очень довольная, я написала письмо и велела своей служанке потихоньку положить его на балюстраду возле покоев императрицы. Увы, служанка сделала это так неловко, что письмо упало под лестницу.

268. Его светлость канцлер повелел...

Его светлость канцлер повелел, чтобы в двадцать первый день второй луны был прочитан Полный свод речений Будды в святилище Сякудзэндзи храма Хокоин.

На торжестве должна была присутствовать вдовствующая императрица-мать, и потому молодая государыня — моя госпожа — загодя, уже в самом начале луны, поспешила прибыть во дворец на Втором проспекте. Но, как назло, в тот вечер меня от усталости сморил сон, и я ничего не успела толком разглядеть.

Когда я встала на другое утро, солнце уже ярко светило в небе, и недавно построенный дворец свежо и нарядно белел в его лучах. Все в нем сияло новизной, бамбуковые шторы и те, как видно, были повешены только накануне.

«Когда же успели так великолепно украсить покои? Даже поставили Льва и Корейского пса в императорской опочивальне».

Возле лестницы, ведущей в сад, я заметила небольшое вишневое дерево, осыпанное пышным цветом.

«Как рано оно зацвело! — удивилась я. — Наверно, оттого, что растет в сени дворца. Значит, сливы уже давно распустились».

Вдруг гляжу, цветы на вишне ручной работы. Но они сверкали чудесными красками ничуть не хуже настоящих! Изумительное мастерство!

Было грустно думать, что они погибнут при первом же дожде.

На том месте, где был воздвигнут дворец, раньше стояло много маленьких домишек, и потому сад еще был беден деревьями, но сам дворец восхищал своей изысканной красотой.

Вскоре пожаловал его светлость канцлер. На нем были серые с синим отливом шаровары, украшенные плотно вытканым рисунком, и кафтан «цвета вишни», поверх трех пурпурных одежд.

Дамы, во главе с императрицей, блистали великолепными нарядами из гладких или узорчатых тканей всех оттенков цветущей сливы — от густого до светлого. Китайские накидки на них были весенних цветов: «молодые побеги», «зеленеющая ива», «алые лепестки сливы».

Господин канцлер сел перед императрицей и начал с ней беседовать.

О, если бы я могла хоть на короткий миг показать эту сцену людям, обитающим вдали от дворца! Пусть бы они своими ушами услышали, как превосходно отвечала государыня!

Поглядев на придворных дам, канцлер сказал:

— Что еще осталось пожелать вам в этой жизни, ваше императорское величество? Сколько замечательных красавиц окружает вас, глядеть завидно! И нет среди них ни одной низкорожденной. Все — дочери знатных семейств. О, какая великолепная свита! Прошу вас, будьте милостивы к вашим придворным дамам. Но если б они только знали, что у вас за сердце! Тогда лишь немногие согласились бы служить вам. А я ведь, несмотря на вашу низменную скупость, верой и правдой служил вам с самого вашего дня рождения. И за это время вы хоть бы обносили пожаловали мне со своего плеча! Нет, уж я вам в глаза все выскажу.

Он насмешил нас до слез.

— Но ведь это святая истина. По-вашему, я глупости болтаю? Как вам не совестно потешаться надо мной! — воскликнул канцлер.

В это время вдруг явился какой-то секретарь министерства церемониала с посланием от императора к императрице. Дайнагон Корэтика принял письмо и подал своему отцу. Развернув его, канцлер сказал:

— До чего приятное послание! Прочесть, что ли, если будет дозволено?

Но, взглянув на дочь, добавил:

— О, какой гневный вид! Словно я совершаю святотатство! — и отдал письмо.

Государыня взяла его, но не торопилась развернуть. Как спокойно и уверенно она держалась!

Одна из фрейлин вынесла откуда-то из глубины покоев подушку, чтобы усадить на нее императорского посла, а три-четыре других остались сидеть возле церемониального занавеса, поставленного перед императрицей.

— Пойду распоряжусь, чтобы послу выдали награду, — сказал канцлер.

После того как он ушел, императрица принялась читать послание. Потом она написала ответ на тонкой бумаге, алой, как лепесток сливы, под цвет ее наряду.

«Но увы! — подумала я с сожалением. — Никто не сможет даже отдаленно представить себе, до чего хороша была императрица, кроме тех, кто, как я, видел ее в этот миг своими глазами».

Пояснив, что сегодня особый день, канцлер пожаловал в награду посланному женский церемониальный наряд вместе с длинной одеждой цвета алой сливы.

Была подана закуска, и гостю поднесли чарочку, но он сказал дайнагону Корэтика:

— Сегодня у меня очень важные дела. Господин мой, прошу меня извинить, — и с этими словами покинул нас.

Юные принцессы, дочери канцлера, изящно набеленные, не уступали никому красотой своих нарядов.

Госпожа Третья, Микусигэдоно, была ростом повыше госпожи Второй и выглядела настолько взрослой, что хотелось титуловать ее «сударыня».

Прибыла и ее светлость, супруга канцлера, но сейчас же скрылась позади церемониального занавеса, к большому сожалению новых фрейлин, еще не имевших случая увидеть ее.

Придворные дамы собрались тесным кругом, чтобы обсудить, какой наряд и какой веер лучше всего идут к сегодняшней церемонии. Каждая надеялась затмить всех остальных.

Вдруг одна заявила:

— А зачем я буду голову ломать? Надену первое, что под руку попадется.

— Ну, она опять за свое! — с досадой воскликнули другие дамы.

Вечером многие фрейлины отправились к себе домой, чтобы подготовиться к торжеству, и государыня не стала их удерживать.

Супруга канцлера навещала императрицу каждый день и даже иногда ночью. Юные принцессы — сестры государыни — тоже часто навещали ее, и в ее покоях все время царило приятное оживление. Из дворца императора ежедневно являлся посол.

Дни шли, и цветы на вишне ничего не прибавили к своей красоте, но выгорели на солнце и потускнели. Вид у них стал самый жалкий.

А когда они ночью попали под дождь, на них совсем уж нельзя было смотреть.

Рано утром я вышла в сад и воскликнула:

— Вот уж не скажешь теперь про цветок вишни, «светлой росой увлажненный», что он похож на лик красавицы...

Государыня услышала меня и пробудилась.

— В самом деле, мне показалось ночью, будто пошел дождь. Что случилось с цветами? — встревоженно спросила она.

Как раз в эту минуту из дворца канцлера явилась толпа людей его свиты и разных челядинцев. Подбежав к вишневому дереву, они стали срывать с него ветки самодельных цветов, тихо переговариваясь между собой:

— Господин наш велел нам все убрать, пока еще темно. А солнце уже встает. Какая досада! Скорей, скорей! Поторапливайтесь.

Я глядела с любопытством. Если б это были люди, сведущие в поэзии, я бы напомнила им слова поэта Кандзүми:

Хоть говори, хоть нет.
[Ветку цветущей вишни
Я все равно сорву.]

Вместо этого я громко спросила:

— Кто там крадет цветы? Не смейте, нельзя.

Но они со смехом убежали, таща за собой ветки.

Я подумала, что канцлера посетила счастливая мысль. В самом деле, кому приятно глядеть, как некогда столь прекрасные цветы вишни обратились в мокрые комки и прилипли к дереву?

Вернувшись во дворец, я никому не сказала ни слова о том, что видела.

Скоро явились женщины из ведомства домашнего обихода и подняли решетчатые створки ситыми. Женщины из службы двора прибрали покои. Когда они управились с работой, императрица поднялась со своего ложа.

Она сразу заметила, что цветов на вишне больше нет.

— Ах, странное дело! Куда исчезли цветы? — удивилась государыня. — Ты как будто крикнула утром: «Воры крадут цветы!» Но я думала, что унесут всего несколько веток, беда невелика. Видела ли ты, кто они?

— Нет, — ответила я, — было слишком темно. Только смутно двигались неясные тени... Мне показалось, будто какие-то люди воруют цветы, и я прикрикнула на них.

— Но все же, если б это были воры, — заметила императрица, — вряд ли они похитили бы все цветы до единого. Скорее всего, мой сиятельный отец приказал потихоньку убрать самодельные цветы.

— Что вы, как это возможно? — возразила я. — Нет, во всем виноват весенний ветер.

— Ах, вот как ты заговорила! Значит, что-то скрываешь. Видно, боишься бросить тень на его светлость.

В устах императрицы остроумный ответ не редкость, но все же я пришла в восхищение.

Тут показался канцлер, и я скрылась в глубине покоев из страха, что он увидит мой еще помятый сном «утренний лик».

Не успел канцлер войти, как изумленно воскликнул:

— Что я вижу! Пропали цветы на вишне. Вот новость! Но как вы не устерегли их? Хороши же ваши фрейлины, нечего сказать! Спят мертвым сном и не знают, что делается у них под носом.

— Но мне сдается, что об этом «узнал ты раньше меня»,— тихонько прошептала я. Канцлер поймал мои слова на лету.

— Так я и думал,— заявил он с громким смехом.— Другие и не заметили бы! Я боялся только госпожи сайсё и вас.

— Да, верно,— подтвердила императрица с очаровательной улыбкой.— Сёнагон знала правду, но старалась меня уверить, что всему виной весенний ветер.

— Ну, она обвиняла его напрасно.— И канцлер с утонченным изяществом начал декламировать стихотворение:

Время пришло возделать
Даже поля на горах.
[Не обвиняй же его,
Этот ветер весенний,
Что сыплются лепестки.]

Ах, досадно все же, что мои люди не убереглись от чужих глаз. А я-то наказывал им соблюдать осторожность. Уж очень зоркие стражи здесь во дворце.

И он добавил:

— Но Сёнагон очень удачно сказала про весенний ветер,— и снова начал декламировать: «Не обвиняй же его...»

Императрица молвила с улыбкой:

— В нескольких простых словах она хорошо выразила свое сердечное огорчение. Какой страшный вид был у нашего сада сегодня утром!

Молодая дама по имени Ковакагими тоже вставила слово:

— Ведь что ни говори, а Сёнагон первая все заметила. И еще она сказала: только настоящий цветок вишни прекрасен, «светлой росой увлажненный»... а самодельные цветы погибнут.

У канцлера был забавно огорченный вид.

* * *

На восьмой или девятый день той же луны я собралась вернуться на время к себе домой. Императрица попросила меня: «Побудь еще хоть немного»,— но я все же покинула дворец.

Однажды в полдень, когда солнце ярко сияло на безоблачном небе, мне принесли письмо от государыни:

«Не обнажились ли сердца цветов? Извести меня, что с тобой?»

Я ответила:

«Осень еще не наступила, но...

девять раз в единую ночь
к вам душа моя возносилась.

* * *

Помню, в тот вечер, когда императрица должна была переехать во дворец на Втором проспекте, фрейлины подняли ужасную суматоху и, не соблюдая пристойного порядка, толпой ринулись к экипажам. Каждая старалась первой отвоевать себе место.

Я с тремя моими приятельницами стояла в стороне и смотрела на это.

— Неприятная картина! — говорили мы между собой. — Таковую толкотню увидишь, только когда люди разъезжаются с праздника Камо. И не подступишься. Но пусть их! Если все экипажи будут заняты и мы не сможем уехать, государыня непременно заметит наше отсутствие и пошлет за нами.

Словом, мы остались спокойно ждать, а между тем другие дамы, тесня друг друга, осаждали экипажи. Наконец они кое-как расселись по местам и уехали.

Распорядитель, наблюдавший за нашим отъездом, воскликнул:

— Я, кажется, не жалея голоса, старался навести порядок, и вот, пожалуйста, четыре фрейлины еще здесь.

Подошел чиновник службы двора:

— Кто, кто остался? — изумленно спросил он. — Странно, очень странно! Я был уверен, что все уже отбыли. Как же вы так замешкались? Сейчас мы собирались посадить служанок вместе с вещами... Небывалый случай!

И он велел подать экипаж.

— О, если так, — сказала я, — посадите сперва этих ваших служанок. А нас уж как-нибудь потом...

— Нет, это возмутительно! Вы нарочно со злобы говорите такие нелепости.

И посадил нас в последний экипаж. Предназначенный для простых служанок, он был еле-еле освещен тусклым факелом. Мы отправились в путь, умирая от смеха.

Тем временем паланкин государыни уже прибыл, и она находилась в приготовленных для нее покоях.

— Позовите сюда Сёнагон,— повелела императрица.

— Но где же она, где? — удивлялись юные фрейлины Укё и Косакби, посланные встречать меня. Но экипажи подъезжали один за другим, а меня все не было.

Дамы выходили из экипажа и группами по четверо, в том порядке, как ехали, направлялись к государыне.

— Как, ее нет до сих пор? Почему же это? — спрашивала императрица.

Но никто не знал.

Наконец, когда все экипажи опустели, молодые фрейлины приметили меня.

— Госпожа наша то и дело спрашивает вас, а вы так запоздали! — упрекнули они меня и поскорей повели к императрице.

По дороге я глядела кругом. Удивительно, как за самое короткое время сумели так благоустроить дворец, словно императрица уже давно обитала в его стенах.

— Почему ты так долго не являлась ко мне? Тебя искали повсюду, но не могли найти,— спросила государыня.

Я промолчала. Одна из фрейлин, приехавших со мной, сказала с досадой:

— А как могло быть иначе? Разве возможно ехать последними, а явиться раньше всех? Еще спасибо служанкам, пожалели нас, пустили в свою повозку. Там было так темно, что мы набрались страха.

— Распорядитель не знал своего дела,— воскликнула императрица.— Но вы-то почему молчали? Фрейлины, не искушенные в этикете, ведут себя бесцеремонно. Одна из старших дам, Эмон, например, должна была бы призвать их к порядку.

— А зачем же они гурьбой бросились к экипажам? Лишь бы обогнать друг друга,— возразила Эмон.

Я подумала, что разговор этот принимает очень неприятный оборот для окружающих.

— Ну скажите, умно ли вы поступили? Нарушили все приличия, лишь бы сесть первыми в хороший экипаж. Благородно вести себя, следуя строгому чину, вот что самое главное,— с огорчением выговаривала фрейлинам государыня.

— Наверное, я слишком задержалась со сборами и все устали меня ждать,— заметила я, чтобы сгладить неловкость.

Узнав, что государыня завтра утром отправится слушать чтение священного канона, я в тот же вечер поспешила во дворец.

По дороге я заглянула в передние покои на северной стороне Южного дворца. Там горели светильники на высоких подставках, и я увидела многих знакомых мне придворных дам. Одни сидели позади ширм группами по две, по три или четыре, других скрывал от глаз церемониальный занавес.

Но некоторые были на виду. Собравшись в круг, они поспешно шили, подбирали одна к другой и бережно складывали парадные одежды, прикрепляли завязки к шлейфам, белили свои лица... Но не буду тратить слова, трудно вообразить себе эту картину.

Дамы так усердно занимались прической, словно завтрашний день — главное событие в их жизни.

— Государыня должна отбыть в час Тигра, — сообщила мне одна из фрейлин. — Почему вы не пришли раньше? Один человек искал вас, он хотел передать вам веер.

Я поторопилась надеть свой церемониальный наряд на случай, если государыня в самом деле отбудет в час Тигра.

Начало светать, занялось утро. Нам сказали, что экипажи подадут к «Галерее под китайской крышей». В галерею эту, расположенную в западном крыле двора, вел крытый переход. Все мы, сколько нас было, пустились чуть ли не бегом, лишь бы поспеть вовремя.

Фрейлины, которые, подобно мне, недавно поступили на службу, легко робели и поддавались смущению, а тут еще в этом западном крыле находился сам канцлер, и государыня направилась к нему.

Она пожелала прежде всего посмотреть, как будут усаживать в экипажи дам ее свиты. Позади плетеных занавесей возле государыни стояли ее сестры: госпожа Сигэйся и две младших принцессы, а также ее матушка — супруга канцлера — с тремя своими сестрами.

Господин дайнагон Корэтика и его младший брат Самми-но тюдзё встречали каждый очередной экипаж и, став по обе его стороны, поднимали плетеные шторы, откидывали внутренние занавески и подсаживали дам. Ехать надо было вчетвером.

Пока мы стояли тесной толпой, можно еще было прятаться за спиной других, но вот стали выкликать наши имена по списку. Волей-неволей пришлось выйти вперед. Не могу описать, какое мучительное чувство одолело меня. Из глубины дворца сквозь опущенный занавес на меня смотрело множество людей, и среди зрителей была сама императрица. Я оскорблю ее глаз своим неприглядным видом... При этой горькой мысли меня прошиб холодный пот. Мои тщательно причесанные волосы, казалось мне, зашевелились на голове.

С трудом передвигая ноги, я прошла мимо занавеса, но дальше, к моему конфузу, стояли два принца и с улыбкой глядели на меня. Я была как во сне. Но все же удержалась на ногах и дошла до экипажа. Не знаю, можно ли гордиться этим как геройством или мной владела дерзость отчаяния.

Когда все мы заняли свои места, слуги выкатили экипажи со двора и поставили вдоль широкого Второго проспекта, опустив оглобли на подставки.

«Такую длинную вереницу экипажей можно увидеть на дороге разве что в самые торжественные дни праздничных шествий. Наверно, все так думают, глядя на нас», — при этой мысли сердце мое забилося сильнее.

На дороге собралась большая толпа чиновных людей средних рангов: четвертого, пятого и шестого... Они подошли к экипажам и, слегка рисуясь, стали заговаривать с нами.

А больше всех асон Акинобу, как говорится, задирает голову и надувал грудь.

Но вот все придворные, начиная с самого канцлера и верховных сановников и кончая теми, кто даже не имеет доступа во дворец, двинулись навстречу вдовствующей императрице-матери. После ее проезда должна была тронуться в путь наша молодая государыня. Я боялась, что придется ждать целую вечность, но едва лишь взопло солнце, как показался кортеж вдовствующей императрицы.

В первом экипаже, украшенном на китайский образец, восседала сама престарелая императрица-инокиня. Далее в четырех экипажах следовали монахини. Экипажи сзади были открыты, и можно было увидеть в их глубине хрустальные четки, рясы цвета бледной туши поверх других одеяний: необычайное благолепие!

Сквозь опущенные плетеные шторы смутно виднелись пурпурные занавески с темной каймой.

В остальных десяти экипажах ехали придворные дамы. Китайские накидки «цвета вишни», шлейфы нежных оттенков, шелка, блистающие густым багрянцем, верхние одежды бледно-алые с желтым отливом или светло-пурпурные радовали глаза переливами красок.

Солнце уже поднялось высоко, но зеленоватое небо было подернуто легкой дымкой, и при этом свете наряды придворных дам так чудесно оттеняли друг друга, что казались прекрасней любой драгоценной ткани, любого пышного одеяния.

Его светлость канцлер со своими младшими братьями и весь двор в полном составе почтительно встретили престарелую императрицу. При виде ее величественного кортежа поднялся ропот восхищения.

Но, надеюсь, зрители любовались также и вереницей наших экипажей, выстроившихся вдоль дороги в ожидании своей очереди.

Я сгорала от нетерпения: скорее бы в путь! Время тянулось бесконечно. Меня мучила тревога: в чем причина задержки?

Но вот наконец восемь дев — унэмэ — выехали верхом на конях, которых служители вели за повод. По ветру красиво струились зеленые шлейфы с темной каймой, ленты пояса, шарфы...

Среди этих дев одна — по имени Фусэ — находилась в любовной связи с начальником ведомства лекарственных снадобий Сигэмаса. Она надела на себя светло-пурпурные мужские шаровары.

Дайнагон Яманой заметил со смехом:

— Кажется, Сигэмаса получил право на недозволенный цвет императорского пурпура?

Но вот остановились ехавшие друг за другом унэмэ, и в тот же миг появился паланкин нашей госпожи. Слов нет, кортеж вдовствующей императрицы был великолепен, но разве можно сравнить его с нашим?

Как прекрасен был паланкин молодой государыни! Золотая луковица, венчающая кровлю паланкина, ослепительно сверкала на солнце. Даже блиставшие яркими красками занавески в паланкине были неописуемо хороши.

Телохранители натянули священные шнуры, висевшие по четырем углам паланкина, и он тронулся в путь. Занавески тихо колебались на ветру...

Говорят, в минуту сильного волнения волосы шевелятся на голове. И на поверку это оказалось сущей правдой! Вообразите, в каком положении оказались дамы, у кого были плохие волосы, когда они еще вдобавок встали дыбом.

Все с восторгом глядели на паланкин. Изумительно! Великолепно! Меня охватила гордость при мысли, что я служу такой государыне и приближена к ней.

Лишь только паланкин императрицы проследовал мимо нас, как оглобли наших экипажей сразу сняли с подставок. Припрягли быков. Мы двинулись вслед за императрицей. Нет, я не в силах описать наше счастливое волнение!

Когда кортеж прибыл к храму, музыканты у главных ворот заиграли корейские и китайские мелодии, а танцоры стали исполнять пляски Льва и Корейского пса.

Раздался многоголосый хор инструментов, застучали барабачики — и голова моя пошла кругом. Уж не попала ли я заживо в царство Будды? Мне казалось, что я возношусь к небесам на волне этих звуков.

Когда мы въехали во двор, то увидели шатер из многоцветной парчи. По сторонам ярко зеленели новые бамбуковые шторы, а вокруг шатра были повешены большие занавеси.

Все, все было так красиво, словно видение нездешнего мира. Слуги подвезли экипажи к многоярусной галерее для императрицы. Но и здесь стояли в ожидании все те же два принца.

— Выходите побыстрее, — повелели они.

Я не помнила себя от смущения даже тогда, когда садилась в экипаж, а ведь здесь двор залит солнцем и негде спрятаться от чужих глаз.

Мои накладные волосы сбились в космы под китайской накидкой. Я выглядела, наверное, очень смешно. При ярком солнечном свете легко можно было отличить черные пряди настоящих волос от рыжеватых поддельных. Эта мысль меня ужаснула, и я не в силах была первой выйти из экипажа.

— Позвольте мне пропустить вперед другую даму. Я выйду потом, — попросила я, но фрейлина, сидевшая позади меня, как видно, тоже была смущена.

— Нет, разрешите мне во вторую очередь, я боюсь, — взмолилась она.

— Ну и робки же вы,— заметил дайнагон. Еле-еле он уговорил ее покинуть экипаж.

Потом он подошел ко мне и сказал:

— Императрица повелела мне: «Выведи ее из экипажа незаметно, чтобы она не попала на глаза кому-нибудь вроде Мунэтакá». Вот почему я здесь, но вы так бесчувственны ко мне...

Он помог мне выйти из экипажа и отвел к галерее императрицы. Меня глубоко тронуло сердечное участие ко мне государыни.

Восемь ранее прибывших дам уже успели занять самые лучшие места на нижнем ярусе, откуда можно было хорошо видеть церемонию. Государыня сидела на самой верхней площадке, высотой в один или два сяку.

— Вот она, я привел ее,— сказал дайнагон,— и ничьи глаза ее не видели.

— Где же она? — молвила императрица и появилась из-за церемониального занавеса.

Она еще не сняла своего шлейфа. Кто видел что-нибудь более прекрасное, чем ее китайская накидка? И как пленительно красива нижняя одежда из багряного шелка. Или другая, из китайской парчи «цвета весенней ивы». А под ними надеты еще пять одинаковых одежд цвета бледно-алой виноградной кисти. Два самых верхних одеяния поражали своим величием. Одно — алое китайское и второе — прозрачное из шелковой дымки: светло-синий узор по белому фону. Оба украшены золотой каймой «слоновый глаз». Подбор цветов несравненной красоты.

— Ну, как, по-твоему, выглядел мой кортеж? — спросила императрица.

— Смеею сказать, замечательное зрелище! — воскликнула я, но — увы! — как мало выражали эти избитые слова!

— Тебе пришлось долго ждать. А знаешь, почему? Мой сиятельный отец решил, что неприлично ему оставаться в тех самых одеждах, в которых он встречал вдовствующую императрицу, а новые одежды были не готовы. Их пришлось спешно дошивать. Он ведь такой щеголь! — заметила с улыбкой государыня.

Здесь, на открытом месте, где все было залито солнечным светом, она в своем ослепительном наряде казалась еще более прекрасной, чем обычно. Видно было даже, как ниточка пророса в ее волосах сбегает немного вкось

к диадеме, надетой на лоб. Не могу сказать, как это было прелестно!

Два церемониальных занавеса высотой в три сажу, поставленных наискось друг к другу, отгораживали места для знатных придворных дам на верхнем ярусе галереи. Там, вдоль возвышения, на котором сидела государыня, у самого края помоста была расстелена циновка. На ней расположились две дамы: Тюнагон — дочь начальника Правой гвардии Тадагими, родного дяди канцлера, и госпожа сайсё — внучка Правого министра Тóми-но кóдзи.

Бросив на них взгляд, императрица повелела:

— Сайсё, спустись ниже, к остальным фрейлинам.

Сайсё сразу поняла, в чем дело, и ответила:

— Мы потеснимся, здесь хватит места для троих.

— Хорошо! Садись рядом с ними, — приказала мне государыня.

Одна из фрейлин, сидевших внизу, стала смеяться:

— Смотрите, словно мальчишка для услуг затесался в дворцовые покои.

Другая подхватила:

— Нет, скорее конюший сопровождает всадника.

— Вы думаете, это остроумно? — спросила я.

Но, несмотря на эти насмешки, все равно для меня было большой честью глядеть на церемонию с вершины галереи.

Мне совестно говорить это, ведь мои слова звучат как похвальба. Хуже того, злопыхатели, из числа тех, кто с многомудрым видом осуждает весь свет, будут, пожалуй, порицать саму императрицу за то, что она приблизила к себе такую ничтожную особу, как я, и тогда по моей вине возникнут толки, неприятные для моей госпожи.

Но разве могу я замалчивать истину? Ведь государыня в самом деле оказала мне честь, неподобающую для меня в моем скромном положении.

С того места, где мы находились, открывался прекрасный вид на галерею вдовствующей императрицы и другие галереи для зрителей.

Его светлость канцлер первым делом направился к вдовствующей императрице, побыл там некоторое время, потом наведаясь к нам. Двое старших его сыновей, оба в звании дайнагона, и третий сын, Самми-но тюдзё, несли караульную службу, как гвардейцы, и красовались в полном воинском наряде, с луком и колчаном, что очень подходило к торжественности случая.

Многочисленный почетный эскорт, сопровождавший канцлера, тесными рядами сидел возле него на земле: высшие сановники, придворные четвертого и пятого рангов...

Его светлость канцлер взшел на нашу галерею и поглядел на нас. Все дамы, вплоть до юной принцессы Микусигэдоно, были в церемониальном наряде, на всех китайские накидки и шлейфы.

Госпожа супруга канцлера изволила надеть поверх шлейфа еще одну одежду с широкими рукавами.

— Ах, что за собрание красавиц, словно я гляжу на картину! Сегодня даже моя старуха вырядилась не хуже других. Принцессы Третья и Четвертая, снимите шлейф с государыни. Ваша госпожа — вот она, ее величество императрица! Это перед ее галереей установлена караульная для гвардии, пустяковое ли дело! — говорил канцлер с радостными слезами.

Глядя на него, все тоже невольно прослезились.

Между тем господин канцлер заметил, что я надела китайское платье, на котором пятицветными нитями были вышиты по алому фону ветки цветущей вишни.

— Ах, вот к стати. Мы пришли в большое смятение. Хватились, что недостает одного красного одеяния для священника. Надо было нам одолжить ризу у какого-нибудь бонзы. А пока мы медлили, вы, как видно, ее стащили...

— Кажется, это риза епископа Сэй,— весело заметил дайнагон Корэтика.

Все узнали мое имя — Сэй-Сёнагон и засмеялись.

Для мимолетного словца находчиво, не правда ли?

А настоящий епископ, юный сын канцлера, был облачен в тонкую ризу красного цвета. Пурпурное оплечье, нижние одежды и шаровары розовато-лиловых оттенков дополняли его наряд. Бритая голова отливала синевой. Казалось, перед нами сам бодхисаттва Дзидзо во плоти. Забавно было глядеть, как он замешался в толпу придворных дам. Над ним посмеивались:

— Какое неприличие! Среди дам! Вместо того чтобы величественно восседать посреди клира.

Из галереи дайнагона Корэтика к нам привели его сынка Мацугими. Мальчик был наряжен в кафтан цвета спелого винограда, одежды из темно-пурпурной парчи, отливающей глянцем, и другие одежды, алые, как лепестки сливы.

За ним следовала огромная свита, составленная, как обычно, из придворных четвертого и пятого рангов.

Дамы на галерее схватили его в объятия, но он, неизвестно почему, вдруг расплакался, стал кричать. Это было смешно и мило!

Но вот началась священная церемония.

В красные чаши рукотворных лотосов положили свитки Полного свода речений Будды, по одному свитку в каждый цветок. А затем цветы эти понесли священники, знатные вельможи, сановники двора, придворные разных рангов, кончая шестым, всех не перечислить. Великолепное шествие!

Затем появился главный священник, надзирающий за порядком службы. Чин по чину последовали приношение цветов Будде, воскурение ароматов, пляски под музыку.

К вечеру глаза у меня устали и разболелись.

Куродо пятого ранга принес государыне письмо от императора. Посла усадили в кресло перед галереей императрицы. Поистине, он был великолепен!

Следом за ним явился Наримаса, третий секретарь министерства церемониала.

— Император повелел, чтобы государыня прибыла незамедлительно, этим же вечером, в его дворец. Я должен ее сопровождать, — сообщил посол и остался ждать ответа.

Вскоре прибыл новый посол, старший куродо.

На этот раз император прислал настоятельное письмо и канцлеру тоже. Государыне пришлось повиноваться.

Во все время церемонии из галереи вдовствующей императрицы-матери то и дело приносили моей госпоже послания в духе старой песни о солеварне Тика́ и разные красивые подарки, а государыня отвечала тем же. Радостно было глядеть на это.

Когда кончилась служба, вдовствующая императрица изволила уехать к себе, но на этот раз в сопровождении только половины прибывшей с ней сановной свиты.

Фрейлины, служившие молодой государыне, не знали, что она направилась в резиденцию императора, вместо того чтобы воротиться в собственный дворец на Втором проспекте. Они поспешили туда. Настала поздняя ночь, но государыня все не показывалась.

Дамы с нетерпением поджидали, когда же служанки принесут им теплые ночные одеяния, а тех не слышать

и не видать. Дрожа от холода в тонких и просторных одеждах, дамы сердились, жаловались, возмущались, но без всякого толку.

На рассвете наконец явились служанки.

— Где вы были? Почему вы такие тупоголовые? — начали им выговаривать дамы.

Но служанки хором пустились в объяснения и сумели оправдаться.

На другой день после церемонии хлынул сильный дождь, и его светлость канцлер сказал императрице:

— Ну, что вы скажете? Какую счастливую карму я уготовил себе в прошлых рожденьях!

Поистине, он вправе был гордиться. Но как смогу я в немногих словах поведать о событиях былого времени, столь счастливых по сравнению с тем, что мы видим теперь? А если так, я умолчу и о тех горестных событиях, свидетельницей которых стала позже.

269. Из песен я больше всего люблю...

Из песен я больше всего люблю старинные простонародные, например, песню о воротах, возле которых растет криптомерия.

Священные песни кагура тоже прекрасны.

Но «песни на современный лад» — имаё-ута — какие-то странные, напев у них длинный и тягучий...

270. Люблю слушать, как ночной страж...

Люблю слушать, как ночной страж объявляет время. Посреди темной холодной ночи приближаются шаги: топ-топ-топ. Шаркают башмаки, звенит тетива лука, и голос в отдалении выкликает:

— Я такой-то по имени, из такого-то рода. Час Быка, третья четверть. Час Мыши, четвертая четверть.

Слышно, как прибывают таблицу с обозначением времени к «столбу часов».

Есть у этих звуков странное очарование.

Простые люди узнают время по числу ударов гонга и говорят:

— Час Мыши — девять. Час Быка — восемь.

271. В самый разгар полудня...

В самый разгар полудня, сияющего солнцем, или в поздний час, быть может, в самую полночь, когда царственная чета уже должна была удалиться на покой, радостно услышать возглас государя: «Эй, люди!»

Радостно также, когда глубокой ночью до слуха донесутся звуки флейты, на которой играет император.

272. Тюдзё Наринобу — сын принца-монаха...

Тюдзё Наринобу — сын принца-монаха, бывшего некогда главой военного ведомства, обладает красивой наружностью и приятным нравом.

Какую боль должна была почувствовать дочь губернатора провинции Иё, когда Наринобу покинул ее и бедняжке пришлось уехать со своим отцом и похоронить себя в глуши.

Узнав, что она тронется в путь с первыми лучами зари, Наринобу, нет сомнения, пришел к ней накануне вечером. До чего же он, наверно, был хорош в своем шел-

ковом кафтане, когда прощался с ней при бледном свете предрассветного месяца!

Он частенько наведывался ко мне потолковать и с полной откровенностью называл черное черным, рассуждая о поведении некоторых близких ему osób.

Была при дворе одна дама,— звали ее Хёбу,— которая усердно соблюдала День удаления от скверны.

Она желала, чтоб ее именовали не иначе как родовым прозвищем Тэйра, потому, видите ли, что ее удочерила какая-то семья, принадлежащая к этому роду.

Но молодые дамы смеялись над такими претензиями и нарочно называли эту даму именем подлинного ее рода.

Внешности она была ничем не примечательной, до красавицы далеко, но в обществе держалась неглупо и с достоинством.

Государыня как-то раз заметила, что насмехаться над человеком непристойно, но из недоброжелательства никто не передал ее слов молодым фрейлинам.

В то время я проживала во дворце на Первом проспекте, где мне была отведена маленькая, очень красивая комната возле веранды, глядевшая прямо на Восточные ворота. Я делила ее с Сикибу-но омото, не разлучаясь с ней ни днем, ни ночью, и мы не допускали к себе никого из неприятных нам людей. Сама государыня нередко навещала нас.

Однажды мы решили провести ночь в главном здании и улеглись рядом в передних покоях на южной стороне дворца.

Вскоре кто-то начал громко звать меня, но мы не хотели вставать и сделали вид, что спим.

Однако посетитель не унимался.

— Разбудить их, они притворяются,— приказала императрица.

Эта самая Хёбу явилась к нам и начала толкать и звать, но мы не шелохнулись.

Она пошла сказать гостю:

— Я не могу их добудиться,— потом уселась на веранде и завела с ним разговор. Мы думали, это ненадолго, но часы текли, забрезжил рассвет, а беседе их все не было конца.

— А ведь это Наринобу,— с приглушенным смешком шепнула мне Сикибу-но омото, но гость на веранде оставался в блаженном неведении, думая, что мы ничего не слышим.

Наринобу провел в беседе всю ночь и ушел только на заре.

— Что за ужасный человек! — говорила Сикибу-но омото. — Пусть теперь придет к нам, не добьется от меня ни слова. И о чем, хотела бы я знать, толковали они всю ночь напролет?

Но тут вдруг Хёбу отодвинула скользящую дверь и вошла к нам. Она услышала, что мы говорим о чем-то в столь ранний час.

— Человек явился на свидание, не испугавшись проливного дождя, как не пожалеть его? Пускай за ним в прошлом водились вины, но, по-моему, можно простить ему любые прегрешения за то, что он пришел в ненастную ночь, промокший до нитки.

С какой стати Хёбу взялась поучать меня? Положим, если возлюбленный посещал тебя и вчера, и позавчера, и третьего дня, то когда он является к тебе еще и сегодня, в проливной дождь, твое сердце тронуту... Так, значит, он не в силах разлучиться с тобой ни на единую ночь.

Но если он долгое время не показывался на глаза, оставив тебя терзаться неизвестностью, и вдруг пожаловал в дождливую ночь, то позволительно усомниться в его искренности. Впрочем, каждый судит по-своему.

Наринобу любит беседовать с одной женщиной, которая много видела, много знает, наделена пронизательным умом и (как ему кажется) отзывчивым сердцем. Но он посещает еще и других дам, есть у него и законная жена. Часто приходиться он не может.

И все же он вдруг явился в такую ужасную погоду! Уж не рассчитывал ли он, что свет заговорит с похвалой о его постоянстве? Но зачем он стал бы изобретать такие хитрые уловки, чтобы произвести впечатление на женщину, к которой совсем равнодушен?

Как бы там ни было, когда идет дождь, меня душит тоска. Я забываю, что всего лишь вчера радовалась ясному и чистому небу. Все вокруг мне кажется таким мрачным даже в роскошных покоях дворца. А если уютивший меня дом не отличается красотой, тогда я думаю только об одном: «Скорей бы, скорее кончился этот несносный дождь!»

Порою на душе у меня бывает смутно, ничто не радует, ничто не волнует меня, и только лунный свет по-

прежнему имеет власть надо мной. Я теряюсь мыслями в прошлом, уношусь в будущее. Передо мной так ясно, как никогда, встают картины, прекрасные или печальные. Вот если какой-нибудь человек вспомнит обо мне и посетит меня в лунную ночь, я буду безмерно ему рада, хотя бы он до того не бывал у меня десять или двадцать дней, месяц, год или даже долгих семь-восемь лет.

Пусть даже он посетит меня в таком доме, где мне нельзя принять гостя, где надо опасаться чужих глаз, я все равно обменяюсь с ним словами, хотя бы пришлось вести беседу, стоя на ногах, а если есть возможность приютить его на ночь, непременно удержу до утра.

Когда я гляжу на светлую луну, я вспоминаю о тех, кто далеко, в памяти воскресает давно забытое. Я снова, как будто это случилось сейчас, переживаю радости, тревоги, волнения былых дней.

Повесть «Комано», по моему мнению, не из лучших, язык устарел, она скучновата, но мне нравится место, где герой, вспоминая былое, достает летний веер, источенный молью, и читает стихи:

Спокойно коню доверюсь...

Оттого ли, что дождь кажется мне унылым и непоэтичным, но я ненавижу его, даже если из пролетной тучки брызнет несколько капель. Стоит только полить дождю — и все пропало! Самые великолепные церемонии, самые удивительные праздничные зрелища теряют всякий смысл. Так почему же я непременно должна была прийти в восторг, когда ко мне явился человек, вымокший с головы до ног?

Возлюбленный девушки Отикуб, тот самый, который посмеивался над господином Катанб, вот кто мне по душе!

Он пришел не только в дождливую ночь, но посещал свою любимую и накануне, и третьего дня, — это и достойно похвалы. Но неприятно читать, как он мыл ноги. До чего же они были залеплены грязью!

Когда меня посетит друг в ненастную бурную ночь, веришь его любви, и на душе становится радостно!

Но особенно я счастлива, если гость придет ко мне в снежную ночь.

Как чудесно, когда мужчина является к своей возлюбленной, весь запорошенный снегом, шепча стих из песни:

Сумею ли забыть?

Тайное свидание, само собой, больше волнует сердце, чем обычный визит, на глазах у всех, но в обоих случаях женщина чувствует радостную гордость.

Его занесенные снегом одежды выглядят так необычно! Все на нем покажется прекрасным: «охотничья одежда», светло-зеленый наряд куродо и, уж разумеется, придворный кафтан. Даже будничный короткий кафтан, какие носят куродо шестого ранга, не оскорбит глаз, если он влажен от снега.

Бывало, раньше куродо ночью в любую погоду являлись на свидание к дамам в своих лучших одеждах и, случалось, выжимали из них воду струей.

Теперь они и днем их не наденут. Какое там, приходят к даме в самом будничном виде.

А уж до чего хороши были куродо в одежде начальников гвардии!

Впрочем, боюсь, что после моих слов любой мужчина сочтет своим долгом отправиться к своей возлюбленной под проливным дождем.

В ясную ночь, когда ослепительно горит луна, кто-то бросил письмо в покои, где спит дама. На листке великолепной алой бумаги написано только: «Пускай не знаешь ты...»

При свете луны дама читает эти слова. Прекрасная картина!

Разве это могло бы случиться в темную дождливую ночь?

273. Один человек всегда посылал мне письмо...

Один человек всегда посылал мне письмо на другое утро после любовной встречи.

Но вдруг он сказал мне:

— К чему лишние слова? Обойдемся без долгих объяснений. Мы встретились в последний раз. Прощайте!

На другой день от него ни слова.

Обычно он спешил прислать письмо с первыми лучами зари. Не удивительно, что я провела весь день в тоске.

«Значит, его решение твердо», — думала я.

На второй день с утра зарядил дождь. Настал полдень, а вестей все не было.

«Всею конец, он больше меня не любит», — сказала я себе.

Вечером, когда я в сумерках сидела на веранде, слуга, прятаясь под большим зонтом, принес мне письмо. С каким нетерпением я открыла его и прочла. Там стояли лишь слова: «Как от дождей прибывает вода...»

Но сотни стихотворений не могли бы мне сказать больше!

274. Сегодня утром на небе не было ни облачка...

Сегодня утром на небе не было ни облачка, но вскоре его заволокли тяжелые тучи, все кругом потемнело, пошел густой снег, и на душе стало так грустно! Скоро выросли белые горы, а снег все сыпал и сыпал с прежней силой.

Вдруг я увидела человека с тонким и стройным станом, по виду из телохранителей какого-нибудь знатного господина. Прикрываясь зонтом от снега, он вошел во двор сквозь боковую дверцу в ограде, и я с любопытством наблюдала, как он вручил письмо той, кому оно предназначалось. Письмо было написано на листке бумаги Митинку или, может быть, на белом листке с узорами, сложено в узкую полоску и завязано узлом. Тушь, видимо, замерзла от холода, и черта, проведенная вместо печати, к концам становилась заметно тоньше. Там, где был затянут узел, бумага смялась и волнилась мелкими морщинками.

Местами тушь чернела густыми пятнами, а кое-где шли тонкие бледные штрихи. Строки тесно лепились друг к другу на обеих сторонах листка.

Дама читала и перечитывала письмо снова и снова. Но вот удивительно, мое дело было сторона, а я волновалась: что говорилось в этом письме? Иногда дама чему-то улыбалась, и тогда любопытство разбирало меня еще сильнее.

Но я стояла слишком далеко и могла смутно догадываться лишь, что означают слова, четко написанные черной тушью.

* * *

Женщина, прекрасная лицом, с длинной челкой волос на лбу, получила письмо ранним утром, когда еще не рассеялся ночной сумрак. Она не в силах дожидаться, пока зажгут огонь в лампе, но берет щипцами горящий уголек из жаровни и при его тусклом свете напряженно вглядывается в строки письма, пробуя хоть что-нибудь разобрать.

До чего она хороша в это мгновение!

275. Какой страх и трепет внушают «стражи грома»...

Какой страх и трепет внушают «стражи грома» во время грозы!

Старшие, вторые и младшие начальникилевой и Правой гвардии, не жалея себя, стоят на посту перед дворцом.

Когда гром затихнет, один из старших начальников отдает воинам приказ удалиться.

276. Накануне праздника весны...

Накануне праздника весны пришлось ехать кружным путем, чтобы избежать «неблагоприятного направления».

Возвращаешься домой уже поздней ночью. Холод пробирает до того, что, как говорится, вот-вот подбородок отмерзнет.

Наконец ты дома. Торопишься придвинуть к себе круглую жаровню. Как чудесно, когда она вся пылает огнем, ни одного черного пятна. Но еще приятней выгребать горящие угли из тонкого слоя пепла.

Вдруг, увлеченная разговором, заметишь, что огонь погас.

Явится служанка, к твоей досаде, навалит сверху угли горой и раздует огонь. Хорошо еще, если она догадается положить угли кольцом вдоль края, чтобы жар пылал в середине.

Я не люблю также, когда горящие угли сгребают кучей в середину, а сверху насыпают новые...

277. Однажды намело высокие сугробы снега

Однажды намело высокие сугробы снега. Против обыкновения, верхние створки ситоми утром не были подняты. В большой четырехугольной жаровне разожгли огонь, и придворные дамы во главе с самой императрицей уселись вокруг нее, оживленно беседуя.

— Скажи мне, Сёнагон,— спросила императрица,— каковы сегодня снега на вершине Сянлу?

Я велела открыть окно и сама высоко подняла плетеную занавеску.

Государыня улыбнулась.

— Но ведь и мы тоже хорошо знали эту китайскую поэму,— заговорили другие дамы,— и ее часто перелагали в японские стихи. Просто не сразу вспомнили:

Вижу, подняв занавеску,
Снег на вершине Сявлу.

Да, вы, Сёнагон, достойны служить такой императрице, как наша!

278. Мальчики, которые помогают заклинателю демонов...

Мальчики, которые помогают заклинателю демонов, отлично знают свое дело.

Когда совершается обряд очищения, заклинатель читает молитвословия богам, а присутствующие благоговейно ему внимают.

Не успеет он сказать: «Побрызгайте вином или водой»,— как мальчики проворно вскакивают с мест и выполняют все, что надо.

Ведь бывают же смышленные люди, кому и приказывать не надо. С каким удовольствием я наняла бы их к себе на службу!

279. Как-то раз в пору третьей луны...

Как-то раз в пору третьей луны я провела Дни удаления в доме одного своего знакомого. Это было скромное жилище в глухом месте. Сад не мог похвастаться красивыми деревьями. Одно из них называли ивой, но не было

у этого дерева очарования настоящей ивы, листья торчали широкие, уродливые.

— Вряд ли это ива,— заметила я.

— Но право же, бывают такие,— уверяли меня.

В ответ я сложила стихи:

Как дерзко, как широко
Ива размалевала
Тонкие брови свои
В этом саду весна,
Боюсь, лицо потеряет.

В другой раз я снова отправилась провести Дни удаления в столь же скромном жилище.

Уже на второй день мне стало так тоскливо, что казалось, я и часа там не выдержу.

Вдруг — о счастье! — ко мне пришло письмо.

Госпожа сайсё красиво начертала на листке тонкой зеленой бумаги стихотворение, сложенное императрицей:

Как жить я могла, скажи,
Долгие, долгие годы,
Пока не узнала тебя?
Теперь я едва живу,
А мы лишь вчера расстались...

А внизу госпожа сайсё приписала:

«Каждый день разлуки с вами длится тысячу лет.
Скорее, с первыми лучами рассвета, спешите к нам!»

Добрые слова госпожи сайсё доставили мне большую радость. Тем более не могло меня оставить равнодушной послание императрицы.

Я сочинила в ответ стихотворение:

Так, значит, печальна ты
В своих заоблачных высях?
Пойми же, с какою тоской
Гляжу я на день весенний
В убогом домишке моем!

А госпоже сайсё я написала:

«Боюсь, что этой же ночью меня постигнет судьба младшего военачальника: не доживу до утра».

Я вернулась во дворец на рассвете.

— Мне не очень понравилась в твоём вчерашнем стихотворении строка: «Пойми же, с какою тоской...» Все дамы тоже нашли ее неуместной,— сказала императрица.

Я сильно опечалилась, но, вероятно, государыня была права.

280. В двадцать четвертый день двенадцатой луны...

В двадцать четвертый день двенадцатой луны щедротами императрицы состоялось празднество Поминовения святых имен Будды.

Прослушав первую полуночную службу, когда сутры читал главный священник клира, некие бывшие там люди — и я вместе с ними — глубокой ночью поехали домой.

Несколько дней подряд шел сильный снег, но теперь он перестал. Подул порывистый ветер. Земля кое-где пестрела черными пятнами, но на кровлях снег повсюду лежал ровным белым слоем.

Даже самые жалкие хижинки казались прекрасными под снежной пеленой. Они так сверкали в лучах предрастветного месяца, словно были крыты серебром вместо тростника. Повсюду виднелось такое множество сосулук, коротких и длинных, словно кто-то нарочно развесил их по краям крыш. Хрустальный водопад сосулук! Никаких слов не хватает, чтобы описать великолепие этой картины.

В нашем экипаже занавесок не было. Плетеные шторы, поднятые кверху, не мешали лучам луны свободно проникать в его глубину, и они озаряли многоцветный наряд сидевшей там дамы. На ней было семь или восемь одежд: бледно-пурпурных, белых, цвета алых лепестков сливы... Густой пурпур самой верхней одежды сверкал и переливался ярким гляncем в лунном свете.

А рядом с дамой сидел знатный вельможа в шароварах цвета спелого винограда, плотно затканых узором, одетый во множество белых одежд. Широкие разрезы его рукавов позволяли заметить еще и другие одежды, алые или цвета ярко-желтой керрии. Ослепительно-белый кафтан распахнут, завязки его распушены, сбегают с плеч, свешиваются из экипажа, а нижние одежды свободно выбиваются красивыми волнами. Он положил одну ногу в шелковой штанине на передний борт экипажа. Любой встречный путник, наверно, не мог не залюбоваться его изящной позой.

Дама, укрываясь от слишком яркого лунного света, скользнула было в самую глубину экипажа, но мужчина, к ее великому смущению, потянул ее туда, где она была открыта чужим взорам.

А он снова и снова повторял строку из китайской поэмы:

Холодом-холодом вея,
Стелется тонкий ледок...

О, я готова была бы глядеть на них всю ночь! Как жаль, что ехать нам было недалеко.

281. Когда придворные дамы отпросятся в гости...

Когда придворные дамы отпросятся в гости и, собравшись большой компанией, начнут с похвалой говорить о своих господах или обсуждать последние дворцовые новости и происшествия в большом свете, с каким интересом и удовольствием слушает их хозяйка дома!

Я хотела бы жить в большом, красивом доме. Моя семья, разумеется, жила бы со мной, и я бы поселила в просторных покоях моих приятельниц — придворных дам, с которыми я могла бы приятно беседовать. Мы собирались бы в свободное время, чтобы обсудить новое стихотворение или обменяться мнениями по поводу разных событий.

Если одна из нас получит письмо, мы прочтем его вместе и сочиним ответ.

А если даму посетит возлюбленный, он будет принят в нарядно украшенных покоях. В дождливую ночь я любезно попрошу его остаться.

Когда же настанет время провожать любую из моих подруг на службу во дворец, я позабочусь, чтобы все ее желания были исполнены...

Но все это, знаю, только дерзкая мечта!

282. Те, кто перенимает чужие повадки

Люди, которые заразились зевотой.
Дети.

283. То, что не внушает доверия

Притворщики. Они кажутся более чистосердечными,
чем люди, которым нечего скрывать.
Путешествие на корабле.

284. День стоял тихий и ясный

День стоял тихий и ясный. Море было такое спокойное, будто натянули блестящий бледно-зеленый шелк, и нас ничто не страшило.

В лодке со мной находились девушки-служаночки в легких одеждах с короткими рукавами и штанах-хакама и совсем еще молодые слуги.

Они дружно налегали на весла и гребли, распевая одну песню за другой.

Чудо, как хорошо! Вот если бы кто-нибудь из людей светского круга мог увидеть, как мы скользили по воде!

Но вдруг налетел вихрь, море начало бурлить и хлопотать. Мы себя не помнили от страха. Гребцы изо всех сил работали веслами, торопясь направить лодку к надеж-

ной гавани, а волны заливали нас. Кто поверит, что это бушующее море всего лишь мгновение назад было так безмятежно и спокойно?

Вот почему к мореходам нельзя относиться с пренебрежением. Казалось бы, на их утлых суденышках не отважишься плавать даже там, где совсем мелко. Но они бесстрашно плывут на своих скорлупках над глубокой пучиной, готовой вот-вот поглотить их. Да еще и нагружают корабль так тяжело, что он оседает в воду по самые края.

Лодочники без тени страха ходят и даже бегают по кораблю. Со стороны кажется, первое волнение — и всему конец, корабль пойдет на дно, а они, громко покрикивая, бросают в него пять-шесть огромных сосновых бревен в три обхвата толщиной!

Знатные люди обычно плавают в лодке с домиком. Приятно находиться в глубине его, но если стоять возле борта, то голова кружится. Веревки, которые служат для укрепления весел, кажутся очень слабыми. Вдруг одна из них лопнет? Гребец будет внезапно сброшен в море! И все же более толстые веревки не в ходу.

Помню, я однажды путешествовала в такой лодке. Домик на ней был очень красиво устроен: двери с двумя створками, ситоми поднимались. Лодка наша не так глубоко сидела в воде, как другие, когда кажется, что вот-вот уйдешь на дно. Я словно была в настоящем маленьком доме.

Но посмотришь на маленькие лодочки — и ужас возьмет! Те, что вдалеке, словно сделаны из листьев мелкого бамбука и разбросаны по воде.

Когда же мы наконец вернулись в нашу гавань, на всех лодках зажгли огни,— зрелище необычайной красоты!

На рассвете я с волнением увидела, как уходят в море на веслах крошечные суденышки, которые зовут сампанами. Они растаяли вдали. Вот уж поистине, как говорится в песне, «остался только белопенный след»!

Я думаю, что знатым людям не следует путешествовать по морю. Опасности подстерегают и пешехода, но все же, по крайней мере, у него твердая земля под ногами, а это придает уверенности.

Море всегда вселяет жуткое чувство.

А ведь рыбачка-ама ныряет на самое дно, чтобы собирать там раковины. Тяжелое ремесло! Что будет с ней, если порвется веревка, обвязанная вокруг ее пояса?

Пусть бы еще мужчины занимались этим трудом, но для женщин нужна особая смелость.

Муж сидит себе в лодке, беспечно поглядывая на плывущую по воде веревку из коры тутового дерева. Не видно, чтоб он хоть самую малость тревожился за свою жену.

Когда рыбачка хочет подняться на поверхность моря, она дергает за веревку, и тогда мужчина торопится вытащить ее как можно скорей. Задыхаясь, женщина цепляется за край лодки... Даже посторонние зрители невольно роняют капли слез.

До чего же мне противен мужчина, который опускает женщину на дно моря, а сам плывет в лодке! Глаза бы мои на него не смотрели!

285. У одного младшего начальника Правой императорской гвардии...

У одного младшего начальника Правой императорской гвардии был отец самого низкого звания. Молодой человек стыдился своего отца и, заманив его на корабль якобы для того, чтобы отвезти из провинции Иё в столицу, утопил в морских волнах.

Люди говорили об этом с ужасом и отвращением: «Поистине, нет ничего на свете более мерзостного, чем человеческое сердце!»

И вот этот самый жестокосердный сын заявил, что собирается устроить торжество в день праздника Бон — поминовения усопших, — и начал усердно к нему готовиться.

Когда его святейшеству Домэй рассказали об этом, он сложил стихотворение, которое мне кажется превосходным:

Он вверг отца в пучину моря,
А ныне с пышностью справляет праздник Бон,
Где молятся о тех,
Кто ввергнут в бездну ада!
Какое зрелище печальное для глаз!

286. Матушка светлейшего господина Охара...

Матушка светлейшего господина Охара однажды услышала, что в храме Фумбндзи читались «Восемь поучений».

На другой день во дворце Оно собралось множество гостей. Развлекались музыкой, сочиняли китайские стихи.

Она же сложила японскую песню:

Мы рубили дрова,
Как во время оно Учитель святой,
Но прошла та пора.
Так в чертогах Оно начнем пировать,
Пока не сгниет рукоять топора.

Замечу, что это прекрасное стихотворение было, как видно, потом записано по памяти.

287. Когда принцесса, мать Аривара-но Нарихира...

Когда принцесса, мать Аривара-но Нарихира, находилась в Нагабэка, он служил при дворе и не навещал ее. Однажды во время двенадцатой луны от принцессы пришло письмо. Нарихира раскрыл его. В нем было лишь следующее стихотворение:

Все больше старею я.
Все чаще думаю, что никогда,
Быть может, не свижусь с тобой...

Эти строки глубоко трогают мое сердце.
Что же должен был почувствовать Нарихира, когда прочел их?

288. Я переписала в свою тетрадь стихотворение...

Я переписала в свою тетрадь стихотворение, которое показалось мне прекрасным, и вдруг, к несчастью, слышу, что его напеваает простой слуга...

Какое огорчение!

289. Если служанка начнет расхваливать человека...

Если служанка начнет расхваливать человека благородного звания: «Ах, он такой милый, такой обходительный!» — тот сразу упадет в моих глазах. И наоборот, только выиграет, если служанка станет его бранить.

Сходным образом чрезмерные похвалы со стороны слуги могут повредить доброй славе дамы.

Да и к тому же когда такие люди примутся хвалить, то непременно вернут какую-нибудь глупость.

290. Младших начальников Левого и Правого отрядов...

Младших начальников Левого и Правого отрядов дворцовой стражи прозвали «надсмотрщиками» и порядочно их побаиваются.

Совершая ночной обход, они вторгаются в покои придворных дам и заваливаются там спать.

Это отвратительно!

Вешают на церемониальный занавес свои холщовые штаны и длинную одежду, скрученную в безобразный узел... Неблагопристойный вид!

Впрочем, эта самая одежда падает красивыми складками, прикрывая ножны меча, когда начальники стражи проходят мимо по двору. Они выглядели бы совсем молодцами, если бы могли, подобно молодым куродо, всегда носить светло-зеленые одежды.

«Когда прощался он, еще был виден предрассветный месяц»,— сказал кто-то в песне о молодом куродо.

291. Однажды вечером дайнагон Корэтика...

Однажды вечером дайнагон Корэтика стал почти-тельно докладывать императору о китайских классиках и, как всегда, задержался в покоях государя до поздней ночи.

Придворные дамы удалились одна за другой, чтобы прилечь где-нибудь за ширмами или занавесом и соснуть немного.

Я осталась в одиночестве бороться с одолевавшей меня дремотой.

Слышу, ночной страж возгласил:

— Час Быка, последняя четверть.

«Уже светает»,— сказала я про себя.

— О, если так,— заметил дайнагон,— вам, государь, незачем ложиться в постель.

Он даже и не помышлял о том, что надо идти спать.

«Вот горе! Что он говорит? — ужаснулась я.— Были бы здесь другие дамы, кроме меня, я бы уж как-нибудь ухитрилась незаметно прилечь на отдых».

Между тем государь вздремнул, прислонившись к колонне.

— Нет, вы только посмотрите на него! — воскликнул дайнагон.— На дворе утро, а он изволил опочить.

— В самом деле! — смеясь, вторила брату императрица. Но государь не слушал их.

Случилось так, что девушка, бывшая на побегушках у старшей служанки, поймала накануне петуха и спрятала у себя в клетушке.

«Утром отнесу своим в деревню»,— думала она.

Но собака заметила петуха и погналась за ним. Петух взлетел на высокую полку под потолком галереи и пронзительным криком перебудил всех во дворце.

Государь тоже очнулся от сна:

— Что это? Как попал сюда петух?

Дайнагон Корэтика продекламировал в ответ стих из китайской поэмы:

Будит криком просвещенного монарха...

Великолепно! Даже у меня, скромной прислужницы, неискушенной в науках, глаза широко открылись от восторга. Дремоты как не бывало.

Император с императрицей тоже были восхищены.

— Цитата как нельзя более отвечает случаю,— говорили они.

В самом деле, такая находчивость поразительна!

На следующий вечер государыня удалилась в опочивальню императора. Посреди ночи я вышла в галерею позвать мою служанку.

Ко мне подошел дайнагон Корэтика.

— Вы идете к себе? Позвольте проводить вас.

Повесив церемониальный шлейф и китайскую накидку на ширмы, я пошла с ним.

В ярком сиянии луны ослепительно белел его кафтан. Шаровары были так длинны, что он наступал на них.

Иногда, схватив меня за рукав, он восклицал:

— Не упадите! — и осторожно вел дальше.

По дороге дайнагон чудесно скандировал китайские стихи:

Путник идет вдаль при свете ущербной луны.

Я вновь была до глубины души взволнована.

Это заставило дайнагона засмеяться:

— Легко же вас привести в восторг таким пустяком!

Но как я могла остаться равнодушной?

292. Однажды, когда я находилась в покоях принцессы Микусигэдоно...

Однажды, когда я находилась в покоях принцессы Микусигэдоно вместе с Мамá, кормилицей ее брата епископа Рюэн, к веранде подошел какой-то человек.

— Со мной приключилась страшная беда, — слезливо заговорил он. — Кому здесь могу я поведать о своем горе?

— Ну, в чем дело? — осведомилась я.

— Отлучился я из дому ненадолго, а за это время стгорел дотла мой домишко. Сперва занялся сарай с сеном для императорских конюшен, а стоял он совсем рядом, за плетнем. Огонь-то и перекинулся на мой домик. Так полыхнуло, чуть моя жена в спальне не стгорела. А добро все пропало, ничего спасти не удалось... — тягуче жаловался он.

Мы все начали смеяться, и принцесса Микусигэдоно тоже.

Я тут же сочинила стихотворение:

Только ли спальню спалит?
Все подожжет без остатка
Солнце летнего дня:
Сеновал и реки синий вал...
Бегут огоньками побеги.

Бросив листок со стихами молодым фрейлинам, я попросила:

— Передайте ему!

Дамы с шумом и смехом сунули ему листок:

— Одна особа пожалела тебя, услышав, что ты погорел... Получи!

Проститель взял листок и уставился на него:

— Какая-то запись, не пойму! Сколько по ней мне причитается получить?

— А ты сперва прочти, — посоветовала одна из фрейлин.

— Как я могу? Я слеп на оба глаза.

— Покажи другим, а нам недосуг. Нас зовет императрица. Но о чем ты беспокоишься, скажи пожалуйста, получив такую замечательную бумагу?

Заливаясь смехом, мы отправились во дворец. Там мы рассказали обо всем императрице.

Этот человек, уж наверно, показал кому-нибудь листок со стихами. Можно вообразить, в какой он сейчас ярости!

Государыня, глядя на нас, тоже не могла удержаться от смеха:

— Ну, почему вы ведете себя так сумасбродно?

293. Один молодой человек лишился своей матери

Один молодой человек лишился своей матери. Его отец прежде очень любил сына, но с тех пор, как взял себе новую жену, по ее злобному наущению, совсем переменился к нему и даже не допускает в главные покои дома.

Лишь старая кормилица да родные покойной матери заботятся о том, чтобы он был пристойно одет.

В западном и восточном павильонах дома находятся красивые комнаты для гостей. Молодой человек живет в одной из них. Она богато убрана: есть в ней и ширмы, и сѣдзи с картинами.

Во дворце к нему благосклонны. Люди говорят, что он исправен по службе. Сам император нередко зовет его и приглашает принять участие в концертах.

Но он вечно задумчив и печален, ничто для него не мило... В своем горе он предался самым пагубным страстям.

Есть у него младшая сестра, которую с беспримерной силой любит один из знатнейших сановников. Только ей рассказывает он о своих сердечных делах, и она для него в целом мире единственное утешение.

294. Некая придворная дама была в любовном союзе...

Некая придворная дама была в любовном союзе с сыном правителя провинции Тотóми. Услышав, что возлюбленный ее навещает другую фрейлину, служившую вместе с ней в одном дворце, она пришла в сильный гнев.

— «Я могу поклясться тебе головой своего отца! Все пустые сплетни. Я и во сне ее не видел»,— уверял он меня. Что мне сказать ему? — спрашивала дама своих подруг.

Я сложила для нее следующее стихотворение:

Призови в свидетели богов
И отца — правителя Тогоми,
Там, где мост построен Хаманá,
Но ужель, скажи мне, я поверю?
Ты к другой давно построил мост.

295. Однажды я беседовала с одним мужчиной...

Однажды я беседовала с одним мужчиной в доме, где мне следовало опасаться нескромных глаз.

Сердце мое тревожно билось.

— Отчего вы так взволнованы? — спросил он меня.

Я ответила ему:

Как на «Заставе встреч»
Невидимо бьет источник
В «Колодце бегущей воды»,
Так сильно бьется сердце мое.
Вдруг люди найдут потаенный ключ?

296.—Правда ли, что вы собираетесь уехать?..

— Правда ли, что вы собираетесь уехать в деревенскую глушь? — спросил меня кто-то.

Вот что я сказала в ответ:

И в мыслях я не держу
Уйти в далекие горы,
Где вечно шепчет сосна.
Молва ли вам нашептала?
Привиделось ли со сна?

297. То, что ночью кажется лучше, чем днем

Блестящий глянец темно-пурпурных шелков.

Хлопок, собранный на поле.

Волосы дамы, красивыми волнами падающие на высокий лоб.

Звуки семиструнной цитры.

Люди уродливой наружности, которые в темноте производят приятное впечатление.

Голос кукушки.

Шум водопада.

298. То, что проигрывает при свете огня

Пурпурная парча. Цветы глициний. И вообще все вещи пурпурно-лиловых оттенков.

Багрянец теряет свой цвет лунной ночью.

299. То, что неприятно слушать

Когда люди с неприятным голосом громко разговаривают и смеются. Невольно думаешь, что они ведут себя бесцеремонно.

Когда заклинатель сонно бормочет молитвы.

Когда женщина разговаривает в то время, как чернит себе зубы.

Когда какой-нибудь скучный человек бормочет что-то с полным ртом.

Когда учатся играть на бамбуковой свирели.

300. Возле дома росли высокие сосны

Возле дома росли высокие сосны. Решетки ситомы были подняты с южной и восточной стороны, в главные покои лилась прохлада.

Там был поставлен церемониальный занавес высотой в четыре сяку, а перед ним положена круглая соломенная подушка. На ней сидел монах лет сорока, красивый собой и щеголевато одетый, в черной рясе и оплечье из тонкого шелка. Обмахиваясь веером цвета желтоватой гвоздики, он непрерывно читал заклинания — дхарани.

Видимо, кого-то в доме жестоко мучил злой демон.

В комнату на коленях вползла служанка, высокая и сильная, в светлом платье из шелка-сырца и длинных штанах. В нее-то и должен был переселиться злой дух.

Она села позади небольшого занавеса, отгораживающего часть комнаты. Повернувшись к девушке, монах протянул ей небольшой блестящий жезл и начал нараспев возглашать заклинания.

Собралось множество придворных дам, чтобы следить за ходом исцеления. Они пристально глядели на девушку. Вскоре ее начала бить дрожь, и она потеряла сознание. Все почувствовали священный ужас при виде того, как молитвы обретают все большую и большую силу.

В покои были допущены родные и близкие девушки. Исполненные благоговения, они все же были встревожены. «Как смутилась бы девушка,— думали они,— будь она в памяти».

Сама она не страдает, это они знали, но все же терзались жалостью, слушая ее стонами, плач и вопли. Подруги служанки, полные сочувствия, сели возле нее и стали оправлять на ней одежду.

Тем временем больной женщине, из которой изгнали демона, стало заметно легче. Монах потребовал горячей воды. Юные прислужницы бегом принесли из глубины дома кувшинчик с горячей водой, тревожно поглядывая на больную. На них были легкие одежды и шлейфы нежных оттенков, сохранившие всю свою свежесть. Прелестные девушки!

Наконец, монах заставил демона просить о пощаде и отпустил его.

— О, я ведь думала, что сижу позади занавеса... Как же я очутилась перед ним на глазах у всех? Что случилось со мной? — в страхе и смущении восклицала молодая служанка.

Подавленная стыдом, она завесила лицо прядями длинных волос и хотела скрыться...

— Обожди! — остановил ее монах и, прочитав несколько заклинаний, спросил: — Ну, как теперь? Хорошо ли ты себя чувствуешь? — И он улыбнулся ей.

Но девушка все еще не могла оправиться от смущения.

— Я бы остался здесь еще, но наступает время вечерней молитвы.

И с этими словами монах хотел удалиться. Люди в доме пытались его удержать.

— Побудьте еще немного,— просили они, но монах слишком спешил.

Придворная дама, как видно, занимавшая высокое положение в этом доме, появилась возле опущенной шторы.

— Мы вам очень благодарны за ваше посещение, святой отец,— сказала она.— Наша больная была на краю

гибели, но силою ваших молитв она теперь получила исцеление. Это великая радость для нас. Может быть, завтра вы найдете время вновь посетить нас?

— Боюсь, что демон этот очень упрям,— кратко ответил монах.— Надо не ослаблять бдительности. Я очень рад, что мои молитвы помогли.

И он удалился с таким торжественным видом, что можно было подумать, сам Будда вновь снизошел на землю...

301. Приятно иметь у себя на службе много юных пажей...

Приятно иметь у себя на службе много юных пажей с красивыми челками, юношей постарше, у которых уже растут бороды, но волосы еще на удивление прекрасны, и рыжих силачей для тяжелых работ, обросших волосами до того, что страх берет!

Как замечательно было бы с такой свитой все время посещать то один дворец, то другой, где тебя ждут, на тебя уповают! Согласись даже в монахи пойти, лишь бы жить такой жизнью.

302. Сад возле обветшавшего дома...

Сад возле обветшавшего дома густо зарос полынью и сорными травами, но в ярком сиянии луны не сыщешь в нем ни одного темного уголка.

Луна глядит сквозь старую дощатую крышу. И всю ночь слышится тихий шум легкого ветра...

303. Как печальны долгие дожди пятой луны...

Как печальны долгие дожди пятой луны в старом саду, где пруд весь зарос душистым тростником, водяным рисом и затаян зеленой ряской. Сад вокруг него тоже однотонно зеленый.

Смотришь уныло на туманное небо — и на душе такая тоска!

Заглохший пруд всегда полон грустного очарования. И до чего же он хорош в зимнее утро, когда его подернет легкий ледок!

Да, заброшенный пруд лучше того, за которым бережно ухаживают. Лишь круг луны белеет в немногих светлых окнах посреди буйно разросшихся водяных трав.

Лунный свет повсюду прекрасен и печален.

304. Когда в храме Хасэ хочешь уединиться...

Когда в храме Хасэ хочешь уединиться в отведенной для тебя келье, очень досадно видеть, как всякие мужланы рассядутся возле нее такими тесными рядами, что полы их одежд налезают друг на друга.

Помню, мое сердце исполнилось горячим желанием помолиться. Оглушенная страшным шумом горного потока, я с великим трудом и мучением поднималась по бесконечным ступеням лестницы, идущей вверх под навесом крыши, мечтая о том мгновении, когда узрю наконец светлый лик Будды.

Вдруг вижу, передо мной столпились монахи в белых рясах и какие-то люди, похожие на миномуси — «червячка в соломенном плаще». Отбивают земные поклоны, встают, опять стучаются лбами и ничуть не хотят посторониться.

Право, меня взяла такая досада, что я готова была бы, если б могла, сбить их с ног и смести в сторону!

Вот повсюду так!

Знатных вельмож сопровождает множество слуг, они разгоняют докучную толпу перед покоями своих господ, но людям, не столь высоко стоящим, вроде меня, нелегко навести порядок. Казалось бы, пора привыкнуть, но все же неприятно лишний раз в этом убедиться.

Становится не по себе, словно хорошо начищенная шпилька для волос упала в кучу мусора.

305. Нередко случается, что придворная дама...

Нередко случается, что придворная дама должна попросить у кого-нибудь экипаж, чтобы прибыть во дворец или уехать из него достойным образом.

Владелец экипажа с самым любезным видом говорит, что готов услужить, но погонщик гонит быка быстрее обычного, громко покрикивая и больно стегая его бичом. У дамы от страха душа расстается с телом...

Скороходы с недовольным видом торопят погонщика:

— Скорей, скорей, понукай быка, а то и к ночи не вернемся!

Должно быть, хозяин дал экипаж крайне неохотно, и дама мысленно говорит себе, что больше никогда в жизни не обратится к нему с просьбой.

Не таков асон Нарито. В любое время, хоть поздней ночью, хоть ранним утром, он готов предоставить даме свой экипаж без малейшей тени неудовольствия. Слуги его отлично вышколены.

Если Нарито, путешествуя ночью, заметит, что экипаж какой-нибудь дамы застрял в глубокой колее и погонщик не в силах вытащить его, сердится и бранится, он не преминет послать своих людей, чтоб те подхлестнули быка и освободили экипаж.

А тем более он любезен и предупредителен, если надо помочь знакомой даме. Тут он с особой заботой наставляет своих слуг.

306. Послесловие

Спустился вечерний сумрак, и я уже ничего не различаю. К тому же кисть моя вконец износилась.

Добавлю только несколько строк.

Эту книгу замет обо всем, что прошло перед моими глазами и волновало мое сердце, я написала в тишине и уединении моего дома, где, как я думала, никто ее никогда не увидит.

Кое-что в ней сказано уж слишком откровенно и может, к сожалению, причинить обиду людям. Опасаясь этого, я прятала мои записки, но против моего желания и ведома они попали в руки других людей и получили огласку.

Вот как я начала писать их.

Однажды его светлость Корэтика, бывший тогда министром двора, принес императрице кипу тетрадей.

— Что мне делать с ними? — недоумевала государыня. — Для государя уже целиком скопировали «Исторические записки».

— А мне бы онигодились для моих сокровенных записок у изголовья, — сказала я.

— Хорошо, бери их себе, — милостиво согласилась императрица.

Так я получила в дар целую гору превосходной бумаги. Казалось, ей конца не будет, и я писала на ней, пока не извела последний листок, о том о сем, — словом, обо всем на свете, иногда даже о совершенных пустяках.

Но больше всего я повествую в моей книге о том любопытном и удивительном, чем богат наш мир, и о людях, которых считаю замечательными.

Говорю я здесь и о стихах, веду рассказ о деревьях и травах, птицах и насекомых, свободно, как хочу, и пусть люди осуждают меня: «Это обмануло наши ожидания. Уж слишком мелко...»

Ведь я пишу для собственного удовольствия все, что безотчетно приходит мне в голову. Разве могут мои небрежные наброски выдержать сравнение с настоящими книгами, написанными по всем правилам искусства?

И все же нашлись благосклонные читатели, которые говорили мне: «Это прекрасно!» Я была изумлена.

А собственно говоря, чему здесь удивляться?

Многие любят хвалить то, что другие находят плохим, и, наоборот, умаляют то, чем обычно восхищаются. Вот истинная подоплека лестных суждений!

Только и могу сказать: жаль, что книга моя увидела свет.

Тюдзэлевой гвардии Цунэфуса, в бытность свою правителем провинции Исэ, навестил меня в моем доме.

Циновку, поставленную на краю веранды, придвинули гостю, не заметив, что на ней лежала рукопись моей книги. Я спохватилась и поспешила забрать циновку, но было уже поздно, он унес рукопись с собой и вернул лишь спустя долгое время. С той поры книга и пошла по рукам.

Комментарии

Стр. 21. Порядковые цифры обозначают номера соответствующих фрагментов — данов.

Стр. 22. *Хороши первая луна...*— В старой Японии был принят лунный календарь.

Новый год.— Согласно лунному календарю, переходящая дата. Приходится на конец января — середину февраля по современному календарю. Справлялся с большим торжеством, как праздник весны и обновления.

В седьмой день года...— Семь считалось магическим числом. В седьмой день года во дворце устраивали «Праздник молодых трав» и шествие «Белых коней». Оба эти ритуала, заимствованные из Китая, имели магическое значение. Семь трав (петрушку, пастушью сумку, хвощ и др.) варили вместе с рисом и подносили императору. Считалось, что это кушанье отгоняет злых духов, палящих болезни, и ствадавший его целый год будет невредим.

Шествие «Белых коней».— Согласно старинным поверьям, конь обладает защитной магической силой. Перед императором проводили белых коней. Число их (трижды семь) тоже имело мистическое значение. Телохранители эскорта, парадно одетые и вооруженные луком и стрелами, белили свои лица согласно придворному обычаю.

Вот один из экипажей...— Ворота, крытые кровлей, стояли на столбах, соединенных внизу поперечным брусом. Экипаж знатного человека представлял собой род арбы на двух больших колесах. Плетеный кузов, богато украшенный, даже раззолоченный, привя-

ывался к дрогам, по бокам иногда устраивались окна. Сзади и спереди кузов был открыт, но шторы и занавеси закрывали сидящих от посторонних глаз. В экипаж впрягали быка, рядом шел пегонщик, полагался также эскорт слуг и скороходов. У дворцовых ворот быка распрягали, слуги вкатывали экипаж во двор и опускали оглобли на особую подставку. Дамы, приехавшие посмотреть на какое-либо зрелище, следили за ним, не выходя из экипажа.

...возле караульни Лево́й гвардии...— Дворец охраняли три гвардейских полка: личная охрана, императорский эскорт и дворцовая стража. Каждый полк делился на два отряда: Левый (т. е. первый) и Правый (т. е. второй). Здесь идет речь о гвардии, охраняющей ворота.

Стр. 23. *Де́вять врат* (коконо́) — метафорическое название (китайского происхождения) для всей огороженной стенами запретной территории, где жил император, а также для столицы: «Как в вышине девять небес, так девять врат ведут в чертог Сына неба». Дворцовая территория вмещала в себя комплекс правительственных учреждений (дайда́йри), в центре был расположен собственно дворцовый ансамбль (да́йри).

На восьмой день Нового года...— В этот день знатым дамам жаловались дары от государя, фрейлины возводили в более высокий ранг.

Пятнадцатый день первой луны.— В этот день готовили «Яство полнолуния» (мотигаю́) — варево из мелких бобов, куда добавляли круглые рисовые колобки, символизирующие луну. *Мешалка* — длинная палочка из бузины Зибольда с бахромой из стружек, покрытая узорами, имела магическое значение. Верили, что если ударить женщину этой мешалкой, она родит мальчика. Обряд восходит к фаллическому культу.

Молодой зягь...— В хэйанскую эпоху существовал брак «цумадой», сложившийся при родовом строе, когда еще были живы пережитки матриархата. Молодой муж либо входил в семью жены, либо жена оставалась в родительском доме, а он лишь навещал ее по ночам. Старые супруги, впрочем, обычно жили вместе в доме мужа. Брак цумадой часто вел к семейным драмам. В ходу было многоженство.

Стр. 24. *Забавная сумягца...*— В середине первой луны происходила раздача официальных постов. Заседания Государственного совета длились три дня. Должности правителей провинций и многие другие посты были согласно закону сменными (на срок в четыре года), получали их главным образом по протекции.

...старший брат... императрицы.— Имеется в виду императрица Садакó, жена императора Итидзэ́ (см. предисловие).

...в кафтане «цвета вишни»...— Длинный шелковый кафтан (носи) — повседневное одеяние знатного человека. Прямокроенный, внизу заканчивался поперечной полосой материи с торчащими по сторонам концами, перехватывался узкой опояской. Воротник — невысокая стойка на пуговке, широкие рукава. Вместе с этим кафтаном носили широкие шаровары (сасинүки) и шапку из прозрачного накрахмаленного шелка. Кафтан надевался поверх нескольких других одежд. «Цвет вишни» — комбинированный: белый верх на алом или сиреневом исподе.

Стр. 25. ...во время праздника Камо.— Синтоистский храм Камо с двумя святилищами, расположенный к северу от столицы, устраивал торжественный праздник дважды в год (в четвертую и одиннадцатую луну). Первый из них иначе именуется «праздник малывы», потому что в этот день листьями китайской мальвы украшали шапки, экипажи и т. д. Праздник справлялся очень пышно, при большом стечении зрителей. Из дворца в храм Камо отправлялось торжественное шествие во главе с императорским послом.

Парадные кафтаны — церемониальное одеяние с шлейфом, длина которого регламентировалась согласно рангу.

Куродо — придворные шестого ранга (низшим считался восьмой, высшим — первый). Должность не слишком высокая, но предмет зависти многих, так как куродо прислуживали императору. Они носили особые одежды желтовато-зеленого цвета.

Стр. 26. ...ткань, не затканная узорами, выглядит убого...— Узоры на одежде были привилегией знатнейших.

Отдать своего любимого сына в монахи...— Отдавали сыновей в буддийские монахи «ради спасения души». Считалось, что родителям монаха и всему их потомству обеспечено райское блаженство вплоть до седьмого поколения.

Заклинатели — гэндзя (ямáбуси) — последователи особой буддийской секты Сюгэндó, возникшей в VIII в. и соединившей элементы синтоизма с буддизмом. Гэндзя бродили по священным местам с целью получить магические силы. Они врачевали при помощи заклинаний. Считалось, что недуг — это одержимость злым духом. Заклинатель должен был изгнать его, призывая доброго духа-защитника, т. е. являлся своего рода шаманом. В народных сказках и фарсах бродячие монахи (ямáбуси) обычно изображаются как шарлатаны и даже разбойники.

Митакэ («Священная вершина») — гора Кимбусэн в нынешней префектуре Нагано, где находился чтимый синтоистский храм. Паломники иногда уединялись на горе Митакэ в течение долгого времени. Горы считались обиталищем богов.

Куманб.— На трех горах Кумано в нынешней префектуре

Вакаяма находились три знаменитых синтоистских храма. Построены в эпоху Нара. Постоянное место паломничества.

Стр. 27. *...Наримаса, правитель дворца императрицы...*— Тайра Наримаса исполнял должность мажордома (дайдзин) в доме императрицы Садако. Он оставался преданным ее слугой даже тогда, когда после смерти своего отца императрица впала в немилость (см. предисловие). В ожидании родов она вынуждена была покинуть императорский дворец, так как по синтоистским воззрениям роды считались «скверной». Собственный ее дворец сгорел, и Наримаса предоставил ей свой дом. Желая достойно принять императрицу, он поставил ворота на четырех столбах, что по рангу ему не полагалось. Переезд совершился девятого числа восьмой луны 999 г.

Стр. 28. *Церемониальный занавес.*— Занавес (китё) загоразживал знатных дам от постороннего взгляда. Согласно придворному этикету, глядеть на них не полагалось. Невысокий занавес мог свободно передвигаться по полу. Он состоял из нескольких полотнищ, подвешенных к горизонтальной палке и украшенных кистями. Палка эта была прикреплена к стоячей подставке.

Уж не говорите ли вы об Юй Дин-го? — Как рассказывается в «Истории ранней ханьской династии» Бань Гу (32—92 гг.), один человек поставил высокие ворота перед своим домом в предвидении того, что потомки его удостоятся самых высоких почестей и будут ездить в колесницах с балдахином. Сын его Юй Дин-го действительно стал первым министром. Наримаса допускает неточность, спутав отца с сыном.

Опочивальня наша находилась...— Дом знатного человека представлял собой ансамбль зданий, ориентированных по частям света. Главный вход находился всегда с южной стороны,— следовательно, северные покои помещались в глубине дворца. Деревянный одноэтажный дом стоял на столбах. Столбы вверху и внизу соединялись при помощи четырехугольных балок — «нагэси». На нижних нагэси часто сидели, как на скамьях. Такие рамы были необходимы, чтобы навесить легкие перегородки: скользящие панели, щиты, шторы, занавеси и т. д. В большом ходу были ширмы и всевозможные экраны. Вокруг дома шли узкие террасы и более широкие, с балюстрадами. К ним примыкали «хисаси» — длинные комнаты вроде галерей, под самым скатом крыши. Именно в них обычно помещались фрейлины, для господ отводились внутренние покои. Флигели и павильоны соединялись между собой галереями и переходами. Кровли покрывали черепицей или кипарисом. На отлакированном до блеска полу расстилались циновки. Пол был предметом особой заботы, ведь на нем сидели и спали. В большом ходу были решетчатые щиты (ситóми), пропускавшие свет и воз-

дух, но непроницаемые для чужих глаз. Верхняя створка их могла подниматься. Ситоми играли роль наружной перегородки (вместо стен и окон), а также садовой ограды. Во дворе разбивали сад, устраивали пруд с островом и перекидывали мостики. Очень ценились декоративные деревья.

Стр. 29. *Маленькая принцесса* — Осаки, дочь императрицы (род. в 996 г.).

Стр. 30. *Тюнагби*. — Члены Государственного совета носили звания: дайнагби (старший советник), тюнагби (второй советник), сёнагби (младший советник). Дайнагон и тюнагон — высокие чины, вроде тайного советника; сёнагон — не выше титулярного советника.

Речь идет о тюнагоне Тэйра-но Корэнака, старшем брате Наримаса.

Госпожа кошка, служившая при дворе... — Кошки в тогданую пору были еще редким зверем и очень ценились, их ввозили с материка. Известно, что роды одной из любимых кошек императора Итидзэ сопровождалась молебствиями и ритуальными обрядами.

Шапка чиновника — часть церемониального наряда. Такую шапку носили чиновники пятого ранга и ниже. Она делалась из прозрачного шелка, к шапочке с плоской тульей прикреплялись сзади две ленты: одна — торчащая в виде крыла, другая — ниспадающая на спину.

Мёбу — звание фрейлины среднего ранга.

Стр. 31. *То-но бэн* — начальник куродо и цензор. Стоял во главе дворцового штата прислуги. Речь идет о Фудзивара Юкинари (971—1027), близком друге Сэй-Сёнагон.

Третий день третьей луны — один из пяти «сезонных праздников». В современной Японии праздник девочек.

Стр. 32. *В каком образе возродится он теперь?* — Буддизм учит, что душа (духовная сущность) проходит через ряд земных воплощений. Карма, т. е. высший закон возмездия, предопределяет, в каком образе возродится душа.

Стр. 33. *Столовый зал* — одно из подсобных помещений, примыкал к трапезной. В нем находился большой стол, на который ставили подносы с кушаньем.

Первый день года и третий день третьей луны... — Здесь перечисляются главные «сезонные праздники». *Седьмой день седьмой луны* — Праздник встречи двух звезд (Танабата). Согласно легенде китайского происхождения, Пастух и Ткачиха (звезды Вега и Алтаир), полюбив друг друга, стали небрежно относиться к своему труду. В наказание небесный владыка поместил их по разные стороны Небесной реки (Млечного Пути), и лишь раз в

год, в седьмую ночь седьмой луны, им позволено встретиться. Небесные сороки строят из своих крыльев мост через реку, но если пойдет дождь, встреча супругов не состоится.

Девятый день девятой луны — праздник хризантем (тёё-но сэкку). В Китае хризантема считалась символом долголетия, этому цветку приписывалась магическая сила. В Японии церемониальный банкет по случаю Дня хризантем состоялся во дворце, как сообщают летописи, в 686 г., с музыкой, танцами, сочинением стихов. Присутствующие вкушали «хризантемовое вино» из «хризантемовых чарок».

...хлопья ваты на хризантемах... — На хризантемы с вечера накладывали хлопья ваты, чтобы они пропитались утренней росой. Отираясь этими хлопьями, согласно поверью, смывали с себя старость и болезни.

Стр. 34. *...с таблицами в руках...* — Таблицу (сёку) держали в правой руке. Эта узкая дощечка длиной в тридцать шесть сантиметров, из слоновой кости или дерева. Первоначально служила для того, чтобы записывать повеления государя, потом приобрела чисто церемониальный характер.

...исполняют церемониальный танец... — Ритуальный танец благодарения, восходящий к очень древнему обряду, включает в себя малые и двойные поклоны, повороты направо и налево, приотпывания и т. д.

Хотя караульня в нынешнем дворце... — Временный дворец, куда император переселился после пожара, случившегося в четырнадцатый день шестой луны 999 г.

Тюдзэ — второй (по старшинству) начальник гвардии, высокий чин четвертого ранга.

Стр. 35. *Горы Огура...* — Здесь перечисляются горы, носящие поэтическое, любопытное или странное название. Есть предположение, что названия гор подбирались так, что получались как бы короткие диалоги.

Прекрасная гора Охирэ. — В синтоистском храме Ивасимидзу (иначе Явата), посвященном богу Хатиману (обожествленному императору Одзин), в третью луну исполнялась песня и пляска Охирэ.

Храмы Хасэ. — В буддийском храме Хасэ (Хацусэ) возле г. Нара находилось чтимое паломниками изображение богини милосердия Кáннон (Бодхисаттвы Авалокитешвары) с одиннадцатью ликами. Согласно легендам, принимала на земле разные образы, чтобы помочь людям. Бодхисаттва — существо, достигшее святости, но еще не освободившееся полностью от уз всего земного.

Стр. 36. *Море пресной воды.* — Имеются два объяснения: 1. Большое озеро вообще. 2. Озеро Бива.

Море Ёса — залив Миёцу в уезде Ёса провинции Тánго.

Море Кавафúти — неизвестно.

Стр. 37. *Императорские гробницы* (мисасаáги).— Над местом захоронения императора или императрицы насыпались высокие курганы. Какие гробницы имеются в виду — неизвестно.

Чертоги.— Неясно, имеются ли в виду чертоги или мечи. Оба эти слова звучат одинаково (тáти).

Врата левой гвардии — иначе врата Ёмэймóн в восточной ограде императорского дворца. Далее перечисляются дворцы знатных людей, например Коитидзё — Малый дворец на Первом проспекте.

Стр. 38. *Дворец Сэйрёдэн* («Чистый и прохладный»).— В нем обычно проживал император. Этот дворец можно и сейчас увидеть в Киото в реконструкции XIX в.

В северо-восточном углу дворца Сэйрёдэн...— Северо-восточное направление считалось открытым для злых демонов, и страшная картина призвана была их отпугивать. На ней были изображены фантастические уроды на тему китайской легенды. Длиннорукие существа, сидя на спине длинноногих, ловко хватают рыбу прямо в волнах бурного моря.

Китайская накидка (караáину) — верхняя накидка с широкими рукавами, принадлежность парадного костюма фрейлины.

Сигоми.— См. прим. к стр. 28.

Стр. 39. *Пусть луна и солнце...*— Дайнагон опустил последний стих танки «Храм богов священный», которая находится в 13-м томе сборника «Манъёсю» (VIII в.), потому что переадресует стихотворение юной императрице.

Мимурó — священные горы в провинции Ямáто, где находятся храмы и царские усыпальницы.

Нанива́дзу — гавань возле нынешнего г. Осака. Старинная танка, известная под именем «Нанивадзу», упоминается в знаменитом предисловии поэта Ки-но Цураюки к антологии «Кокýнсю» (X в.). Обучение письму начинали обычно с этой танки: «В Нанивадзу здесь // Вот уж зацвели цветы! // Зимний сон прошел... // Дни к весне пошли теперь! // Вот уж зацвели цветы». (Перевод Н. И. Конрада.)

Промчались годы...— танка из антологии «Кокýнсю», принадлежит Фудзивара-но Есифуса, который, любясь веткой цветущей вишни, сложил это стихотворение в честь своей дочери-императрицы.

Стр. 40. *Император Энъю* (годы правления 969—984) — отец императора Итидзё. Отрекся от престола и принял монашеский сан.

Стр. 41. *Сáйсё* — звание фрейлины высшего ранга.

Император Мураками.— Годы правления 947—967.

Сэньёэн-но нёго — младшая императрица из дворца Сэньёэн. В обычае было именовать знатных женщин согласно дворцу, где они проживали.

Левый министр.— Светскую власть в стране возглавлял большой Государственный совет, в состав которого входили главный министр, Левый и Правый министры, министр двора и советники разных классов. Подлинным правителем страны в хэйанскую эпоху был, однако, канцлер или регент из рода Фудзивара.

День удаления от скверны (ими-но хи) — синтоистский обычай ритуальных запретов. В эти дни не покидали свой дом, не принимали гостей и писем, воздерживались от увеселений, не ели мяса, чтобы появиться перед богами «чистым от скверны» или чтобы избежать беды.

Стр. 43. ...*в должности найси-но сукэ.*— Во главе многочисленного придворного штата фрейлин находилось десять титулованных дам. Найси-но сукэ — низшая из этих должностей.

Стр. 44. *Пляска пяти танцовщиц (Госёти).*— Исполнялась во время одиннадцатой луны по случаю праздника первого вкушения риса нового урожая или же по случаю первого поднесения богам нового риса вновь взошедшим на трон императором.

...*чтобы изменить направление пути.*...— «Изменение пути» (*ката-тагаэ*) — одно из средств защитной магии. Перед путешествием обычно обращались к гадателю, который вычислял, не грозит ли дорогу в этот день одно из грозных божеств неба (*накагами*), весьма чтимых в древней магии. Нужно было сначала поехать в другом, безопасном направлении, по пути остановиться в чужом доме, а потом уже держать путь куда нужно. В чужой дом отправлялись для того, чтобы избавиться от ритуальных запретов (*ими-но хи*).

День встречи весны — канун «сезонного праздника» прихода весны (*Риссён*). Справлялся в начале февраля по нашему стилю. Считалось, что в это время злые духи особенно опасны, поэтому люди часто не оставались в собственных домах.

Стр. 47. *Целебный шар кусудэма* — средство магической медицины. Украшенный искусственными цветами и кисточкой из пятицветных нитей круглый мешочек наполнялся разными ароматическими веществами, и в праздник Тэнго (пятый день пятой луны) его подвешивали в спальном покое, чтобы отгонять недуги.

Кологушка счастья.— Делалась из железа или меди; символически изображала небесное оружие против недугов. Применялась при магических заклинаниях.

Стр. 49. *«Охотничья одежда» (каригину).*— В старину надевалась для охоты, впоследствии принадлежность повседневного

костюма знатных людей. Род длинного кафтана с разрезами по бокам.

Стр. 50. *Сёдзи* — скользящие решетчатые рамы, оклеенные бумагой, служат вместо наружных стен и внутренних перегородок.

Стр. 51. *Кормить воробьиных птенчиков*.— Было в моде выкармливать ручных воробышков, которых так легко задавить.

Стр. 52. *...листья мальвы*.— Мальва напоминает о празднике Камо.

Прекрасное изображение женщины на свитке...— На горизонтальных свитках (эмáкимоно) обычно изображались сцены из популярных романов. Текст писался каллиграфическим почерком на цветной бумаге.

Пишешь на белой и чистой бумаге из Митиноку...— Эта плотная шероховатая бумага готовилась из коры бересклета в северной области Митиноку.

Стр. 54. *Ярлычок с надписью «День удаления»*.— Делался из дерева ивы и прикреплялся у мужчины к шапке, у женщины к волосам или к рукаву в знак того, что к ним нельзя приближаться. Иногда для этой цели служил листок айра или кусочек алой бумаги.

«Восемь поучений».— Толкование буддийской Сутры лотоса (Саддхарма пундарика сутра). Читались в течение четырех дней, дважды в день, утром и вечером.

«Приношение в дар святых книг».— Верующие с душеспасительной целью переписывали и приносили в дар священные буддийские книги. По этому случаю в храме служили молебствие.

Стр. 56. *Храм Бодхи*.— Согласно индийской легенде, Будда Гаутама, сидя под деревом бодхи (санскр.), постиг высшую мудрость, открывающую путь спасению. Будда — букв. просветленный истиной, существо, достигшее полного совершенства; легендарный основоположник буддизма Сиддхартха Гаутама, Шакья-мүни, якобы живший в середине I тысячелетия.

Лотос — буддийский символ чистоты и райского блаженства. Будда изображается сидящим на лотосе.

Тайсё (полководец) — высший военный чин.

Стр. 57. *Близилась середина шестой луны*...— Хронологически действие происходит в шестом месяце 986 г., это самая ранняя дата в «Записках у изголовья». Именно тогда произошел дворцовый переворот: император Кадзан был вынужден постричься в монахи, и на престол возвели шестилетнего Итидзё, сына монаха-императора Энью.

Стр. 58. *Тюнагон Ёситика*.— Происходил из рода Фудзивара, находился в родстве с царствующей семьей. После падения императора Кадзана постригся в монахи всего тридцати лет от роду.

Стр. 59. *То-дайнагон*.— Имеется в виду Фудзивара-но Тамэмичу. То — китайское чтение первого иероглифа фамилии Фудзивара.

Сэйхэн (962—999) — знаменитый буддийский проповедник.

Стр. 60. *«Удалились люди сии — и хорошо сделали!»* — Слова из притчи, помещенной в Сутре лотоса. Как-то раз, когда Шакья-муни читал проповедь перед толпой в пять тысяч человек, один из слушателей встал и удалился. Шакья-муни сказал своему ученику Шарипутре: «Подобные ему присутствуют здесь лишь для пустой похвалы. Удалился человек сей — и хорошо сделал».

Стр. 61. *Надо написать ей письмо...*— Обычай требовал, чтобы мужчина, вернувшись домой после любовного свидания, немедленно послал письмо своей возлюбленной. А она должна была сразу же ответить ему.

«На молодых ростках конопли...» — песня из антологии IX (?) в. «Старые и новые песни в шести томах» («Юкинрокудзё»). «Пока не блеснет роса // На молодых ростках конопли, // Я не покину тебя. // Пускай увидят родные твои, // Как я ухожу на заре».

Стр. 62. *Хяги* (леспедеца двуцветная) — род кустарника. Лиловато-розовые цветы на его длинных гибких ветках распускаются осенью. Воспеты в японской поэзии.

Стр. 63. *Сякура* — японская декоративная вишня.

Померанец неразлучен с кукушкой...— Померанец и кукушка так сочетаются между собой в японской поэзии, как в персидской — соловей и роза. Кукушка (*cuculus poliocephalus*) в Японии считается певчей птицей. Голос ее слышен ночью и на заре. По народным поверьям, она поет и в царстве мертвых.

Ян Гуй-фэй — прославленная в китайской поэзии красавица. Была фавориткой императора Сюань-цзуна (VIII в. н. э.), казнена во время большого мятежа. Согласно легенде, на сюжет которой написана поэма Бо Цзюй-и «Вечная печаль», император Сюань-цзун послал мага-волшебника в обитель бессмертных, чтобы призвать свою возлюбленную к себе. Ян Гуй-фэй вышла к магу: «Одиноко-печален нефритовый лик,— // плачет горько потоками слез. // Груши свежая ветка в весеннем цветку, // что стряхнула накопленный дождь». (Перевод Л. Эйдлиха.) Возвращение в смертный мир для Ян Гуй-фэй уже невозможно. Сэй-Сёнагон цитирует не совсем точно.

Стр. 64. *Прославленный китайский феникс* — сказочная птица с пятицветным оперением, приносящая счастье.

Ясенка (японская мелня) — растение с мелкими лиловатыми цветками.

Храм Хацусэ (Хасэ).— См. прим. к стр. 35. В храмовых рощах обычно устраивались пруды.

Пруд Сарусэва.— В сборнике новелл «Ямато-моногатари» (X в.) повествуется о том, как покинутая одним императором девушка утопилась в пруду Сарусэва. Какимото-но Хитомаро (? — 709), великий поэт древней Японии, создал танку, в которой выразил печаль императора: «Милой моей // Эти спутанные волосы // В пруду Сарусэва, // Словно жемчуг — водоросли... // О, как грустно мне!» (Перевод Е. М. Колпакчи.)

«*Спутанные волосы*» на ложе любви — эротический образ, бытовавший в китайской и японской поэзии.

Стр. 65. *Трава микүри* — ежеголовка ветвистая. Нередко упоминается в японской поэзии. Любящий гибнет в разлуке, как вырванная с корнем трава микүри.

Пруд Хара.— В народной песне поется о том, чтоб не срезали водоросли на пруду, ведь на него слетаются дикие утки.

...*пятый день пятой луны*.— В день праздника пятого дня пятой луны чернобыльник и айр клали на кровлю, подвешивали к застрехам, прикрепляли к одежде, чтобы отогнать недобрые силы. Позже айр заменили присом. Айр — род душистого тростника с длинными белыми корнями. Цветет в начале лета мелкими желтыми цветками, потом появляется пушистый стебель.

Стр. 66. *Тасобанокй* (фотиния) — вечнозеленый кустарник.

Сакакй — клейера японская, синтоистское священное дерево, упоминаемое в древнейшем солнечном мифе.

Стр. 67. *Асунаро* — туопсис японский.

«*Священная вершина*» — гора Митакэ. См. прим. к стр. 26.

«*Мышь колобки*» — бирючина; *дуб-сий* — литокарпус Зибольда; *белый дуб* — дуб мирзинолистный, вечнозеленое дерево.

Стр. 68. ...*предание о том, как Сусаноб-но микото прибыл в страну Идзумо*...— Древний японский миф гласит, что Сусанно, младший брат богини солнца Аматэрасу, изгнанный с неба за свой буйный нрав (он был богом ветра), прибыл в страну Идзумо, где победил восьмиглавого змея, которому должны были принести в жертву прекрасную деву. Неизвестно, какое отношение имеет белый дуб к этой легенде.

Стихотворение Хитомаро.— Оно гласит: «Пускай дорога в горах // Длинна, словно хвост фазана, // Теперь ее не узнать. // Белого дуба ветви // Снегом занесены».

Юдзуриха — вечнозеленое дерево.

Я позабуду тебя...— Листья юдзуриха не краснеют осенью, — следовательно, любящий дает обет любить вечно.

Соловей (угуйсу) — короткохвостая камышовка, лучшая певчая птица Японии. В переводах на европейские языки традиционно называется соловьем.

Милякодбри — дальневосточный кулик-сорока, прославлен в японской поэзии.

Стр. 69. *Птица-искусница* (такумидбри) — разновидность иволги.

Мандаринки. — Любовь мандаринских уток прославлена в поэзии Китая и Японии.

Кулик (тидори) — ржанка из семейства куликов. Воспета в японской поэзии.

Стр. 70. *Уноханá* — *Deutzia crenata*. Кустарник, на котором ранним летом распускаются гроздья белых цветов.

Стр. 71. *Насекомые* — по-японски «муси», в народном представлении низший разряд живых существ: насекомые, пресмыкающиеся, ракообразные и гельминты.

«Битая скорлупка» — маленький рачок (капрелла), живущий в морских водорослях.

Миномуси — мешочница (лепидоптера), мелкая бабочка. Гусеницы окукливаются в чехле, которые они делают из листьев и стебельков. Никаких звуков не издают, народное поверье путает мешочницу с цикадой.

«Жук-молотильщик» — рисовый долгоносик.

Муравей... бегаёт по воде... — Муравьи по воде не бегают, имеются в виду водяные клопы или жучки-вертячки.

Стр. 75. *«Женщина украшает свое лицо...»* — Перефразированная цитата из «Жизнеописаний мстителей» китайского историка Сыма Цяня (145—86 гг. до н. э.): «Некий Юй Жан, поклявшись отомстить за смерть своего господина, сказал: «Доблестный муж умрет ради друга, который понимает его. Женщина украшает себя для того, кто любит ее».

...«Ива у реки Адо...» — Цитата из стихотворения поэта Табито (антология «Мангёсю», т. 7): «Падает на землю град... // В Оми, дальней стороне, — // Ива у реки Адо, // Нож ту иву не берет, // Срежут — вновь она растёт, // Ива у реки Адо». (Перевод А. Е. Глускиной.)

Стр. 76. — *Разве не сказал некогда...* — Государственный деятель из рода Фудзивара, Кудзё-но Моросукэ (908—960), написал в завещании постомкам: «Во всем обиходе, будь то одежда и шапка или экипаж и кони, надлежит довольствоваться тем, что есть под рукой. Не ищи лучшего».

«Не стыдись исправлять самого себя.» — Цитата из книги «Суждения и беседы», где собраны высказывания китайского философа Конфуция (551—479 гг. до н. э.).

Сикибу-но омёто — придворная дама из свиты императрицы.
Стр. 77. «*О, это, верно, Норитака!*» — Фудзивара Норитака служил при дворе в должности куродо.

Стр. 78. *Конь цвета метелок тростника* — сивая масть, смесь белой и темной шерсти.

Стр. 80. *...гудят луки стражников...* — Злые духи якобы боялись гудения тетивы.

...стука сапогами. — В хэйанскую эпоху знатные люди носили сапоги и туфли из материи и кожи, а люди низших сословий — соломенную обувь.

Стр. 82. *Кумано.* — См. прим. к стр. 26.

Стр. 83. *Река Асука.* — У этой реки изменчивое русло. Прославлена в японской поэзии как метафора изменчивости любви и человеческой жизни.

Ама-но кавара — «Небесная река». — Танка поэта Арива́ра-но Нарихи́ра (825—880) гласит: «Охотника долгий путь. // Сегодня к звезде Ткачихе // Я попрошусь на ночлег. // В скитаньях моих неприметно // Пришел я к «Небесной реке». «Небесная река» — так называется Млечный Путь, отсюда игра слов.

Стр. 84. *Шапка-эббси* (буквально: «ворон») — высокий колпак из черного туго накрахмаленного прозрачного шелка.

Стр. 85. *Трава омодака* — стрелолист. *Трава «циновка для пиваок»* — водяная петрушка.

Стр. 86. «*Опрометчивая трава.*» — Возможно, имеются в виду прибрежные травы вообще. *Трава «безмятежность»* — разновидность папоротника. *Трава «смятение сердца»* (синобугусá) — служила для окраски тканей. Получался путаный узор пестрой окраски. В японской поэзии — метафора смятенного сердца. *Плаун «в тени солнца»* — плаун булавовидный. «*Лилия морского берега*» — кринум японский. *Мелкий тростник* — низкорослый аланг-аланг; «*Лунная трава*» — коммелина, из нее добывалась нестойкая краска для тканей. *Оминабси* — патриния.

Стр. 87. «*Рукоять серпа*» — разновидность амаранта. *Цветок «гусиная кожа»* — разновидность дикой гвоздики, на глицинию непохож. *Вьюнок «вечерний лик»* — тыква-горлянка. *Сусуки* — пампасная трава высотой до двух метров. Осенью выбрасывает колос, цветущий мелкими желтыми цветочками.

Стр. 88. *Сердце матери, у которой...* — На горе Хиэйдзán возле Киото находились буддийские монастыри. Ученичество буддийского монаха длилось двенадцать лет. В это время он не мог спуститься с горы и увидеться с женщиной, даже собственной матерью.

Стр. 90. *...ручка топора и та истеет.* — В китайском сочинении «Описания удивительного» (IV—V вв.) рассказывается старинная легенда, проникшая и в японский фольклор. Некий дровосек

Ван Чжи засмотрелся в горах на то, как бессмертные отшельники играют в пашки. За этот, казалось бы, недолгий срок истлела ручка его топора и умерли все люди его времени.

Как говорится в стихотворении «О бегущей под землей воде».— Далее для удобства читателя в прямых скобках помещены строки знаменитой в то время танки, которые Сэй-Сёнагон не приводит, как хорошо всем известные: «В сердце моем кипят // Ключом подземные воды, // Я безмолвно люблю. // То, что не высказал я, // Сильнее того, что сказал».

Стр. 92. *Покои в галерее до того тесные...*— Речь идет, возможно, о девочке-служанке, пришедшей из собственного дома фрейлины.

Стр. 95. *«Голосом осени ветер поет».*— Слова из стихотворения, написанного по-китайски японским поэтом Минамото-но Хидэкира (? — 940): «Пруд снова прохладен. // В летний зной он стоял без воды. // Сосен шумят вершины. // Голосом осени ветер поет».

Монах, который подносит государю...— В первый день Зайца после Нового года императору с пожеланием долголетия подносили посохи (удзуб), нарезанные из деревьев персика, сливы, камелии и т. д. Заяц — один из двенадцати циклических знаков (мышь, бык, тигр, заяц, дракон, змея, конь, олен, обезьяна, петух, пес, кабан), служащих для исчисления времени. Эти названия носят годы, дни и часы.

Микабура — ритуальные песни, пляски и священные мистерии, исполнявшиеся в синтоистских храмах.

Стр. 96. *Предводитель отряда стражников, которые ведут коней...*— Во время шестой луны в храме Гион справлялся праздник умилоствления богов, особенно бога Сусаноо (см. прим. к стр. 68). Из дворца торжественно приводили коней. Предводитель кортежа был украшен цветами.

Дни поминовения святых имен Будды...— В течение трех дней, начиная с девятнадцатого дня двенадцатой луны, возглашали все имена Будды трех миров: настоящего, прошедшего и будущего. В эти дни надлежало предаваться посту и покаянию.

Рассказываемые события относятся к 994 г.

...там начался концерт.— Перечисляются инструменты старинной придворной музыки гагаку. Музыка эта, исполнявшаяся при дворе, представляла собой сложный сплав корейской, китайской и индийской музыки с японскими напевами. В ансамбле участвовали певцы, хор и танцоры.

Бива — род четырехструнной лютни; была заимствована из Китая в VIII в. Четыре струны натянуты на резонатор, несколько напоминающий мандолину. Играют на бива при помощи плектра.

Цитра-со (со-но котó) — тринадцатиструнный музыкальный инструмент (к и т.— чжэн), завезена в Японию из Китая.

...*господин Цунэфуса*... — Минамото-но Цунэфуса (968—1023). В то время второй начальник (тюдзё)левой гвардии. На стр. 186 ошибочно назван тюдзё Правой гвардии. Близкий друг Сэй-Сёнагон. Как сообщается на стр. 331, это именно он выкрал рукопись у автора и снял с нее копию.

.. *его светлость дайнагон*... — Фудзивара Корэтика, брат императрицы Садако.

Голос люгни замолк... — Стихи в неточном переводе на японский язык из знаменитой поэмы великого китайского поэта Бо Цзюй-и «Пипа́» (музыкальный инструмент, напоминающий лютюю).

Плывя ночью по реке, поэт и его гость услышали, как кто-то играет на пипа́. «Замолкла пипа, и опять тишина, // и мы спросить не успели». (Перевод Л. Эйдлина.) Оказалось, что играла одна из столичных певиц, потерявшая былую красоту и вынужденная скитаться по рекам и озерам.

Стр. 97. *То-но тюдзё* — старший куроодо и начальник Правой гвардии. Речь идет о Фудзивара-но Таданобу. Славился своим поэтическим талантом и, возможно, был одно время возлюбленным Сэй-Сёнагон.

Стр. 98. *Словно рассказ в «Исэ-моногатари*... — «Исэ-моногатари» — одно из самых замечательных произведений классической японской литературы, сборник новелл со стихами-танка. Приписывается поэту Аривару-но Нарихира.

В Зале совета, в пору цветов... — Цитируется строка из стихотворения Бо Цзюй-и: «В Лушани дождливой порой провожу ночь один в хижине, крытой травой». Изгнанный поэт обращается к далекому другу: «В Зале дворца, в пору цветов, // Вы под парчовой завесой. // Я — в Лушани, в дождливую ночь, // В хижине, крытой травой».

Обычно дамы были незнакомы с китайской поэзией и по-китайски не писали. Сэй-Сёнагон знает это стихотворение, но решает в ответ сочинить японские стихи на ту же тему и написать их японскими знаками.

Гэн-тюдзё. — Гэн — китайское чтение первого иероглифа фамилии Минамото. Тюдзё — воинский чин. Имеется в виду Минамото-но Норика́та, сын левого министра.

Стр. 100. *«Неужели эта безобразная кличка...»* — Знатным женщинам давали прозвища дворцов или дворцовых покоев, где они проживали. Кличка «Травяная хижина» звучала издевательски.

Помощник начальника службы ремонта Норимичу. — Татибана́ Норимичу, как считается, бывший муж Сэй-Сёнагон (см. предиде

словие). Служба ремонта следила за сохранностью дворцовых зданий.

...старались приставить начальную строфу...— чтобы получилось пятистишие — танка.

Стр. 101. *Умэцубб* — «Грушевый павильон», был расположен к северу от дворца Сэйрёдэн.

Госпожа Микусигэдэнб — младшая сестра императрицы, хранительница ее гардероба.

Стр. 103. *Западная столица* — западная часть Хэйана, в то время заброшенная. То-но тюдзё должен был отправиться туда по дороге во дворец, чтобы избежать несчастливого направления.

Судзуси и Накатада — герои популярного романа «Дуплистое дерево» («Удубо-моногатари»), сюжет которого содержит в себе сказочные мотивы. Накатада претерпел в детстве большие лишения, он жил со своей матерью в дупле дерева, служившем берлогой для медведя. Мальчик удил рыбу и собирал плоды, чтобы кормить свою мать. В конце концов его отец нашел их и привез обратно в столицу. Замечательный музыкант, Накатада играл на цитре на празднике любования кленовыми листьями и в награду получил в жены дочь микадо.

Соперник его Судзуси был тоже музыкантом. Однажды, когда он на заре играл на цитре, небесная фея спустилась с неба, чтобы послушать его.

Стр. 104.— *Росли ли там «сосны на черепицах»?* (Мох на стене и сосны на черепицах).— Цитата из стихотворения Бо Цзюй-и, в котором описывается заброшенный дворец на горе Ли: «От Западных ворот столицы недалеко...» Имеется в виду столица танского Китая Чанъань.

Стр. 105. *«Чтение священных книг».*— Каждые полгода, во вторую и восьмую луну, во дворце собирались буддийские священники и в течение четырех дней непрерывно днем и ночью читали Сутру совершенной мудрости, состоявшую из шестисот глав. В ней излагались основы буддийского учения.

Стр. 107. *...выщипывает себе брови.*— Хэйанские женщины выщипывали себе брови и вместо них наносили две широких черты на лбу.

Вскоре после того памятного случая...— т. е. когда дамы любовались предрассветной луной (см. стр. 94).

Стр. 108. *«Непрерывные чтения сутр».*— См. прим. к стр. 105.

Стр. 110. — *Хорошо бы устроить в саду настоящую снежную гору...*— Возведение в саду снежной горы, иногда значительной высоты, было одной из любимых забав хэйанских аристократов.

Стр. 111. *«О Каннон Белой горы...»* — Белая гора находилась на севере Японии, в провинции Этидзэн. Славилась красота ее

снежной вершины. В храме на этой горе почиталось изображение богини Каннон. См. прим. к стр. 35.

Стр. 112. *Еле к берегу плывет...*— По-японски рыбачка (ама) и монахиня — омонимы. Отсюда игра слов.

От Принцессы — верховной жрицы...— Принцесса — верховная жрица в синтоистском храме Камо назначалась в начале царствования каждого нового императора.

Стр. 113. *«Жезл счастья»* (удзэуэ).— См. прим. к стр. 95.

...в стране Кбси.— Имеется в виду северная провинция Этидзэн.

Стр. 115. *...размахивая на ходу крышкой от пустой шкатулки.*— Съемные крышки от ларчиков и шкатулок служили вместо подносов.

Стр. 116. *Словно тот монашек, что сказал...*— Видимо, цитируется какой-то народный анекдот, не дошедший до наших дней.

Стр. 117. *Когда куродо... приносит от высочайшего имени сладкие каштаны на церемониальное пиршество...*— Такие банкеты принято было устраивать по случаю назначения нового министра.

Стр. 118. *Одаренный талантами ученый...*— Речь идет о докторе наук (хакасэ). Они состояли в невысоком ранге (пятом или шестом).

Стр. 119. *Хакэма* — в старину кусок материи, обернутый вокруг бедер, впоследствии длинные штаны в складку, похожие на юбку или шаровары.

...как у юных танцоров Оми...— Юные исполнители священных плясок во время синтоистских празднеств носили белую одежду, украшенные синим рисунком, так называемые одежды Оми, и красные ленты на правом плече. Девушки привязывали широкие ленты к поясу.

Стр. 120. *Празднество Госэги.*— См. прим. к стр. 44.

Госпожа Сигэйся (981—1002) — младшая сестра императрицы, супруга наследного принца. Ее подлинное имя Фудзивара-но Гэнси. Проживала во дворце Сигэйся, отсюда прозвище.

Стр. 125. — *Император принес государыне лютню, прозванную Безымянной.*— Хорошие музыкальные инструменты очень ценились, им давали имена.

Господин епископ Рюэн...— Епископу Рюэн, младшему брату императрицы Садако, было в то время всего четырнадцать лет.

Стр. 126. *Гиёдэн* — императорская сокровищница, где хранились самые знаменитые музыкальные инструменты.

Стр. 127.— *Нет, девушка, «лицо которой было полускрыто»...*— Перефразированная цитата из поэмы Бо Цзюй-и «Пипá» (см. прим. к стр. 96). Хозяин (сам поэт) и его гость приглашают

певицу к себе в лодку: «На наш многократный и долгий зов // она наконец явилась. // Безмолвна в руках у нее пипá, // лицо ее полускрыто». (Перевод Л. Эйдлины.)

«Пора расставаться...» — Государыня намеком дает понять, что знает, откуда цитата. Слушающие игру на пипа медлят расставаться: «Хозяину жаль возвращаться домой, и гость забыл о дороге». (Перевод Л. Эйдлины.)

Стр. 131. «Воздержание пятой луны». — Буддийские посты соблюдались в первую, пятую и девятую луны. В это время предавались молитвам и покаянию.

Стр. 132. *На нашем пути находился дом асона Акинобу.* — Такакина-но Акинобу был дядей императрицы Садако с материнской стороны. Асон (асоми) — почетный титул аристократа, а также общее почтительное наименование для особ высших рангов. Акинобу изображается как старосветский сельский помещик.

...какое-то вертящееся приспособление... — жернов для обдирки риса.

Стр. 134. *То-дзидзю.* — То — китайское чтение первого иероглифа фамилии Фудзивара. Дзидзю — придворное звание, приближенно соответствует камер-юнкеру. Здесь имеется в виду Фудзивара-но Киминбу, родственник императрицы Садако.

Стр. 137. *...готовил увеселения для ночи Обезьяны.* — Согласно старинному китайскому суеверию, ночь в цикле шестидесяти, когда соединялись циклические знаки Обезьяны и «старшего брата металла», была зловещей. Чтобы защититься от грозящей беды (в спящего могли проникнуть «три телесных червя»), не следовало спать, и придворные проводили ночь в играх и сочинении стихов.

Стр. 139. «*Единственная колесница Закона!*» — Цитата из Сутры лотоса: «Существует единственная колесница Закона. Не бывает двух или трех». Закон — имеются в виду основы буддийского учения.

«*Среди лотосовых сидений в райском чертоге...*» — Согласно учению буддийской секты Сингон, в Западном раю, где царил бодхисаттва Амитабха, душам уготованы лотосовые сиденья девяти рангов в зависимости от их заслуг в земной жизни.

Стр. 142. *В десятых числах первой луны...* — Описанные здесь события происходили восемнадцатого числа второй луны 995 г. Канцлер Мититака тогда находился на вершине славы и могущества, но он уже был тяжело болен и скончался в восьмую луну того же года.

Стр. 145. *Девушки-унэмэ...* — Избирались для службы во дворце из числа красивейших дочерей провинциальных чиновников.

Унэмэ прислуживали императору за столом, сопровождали его кортеж и т. д.

Но вот появились его сыновья...— Корэтика (дайнагон) и Такайб (в то время самми-но тюдзё, т. е. тюдзё третьего ранга). Мацугими, любимый внук канцлера, был сыном Корэтика.

Стр. 147. *Примерно в час Овна...*— в два часа дня.

Яманой — прозвище Фудзивара-но Митиёри, умер в том же 995 г.

Стр. 148. *На вершине горы Даюй...*— строка из стихотворения, написанного на китайском языке японским поэтом Ки-но Хасэб (851—912). Гора Даюйлин в Китае славилась цветением декоративных слив — мэйхуа.

Стр. 149. *Господин советник Кинто* — Фудзивара-но Кинто (966—1041), крупный деятель культуры. Был известным поэтом, составителем антологий, музыкантом и каллиграфом.

Советник Тосикага — Минамото-но Тосиката (960—1027), известный поэт.

Стр. 150. *Хампи* — род короткой узкой безрукавки, носилась между верхней и нижней одеждой. Опояской служил шнур метра в три длину.

Сугра совершенной мудрости.— См. прим. к стр. 105.

Стр. 152. *Буддийский монах, который...*— То, что он совершает обряд другой (синтоистской) религии в не подобающем ему облачении, кажется странным и оскорбляет глаза.

Стр. 153. *Заставы.*— Устанавливались на границах областей и на важнейших дорогах. На заставах совершался досмотр путников и их поклажи, а в военное время заставы служили для защиты. Ночью ворота запирались.

Стр. 154. *На переправе Эдб...*— Переправа через реку Эдо в уезде Такасэ.

...у водяного риса...— Водяной рис широколистый. Из него плели циновки.

«На реке Такасэ-но Эдб...» — Слова из народной песни сайбара: «Изголовье — рис водяной. // На реке Такасэ-но Эдо // Я срезал этот рис водяной. // Пусть уносит меня волна, // Безмятежно я отдохну».

Стр. 155. *Гора Митакэ.*— См. прим. к стр. 26.

Стр. 157. *Храм Киёмидзу* — знаменитый буддийский храм в г. Киото, в котором чтили богиню Каннон.

«Священное хранилище» — буддийский метафизический трактат, переведенный с санскритского языка на китайский в стихотворной форме.

Стр. 158. *...сквозь решетчатую «преграду для собак»...*— Изначально такие решетки ставились перед лестницей, чтобы бродя-

чие собаки не проникли в дом, впоследствии ими стали отгораживать служебные помещения храма от святилища.

...блистающие лики божества — статуя Каннон с одиннадцатью ликами.

Стр. 159. ...громко загудит раковина.— В буддийских храмах принято дуть в большие раковины, чтобы возвещать часы молитвы.

Стр. 163. *Оплечье — кэса* — принадлежность одеяния буддийского священника. Длинная полоса материи, перекидывается с левого плеча под правую руку.

Стр. 165. *Святой мудрец (хидзири)* — высокий чин, который носили священнослужители буддийских сект Тэндай и Сингон.

Стр. 166. *Буддийские молитвословия*.— Имеются в виду молитвословия (дзую), которые читают монахи секты Сингон с целью отвлечь бедствия.

«*Око всех будд*» — Будда Махавайрочана Татхагата, которого изображали в женском образе. Ему поклонялись в секте Сингон. «Око всех Будд, Великий алмаз, Счастливое предзнаменование, Мать всех Будд» — слова молитвы, обращенной к этому божеству.

Стр. 167. *Храм Явата*.— См. прим. к стр. 35.

Таданобу (То-но тюдэ).— См. прим. к стр. 97.

Стр. 168. *Однажды мы услышали, что его светлость канцлер...*— Действие происходит в 993 или 994 г., но из последних слов дана видно, что он написан после смерти императрицы в 1000 г. и носит характер воспоминания. Скрытый в нем подтекст говорит о непрочности всего земного в буддийском понимании, ведь упорному своим успехом канцлеру Мититака оставалось жить очень недолго.

Стр. 169. *Митинага* — будущий канцлер Митинага (см. предисловие).

Стр. 170. *Семь трав*.— См. прим. к стр. 22.

Миминакусá — ясколка.

...хризантемы «я слышу»...— По-японски «хризантема» (кйку) и «слышу» — омонимы.

Стр. 171. ...*вершат дела, именуемые инспекцией*.— Насчет инспекции ошибка автора или переписчика. Инспекция проводилась во время второй луны. Рассматривались послужные списки гражданских чиновников шестого ранга и ниже, достойнейших повышались в должности, и все завершалось банкетом.

...*господину сэнагону*...— Юкинари делает вид, что принимает прозвище Сэнагон всерьез, как наименование должности.

...*подпись «Миманá-но Нарьюки»*.— В шутку иероглифы имени переставлены: Нарьюки вместо Юкинари.

Стр. 172. *Сатайбэн* — придворная должность, главный секретарь Левого департамента.

Стр. 174. *Луна и осень...*— Строки из траурной элегии, написанной на китайском языке японским поэтом Сугавара-но Фумитоки. В ней говорится: «На южную башню, бывало, он восходил // И там любовался луною. // Луна и осень пришли в назначенный срок, // Но он, куда он сокрылся?»

Стр. 176. *...в час Быка...*— два часа ночи.

«Уж не тот ли обманный крик петуха...» — В «Исторических записках» Сыма Цяня помещен рассказ из эпохи «Борющихся царств» (403—221 г. до н. э.), когда в Китае было несколько отдельных враждующих между собою царств. Мэнчан-цзюнь (правитель Мэнчана), внук Циского князя, был приглашен в могущественное царство Цинь, где он стал министром, но потом навлек на себя подозрение в измене и был вынужден бежать. Он с несколькими спутниками (число их Юкинари указал ошибочно) достиг пограничной заставы Ханьгу, но она была заперта на ночь, а погоня уже настигала беглецов. Тогда один из них закричал петухом, все петухи вокруг отозвались, и ворота открылись.

Стр. 178. *Бамбук «курё»* (т. е. китайский) — бамбук-листокососник, с узкими листьями. В китайской литературе его персонафицируют, называя «другом» и «этим господином». Бамбук «курё» рос в саду возле дворца Сэйрёдэн.

...посадил бамбук в саду и дал ему прозвание «этот господин».— Цитата из поэтического предисловия к стихотворению, написанному по-китайски японским поэтом Фудзивара-но Ацусигэ (X в.).

Стр. 179. *Через год после смерти императора Энью...*— Император Энью, отец императора Итидзё, умер в 991 г. Описываемая сцена имела место во вторую луну 992 г., когда Итидзё было лишь двенадцать лет.

Стр. 180. *Все люди опять...*— Стихотворение из 16-го тома («Плачи») антологии «Кокинсю», принадлежит известному поэту Хэндзё (816—890). Он был монахом. Замшелая ряса (цвета серого моха) — поэтический эпитет к монашеской рясе.

Тодзёмми — т. е. Фудзивара третьего ранга. Была кормилицей Итидзё. В кормилицы к императору избирали знатных дам.

Стр. 182. *«Сугороку» и «го»* — игры китайского происхождения. «Го» очень сложная игра в шашки на доске с многими делениями. Белые и черные шашки окружают и запирают друг друга. В азартной игре «сугороку» каждый из двоих играющих имеет по пятнадцати «коней» и продвигает их вперед в зависимости от числа выброшенных костей, чтобы занять на шашечной доске поле противника.

Стр. 183. *...щипцы для «прощальных огней»!* — «Прощальные огни» зажигались в последний день праздника поминовения душ

Бон (Урабон), когда прощались с душами, якобы вновь посетившими землю. Бамбуковые шипцы для этих костров сжигались, как несчастливые, ими больше нельзя было пользоваться. Отсюда метафора бесполезной вещи.

Императорские послы сидели лицом к северу...— Вероятно, ошибка: на празднике Ивасимидзу они сидят лицом к югу.

О-самбо — ритуальные высокие столики для торжественных пиров или подношений богам.

Раковины-якугай — толстые раковины зеленоватого цвета с черными пятнами. Из них делали чарки.

Стр. 184. *...старую песню страны Адзума...*— Адзума («Восточный край») — общее название восточных провинций на острове Хонсю.

«На берегу Удб» — песня провинции Суруга. Удо — название морского побережья.

...под звуки песни «Маленькие сосны».— Народная песня страны Адзума (см. прим. выше).

Стр. 187. *Сион* — китайская астра. Цвет сион — комбинированный: светлый пурпур на зеленом исподе. Цвет хаги тоже комбинированный: темно-алый на зеленом исподе.

— *Ну нет, все меня там ненавидят...*— Сёнагон считали сторожницей Левого министра (впоследствии канцлера Митинага). В 996 г. в результате дворцовых интриг императрица Садако была вынуждена переехать в Малый дворец на Втором проспекте, принадлежавший ее брату. Сёнагон не последовала за ней.

Стр. 188. *«Я безмолвно люблю».*— См. прим. к стр. 90.

Стр. 189.— *Как-то раз придворные затеяли конкурс загадок...*— При дворе были в большом ходу салонные игры и состязания. Соревнующиеся делились на две группы. Левую и Правую. Счет выигрыша велся по очкам.

Стр. 192. *Чашечка желудя.*— Из желудей добывали краску для траурной одежды, отсюда неприятная ассоциация.

Стр. 193. *Соломенная циновка Идзумо...*— Имела крупное плетение. Циновки в стиле Идзумо, видимо, были лучше подлинных.

...состязания всадников.— В дни празднеств проводились состязания всадников. Соревнующиеся разделялись на две группы: Правую и Левую. Состязались по двое. Надо было обскákat противника и даже выбить его из седла.

...плетешь из бумаги шнурок...— Такой шнурок легко рвался.

Стр. 195. *Лазурит* — один из семи камней, перечисляемых в буддийских книгах как драгоценные.

Стр. 196. *Забор из досок...*— Непонятно, почему он вызывал чувство страха.

Облако зловещего предзнаменования.— Облако необычной формы могло казаться зловещим.

Звезда Копье — одна из звезд Большой Медведицы. Считалось, что она похожа на копье. Следовало избегать того направления, куда оно нацелено.

Наваждение «живого духа».— Согласно распространенному суеверию, душа человека, не только умершего, но и живого, может напасть на ненавистного врага, чтобы причинить ему зло. «Живой дух» якобы покидает тело во время сна, движимый ревностью или чувством мести, и сам человек не знает об этом.

Стр. 198. *...когда они ломают палочки бамбука...*— Дамы-куродо при помощи бамбуковых палочек измеряли рост императора, императрицы, наследного принца. Потом делались куклы в натуральную величину и во время синтоистского ритуала Охарáи (Великого очищения) их погружали в бегущую воду, смывая магическим образом скверну с тех, кого они изображали.

Стр. 199. *Я возгорелась желанием поклониться храмам бога Инáри.*— Храм бога Инари в Киото имел три святилища, главным из которых было среднее, на середине горы. Инари — божество пяти хлебных злаков. Часто изображается как лисица.

Час Змеи — десять часов утра.

Стр. 204. *«Кто б поверить мог?..»* — Цитата неизвестного происхождения.

Стр. 205. *Праздник Танабáта.*— См. прим. к стр. 33.

Немного подумав, он ответил мне...— Таданобу цитирует стихотворение Бо Цзюй-и «Персиковые цветы в храме Далинь». «В четвертый месяц в нашем мире // кончаются цветы...» (Перевод Л. Эйдлина.)

В начале четвертой лунь...— Событие, о котором повествуется, случилось в 995 г., еще во время болезни канцлера Мититака, т. е. на год раньше тех событий, о которых рассказывалось выше.

Роса на рассвете — слезы разлуки...— Цитата из стихотворения, написанного по-китайски знаменитым японским поэтом и деятелем культуры Сугавáра-но Митидзанэ (845—903). Эти слезы, падающие с неба как жемчуг, льет Ткачиха, разлучаясь с Пастухом. Таданобу прочел весною стихи, относящиеся к осени, чем и насмешил Сэй-Сэнагон.

Стр. 206. — *Такой урод, как я, похожий на бога Кацураги...*— Согласно старой легенде, бог Кацураги был так безобразен, что днем не показывался на глаза людям, и потому не докончил строительство каменного моста, который буддийский святой Эн-но гэдзя повелел ему выстроить между горами Кацураги и Кимбусэн.

Стр. 207. *«Сяо в стране Гуйцзи проезжал мимо древнего храма...»* — Из сочинения Оэ-но Асацунá (886—957), японского ученого и государственного деятеля. Сочинение это написано «камбуном», т. е. по-китайски, но снабжено знаками, чтобы его можно было прочесть по законам японского синтаксиса. В старинных китайских летописях сообщается, что Сяо Юнь (VI в.), когда он был правителем Гуйцзи, посетил древний храм, поставленный в честь Цзи Чжа, правителя, чтимого за свою мудрость.

«Он не достиг еще и тридцати...» — Цитата из стихотворения, написанного по-китайски, японским поэтом Минамото-но Хидэкира. Заметив в своих волосах раннюю седину, поэт утешает себя, вспоминая знаменитых людей Китая, которые поседели в молодые годы или рано умерли, не дожив и до тридцати лет.

Стр. 209. *Наверное, вам столько же лет, сколько было Чжу Май-чэню...* — Бань Гу в «Истории ранней Ханьской династии» рассказал о таком случае: один бедный дровосек по имени Чжу Май-чэнь, живший во втором веке до нашей эры, увещевал свою жену, которая решила его покинуть: «Мне уже сорок, но в пятьдесят я буду знатен и богат». Она все-таки ушла от него, а Чжу Май-чэнь так усердно учился, что получил высокий государственный пост. Тогда жена вернулась к нему, была великодушно прощена и повесилась от стыда и раскаяния.

Кокидэн — название покоя во дворце, где проживала императрица. В 996 г. император взял себе новую жену (младшую по рангу) Фудзивара-но Ёсикó, получившую прозвище госпожи Кокидэн.

Утифүси — «простонародное» имя, буквально означает: «прилечь на покой». Используя это слово в его прямом значении, Сэй-Сёнагон делает колкий намек.

Стр. 211. *Сяку* — мера длины, равная 30,3 сантиметра.

Стр. 212. *Празднества в честь богов...* — Эта фраза имеет несколько объяснений: 1) этикет не позволял любоваться праздником, справляемым перед дворцом императрицы; 2) боги присутствуют незримо для глаз. Они и близко, и далеко.

Стр. 216. *...в пору «долгого месяца...»* — Иначе говоря — девятой луны.

Стр. 217. *Луна предрассветная в небе.* — Танка Какиномото-но Хитомаро: «Осенней поры // Луна предрассветная в небе. // С, если б всегда // Мой милый ко мне приходил, // Меня б не томила любовь».

Стр. 218. *Тот, кто пришел бы сегодня...* — Цитата из танки известного поэта Тайра-но Канэмори (? — 990): «Тонет в глубоких снегах // Горное наше селенье. // Заметена тропа. // Тот, кто пришел бы сегодня, // Тронул бы сердце мое».

Снег засыпал вершину горы...— Гость неточно цитирует стих из китайской поэмы: «Утром вышел я в сад Лянского князя, // Снег лежит на многих холмах. // Ночью взошел на башню Юйского гуна, // Лунный свет на тысячу верст».

Снег, и луна, и цветы...— Строка из стихотворения Бо Цзюй-и, где говорится: «Снег, и луна, и цветы // Сильнее будят тоску по тебе».

Стр. 219. *Пенистый вьется след...*— Стихотворение поэта Фудзивара-но Сукэми. В оригинале построено на сложнейшей игре омонимами. Каламбурные стихи были в большой моде.

Госпожа Миарэ-но сэдзи — посланница Верховной жрицы, впоследствии придворная дама.

...«принц Томоёкира».— Окончание «акира» входило в состав имен каждого из братьев императора Мураками, он сам ранее носил имя «Нориакира».

Когда я впервые поступила на службу...— Предположительно это случилось в 993 г., но возможно, и раньше на один — три года. Мнения исследователей по этому вопросу расходятся.

...только на ночные дежурства...— Придворные дамы служили в несколько смен.

Стр. 221. *Ароматное дерево чэнь* — род алоэ, привозимого из Китая. Дерево покрывали несколькими слоями лака и позолотой, украшали узорами (род лака макиё).

...дамы разглядывали картины...— Т. е. свитки эмакимоно (см. прим. к стр. 52).

Стр. 222. — *Я надеялся «тронуть сердце твое»...*— Строка из танки «Тот, кто пришел бы сегодня...» (см. прим. к стр. 218).

Стр. 224. *...кто-то громко чихнул в Столовом зале.*— Согласно распространенному суеверию, если после сказанных кем-то слов один из присутствующих чихнет — это верный знак того, что говоривший солгал. Иногда чихали нарочно.

Бог Тадасу — синтоистский бог, искавший правду и обличавший ложь.

Стр. 225. *Демон Сики* — демон, которого призывали маги, чтобы поразить кого-нибудь проклятием. Сэй-Сёнагон хочет сказать, что случившееся с пей — проделка демона.

Тот, кто первым чихнет в новогодний день.— Это считалось счастливым знаком.

Стр. 226. *Дадзайфу* — большая административная область на юге Японии. Включала в себя острова Кюсю, Ики и Цусима.

Стр. 232. *Путник идет вдаль...*— Перефразированная строка из «Поэмы о рассвете» китайского поэта Цзя Дао (ок. 793—865).

Стр. 235. ...осенний вихрь, «прочесывающий травы на полях»...— «новáки». Для ветра в разные времена года в Японии существует много названий, весьма употребительных в поэзии.

Стр. 236. «О, этот горный ветер!» — Строка из стихотворения известного поэта IX в. Фунъя-но Ясухидэ, который считался одним из шести «Гениев поэзии». Содержится в разделе «Осень» антологии «Кокинсю». «Он дыханьем своим // Губит осенние травы, // Ветки деревьев крушит. // О, этот горный ветер // Бурей можно назвать».

Стр. 241. Рёдзэн — гора к востоку от Киото, где находился чтимый буддийский храм. Название этой горы похоже на слово «Рёдзюээн», как по-японски именуется «Орлиная гора», на которой Шакья-муни читал свои проповеди.

«Логос благого закона» и т. д. — Перечисляются буддийские книги (сутры).

Фугэн (санскр.) — бодхисаттва Самантабhadра, обычно изображается сидящим на белом слоне по правую руку от Будды.

«Благодетельные цари — Нио» — два царя, божества-дэва индийской мифологии, вошедшие в буддийский пантеон как боги-хранители. Статуи царей Нио воинственного и грозного вида помещались по обе стороны ворот, ведущих в буддийский храм.

Стр. 242. Каннон. — См. прим. к стр. 35. Иногда изображается, как подательница щедрог, многорукой, держа в руке колесо, исполняющее желания.

Якусй — Будда, исцеляющий от страданий, покровитель медицины.

Бодхисаттва Мирёку — Майтрейя (санскр.), Будда грядущих времен.

Дзидзё — бодхисаттва Кшитидарха (санскр.) — буддийское божество, сохраняющее детей и путников. Статуи его ставились на дорогах. Популярный персонаж японских сказок.

Мандзю — бодхисаттва Манджущри (санскр.), божество мудрости. Изображается сидящим на льве по левую руку от Будды.

«Неколебимый владыка» — Фудёсон (Фудо-мёо) — грозное божество устрашающего вида, сидящее с мечом в руке посреди языков пламени. Бог-защитник, отгоняющий злых демонов.

Вэньсюань («Изборник») — большой свод китайских стихов и прозы (IV в. до н. э.— VI в. н. э.). Составлен царевичем Сяо Туном около 530 г. Знакомство с этой антологией было обязательным для образованных японцев. Помещенные в ней произведения считались непререкаемыми образцами хорошего стиля.

Синьфу.— «Фу» — особый жанр в древней китайской классической литературе: поэма в прозе (рифмованная). «Синьфу» — новый стиль фу. Возможно, речь идет о новых сочинениях в этом стиле.

«*Записки о пяти императорах*» — первый раздел «Исторических записок» Сыма Цяня о мифических правителях древнего Китая.

«*Сумиёси*» и т. д.— Перечисляются романы, популярные в конце X в. До нашего времени дошел только роман «Дуплистое дерево» («Уцубо-моноготари»).

Стр. 243. *Дхарани* (санскр.) — магические заклинания, которые читали буддийские монахи.

Стр. 244. *Пляска страны Суруга* — народный танец восточной провинции Суруга. Изображал, как небесная фея спускается на землю.

Пляска «Могомэгб» — народный танец восточных провинций, мимически изображал сцену из легенды.

«*Пляска мира*». — Танец заимствован из танского Китая. Его исполняли четыре танцора в военных доспехах.

Танец птиц. — Родина этого танца — Индия. Исполняли его четыре девочки в одеждах из перьев, изображавшие райских птиц с лицом девы.

Пляска «Голова коня» — танец аннамского происхождения. Танцор надевал маску коня.

«*Пляска на согнутых ногах*» и пляска «*Корейское копье*» — танцы, заимствованные из Кореи.

Музыка на струнных инструментах. — См. прим. к стр. 96.

Мелодия «Оживленные ароматы». — Заимствована из Индии; лад «*Трель соловья*» — из Китая.

Мелодия «Лотос первого министра». — Родилась в Китае.

Стр. 245. *Поперечная флейта*. — Существовало несколько разновидностей флейт. Наиболее распространенной была бамбуковая флейта с семью отверстиями. Хорошая флейта считалась величайшей драгоценностью.

Флейта-сё или со (кит. шэн) — бамбуковая флейта из семнадцати стволов разной длины, губной органчик.

Бамбуковая флейта-хигирики — инструмент музыки гагаку, с резким, пронзительным тембром.

Стр. 246. *Помню, однажды во время праздника Камо...* — Имеется в виду «Риндзи-но мацури» — чрезвычайный праздник в последний день Петуха одиннадцатой луны.

В священном храме Камо... — Танка из раздела «Любовь» антологии «Кокинсю». Два последних стиха гласят: «Нет ни единого дня, чтоб о тебе я не думал».

Завязки из белого хлопка (юдасуки).— Их носили на синтоистских праздниках.

Стр. 247. *...«держатели священных шнуров»...*— Императорский паланкин («колесница феникса») был накрыт кровлей, увенчанной золотой луковицей. С четырех углов кровли спадали длинные шнуры.

Наверно, это было замечательно!— Далее часть текста в рукописи неразборчива.

Танец Льва.— Танцор исполнял его в маске льва.

Танец Корейского пса.— Исполнялся в маске «корейского пса» — фантастического зверя, похожего на льва.

Стр. 250. *Расстанутся на вершине...*— Танка поэта Мибу-но Тадаминэ (868—930?) из раздела «Любовь» антологии «Кокинсю»: «Лишь ветер дохнет, // Расстанутся на вершине // Белые облака. // Ужели таким равнодушным // Найду я сердце твое?»

Стр. 252. *Множество женщин, надев себе на голову...*— На головах крестьянок были большие плетеные шляпы, похожие на зонты. Женщины сажали рисовую рассаду.

«Ты не плачь с такой тоской!»— Танка из 8-го тома антологии «Манъёсю»: «Кукушка! // Ты не плачь с такой тоской, // Пока не нанижу я жемчуг майский // И вместе с жемчугом // Печальный голос твой!» (Перевод А. Е. Глускиной.)

Накатада.— См. прим. к стр. 103.

Да, верно сказал поэт...— Неизвестный поэт в разделе «Осень» антологии «Кокинсю». «Кажется // только вчера // Сажали ростки молодые... // Как все изменилось вокруг. // Шуршат, шелестят колосья. // Осенний ветер подул».

Стр. 257. *Вдруг вижу — по дороге от дворца Верховной жрицы...*— После праздника Камо Верховная жрица устранила в своем дворце праздник для высших сановников, начиная от самого канцлера.

Стр. 259. *На Горе...*— Подразумевается «На Горе трех зонтов...» Императрица изобразила зонт на картинке. Таким образом, письмо представляет собой как бы загадку. Микаса («Гора трех зонтов») — намек на посетителя Сэй-Сёнагон.

Однажды, когда императрица временно поселилась...— Действие происходит в пятую луну 1000 г. Собственный дворец императрицы, на Втором проспекте, незадолго перед тем сгорел.

Стр. 260.— *Вот, подаю «через плетень».*— В антологии «Кокинрокудзё» помещена танка: «Напрасно к зеленым росткам // Тянет голову жеребенок // Через высокий плетень. // Так и моей любви // Никогда тебя не достигнуть».

Таё-но мёбу — придворное звание, имя дамы неизвестно.

Стр. 261. *Почтовые станции*.— На проезжих дорогах были устроены станции, где можно было отдохнуть и получить коней и носильщиков.

Яма-но мумай.— Местоположение станции неизвестно. Возможно, что говорится о горных станциях вообще, где во время долгого ожидания путники слушали сказки и рассказы.

Стр. 262. *Святылища богов*.— Перечисляются синтоистские храмы (ясиро), посвященные японским богам.

В Храме криптомерии...— У ворот в храм Мива в провинции Ямато росла знаменитая своей красотой криптомерия.

Бог Котё-но мамá.— Исполнял любые, в том числе и необдуманные желания, которые приносили несчастье просителю. Сэй-Сёнагон приводит лишь второй стих танки. В заключительной строфе говорится: «Теперь стенаньем горьких жалоб // Я рожу огласил твою». Танка эта помещена в 18-м томе антологии «Юкинсю».

Светлый бог Аридоси.— В легенде, которая здесь рассказана, сплетены вместе несколько широко распространенных преданий. Это прежде всего легенда об изгнании или умерщвлении стариков. Один из них доказывает свою великую мудрость, и жестокий обычай отменяется. Видимо, с континента было занесено в Японию предание об искусном мастере, который придумал хитрость, как при помощи муравья продеть нитку сквозь спиральный ход в камне. Такую уловку приписывали в Древней Греции Дедалу — мифическому строителю критского Лабиринта. У Сэй-Сёнагон легенда меняет свою социальную окраску: вместо ремесленника ее героем становится аристократ.

Храм, посвященный богу Аридоси, находится в окрестностях нынешнего города Осака.

Цураёюки — Ки-но Цураюки (859 — 945) — знаменитый поэт, составитель антологии «Юкинсю». Танка его гласит: «Как ведать я мог, // Что в этом, туманами скрытом, // Небе чужой страны // Таится незримо для взора // «Муравьиный ход» — Аридоси?»

Стр. 265. *Малый дворец на Первом проспекте*...— Император переехал туда после пожара, уничтожившего дворец Сэйрёдэн в шестую луну 999 г. Однако все названия служб были сохранены и для Малого дворца, — например, караульня называлась Северной, хотя и была расположена на юге.

Военный министр Такатё — Фудзивара-но Такато (949—1013), был музыкантом и поэтом.

Стр. 266. «*Сосны Такасёго*».— Знаменитая легенда, на тему которой были созданы народные песни, лирические стихи и впо-

следствии пьеса театра Но. Возле бухты Такасаго росли две древних сосны — «черная» и «красная». Согласно древним народным поверьям, в каждом дереве живет дух. Две эти сосны — любящие супруги, стали поэтическим символом верной любви. В 1930 г. «красная сосна», просуществовав около двух тысячелетий, засохла.

Страна Овэри — провинция, расположенная на востоке острова Хонсю. Жители ее имели репутацию грубых, неотесанных людей.

Стр. 267. *«Месяц инея»* — одиннадцатая луна.

Стр. 268. *Переход «Верховая тропа»*.— Некогда служил проезжей дорогой для коней.

Стр. 270. *«Шестизвездие»* — созвездие Плеяд. *Звезда Пастух* — Алтаир в созвездии Веги, прославлена в легенде о Пастухе и Ткачихе. *Падучие звезды*.— Согласно суеверию, занесенному из Китая, женщине опасно глядеть на падучие звезды. Есть еще и каламбурное толкование этих фраз, поскольку «падучие звезды» буквально значат «посещающие по ночам».

«Цвет, исчезающий на заре...» — Источник цитаты неизвестен.

Стр. 271. *Святой мудрец*.— См. прим. к стр. 165.

Жрицы, читающие моления богам.— Жрицы синтоистских храмов (микё) иногда вместо молебствий голосили что в голову придет.

Стр. 272. *Ведунья первым делом...*— Заклинательница, видимо жрица-мико, готовит из белой, пятицветной или золотой бумаги полоски, так называемые гохэй. Полоски эти прикрепляются к жезлу (нусá) или вешаются перед синтоистским святилищем, заменяя собой полотнища, которые в древности приносились в дар богам и получили ритуальное значение. Взмахивая жезлом с бумажными полосками, жрица читает синтоистские заклинания, восходящие к шаманскому обряду.

Стр. 273. *Дни зловещего предзнаменования*.— Дни зловещего или счастливого предзнаменования вычислялись гадателем. Обычай этот не исчез и до сих пор.

...не соблюдают вежливости в письмах! — В эпоху Сэй-Сёнагон как раз закладывались и развивались сугубо вежливые формы языка.

Стр. 283. *...глядя на луну над горой Обасутэ?* — На эту гору в местности Сарасина́ (провинция Синано) принято было любоваться во время полнолуния.

Императрица имеет в виду стихотворение неизвестного автора из 17-го тома антологии «Кюкинсю»: «Нет, даже ты не могла // Сердце мое утешить, // О вершина Обасутэ, // Озаренная полной луною // В далеком Сарасина́».

Некоторое время спустя случились печальные события... — Имеются в виду подозрения, которые навлекла на себя Сэй-Сёнагон, когда после смерти канцлера Мититака образовались при дворе два враждующих лагеря (см. предисловие).

Стр. 284. *Век журавлиный в тысячу лет.* — Журавль считался символом долголетия.

Стр. 285. *Его светлость канцлер повелел...* — Действие рассказа происходит в 994 г., когда канцлер Мититака и его семья еще на вершине могущества. Святилище Сякудзэндзи было основано канцлером, возле него находился дворец на Втором проспекте.

...поставили Льва и Корейского пса... — Статуи Льва и Корейского пса должны были отгонять злых демонов.

Стр. 287. *Госпожа Третья...* — Дочерям было принято давать вместо имен порядковые числа.

Стр. 288. *...«светлой росой увлажненный...»* — Цитата из танки неизвестного поэта: «О вишни весенний цветок, // Светлой росой увлажненный, // Ты, словно красавицы лик, // Когда, разлучаясь с любимым, // Льет слезы она на заре».

...я бы напомнила им слова поэта Канэдзүми... — Сэй-Сёнагон ошибочно приписывает эту танку Канэдзүми. Автор ее известный поэт Сосэй (? — 909). Она помещена в антологию «Госэнсю» (X в.): «Что мне сторож лесной! // Хоть говори, хоть нет, // Ветку цветущей вишни // Я все равно сорву // На горе Сноэ в Такасаго». Для удобства читателей в переводе приведены три стиха вместо одного (добавленные заключены в прямые скобки).

Стр. 289. *...помятый сном «утренний лик».* — «Утренний лик» — род вьюнка.

Стр. 290. *...«узнал ты раньше меня»...* — Цитата из танки: «Когда в глубине гор // Впервые вдруг зазвучали // Ранние соловьи, // Узнал ты раньше меня, // Что снова весна вернулась...» Автором предположительно является поэт Фудзивара-но Нобуаки.

Время пришло возделывать... — Стихотворение Ки-но Цу-раюки.

Стр. 291. *«Не обнажились ли сердца цветов?..»* — Намек на стихотворение Бо Цзюй-и «Долгая тоска в разлуке». Цветы сорвал весенний ветер. Сэй-Сёнагон отвечает цитатой из этого же стихотворения: «Я все думал о вас, // А осенняя ночь бесконечна... // Девять раз в единую ночь // К вам душа моя возносилась».

Стр. 293. *...передние покои на северной стороне Южного дворца* — резиденция канцлера Мититака.

Час Тигра — четыре часа утра.

Стр. 298. — *Нет, скорее конюший сопровождает всадника.* — Насмешка, основана на том, что сайсё — жена начальника государственных конюшен. Это дает фрейлинам повод сравнить Сэй-Сёна-гон с простым конюхом.

Стр. 300. *...в духе старой песни о солеварне Тика...* — Солеварня Тика в Митиноку. Песня гласит: «Курится варница рядом с тобой, // Но соли вкус // До тебя не доходит». Смысл этой старой песни в том, что двое любящих находятся близко друг от друга, но встретиться не могут.

Стр. 301. *«Песни на современный лад»* — имаё-ута — лирическая песня в четыре или восемь стихов. Схема строфы имаё — четверостишие: 7—5—7—5 слогов, возникла под влиянием буддийских песнопений в середине хэйанской эпохи. Исполнялась на придворных пирах. Впоследствии (в XII в.) стала ведущим поэтическим жанром, проникла в народную лирику.

Люблю слушать, как ночной страж... — Специальная служба времени (Токидзукаса) измеряла время при помощи клепсидры, а также наблюдая ход небесных светил. Во главе ее стояли два ученых астронома. Сутки делились на двенадцать часов, а каждый час — на четыре четверти. Часы носили название согласно двенадцати циклическим знакам. Особые стражи времени (токимори) вывешивали на «столбе часов» возле дворца Сэйрёдэн таблицу с указанием данного часа. Кроме того, колокол на башне выбивал определенное число ударов, и ночной страж обязан был возглашать время.

Стр. 305. *Повесть «Комано».* — Утрачена.

Возлюбленный девушки Отикубб — герой «Повести о прекрасной Отикубо» («Откиубо-моногатари»). См. «Волшебные повести». М., «Художественная литература», 1962, с. 141.

Сумею ли забыть? — Цитата из танки, помещенной в антологии «Манъёсю». «Сумею ли забыть?» — все думал я, // И говорил с людьми, // И сердце тешил, // Но не прошла тоска моя, // Я стал любить еще сильнее!» (Перевод А. Е. Глускиной.)

Стр. 306. *«Пускай не знаешь ты...»* — Цитата из танки поэта Минамото-но Нобуакира: «Пускай не знаешь ты, // Как сердце глубоко волнует // Томление любви, // Но неужели в эту ночь // Ты на луну не смотришь тоже?»

Стр. 307. *«Как от дождей прибывает вода...»* — В известном стихотворении, помещенном в антологии «Кокинсю», говорится: «Как от дождей // Прибывает вода // В мелких заливах реки Ёдó, // Там, где срезают камыш, // Так растет и моя любовь».

Стр. 308. *«Стражи грома».* — Во время грозы перед императорским дворцом выставляли особую охрану.

Стр. 309. *...каковы сегодня снега на вершине Сянлу?* — Намек на стихотворение Бо Цзюй-и: «Солнце на небе взошло, // А я все лежу на постели, // Холод в башне царит, // Накинул горой одеяла. // Колокол храма Иай // Слышу, склоняясь на подушку. // Снег на вершине Сянлу // Вижу, подняв занавеску». Сэй-Сёнагон догадывается, что императрица просит открыть окно.

Стр. 311. *«Боюсь, что этой же ночью...»* — Видимо, намек на легенду о том, что некий младший военачальник Фукагава влюбился в красавицу и поэтессу Оно-но Кёмати. Она велела ему в доказательство любви провести возле ее дома сто ночей. Он умер накануне обещанного свидания.

Стр. 313. *Холодом-холодом вея...* — Стихотворение китайского поэта IX в. Гун Чэн-и «Пятнадцатая ночь восьмой луны».

Стр. 316. *Праздник Бон.* — См. прим. к стр. 183. Справлялся в середине седьмой луны.

Его святейшество Домэй (855—920) — буддийский священник и поэт.

Стр. 317. *Магушка светлейшего господина Охара...* — Знаменитая поэтесса (? — 995), создала лирический дневник «Кагэроникки» («Дневник летучей паутины»). Подлинное ее имя неизвестно.

Господин Охара — Фудзивара-но Митицуна (955—1020). Ему принадлежали дворец Охара (?), а также дворец Оно.

Мы рубили дрова... — Танка содержит сложную игру слов. Будда Гаутама некогда выполнял разные работы для одного старого отшельника: рубил дрова на топливо, носил воду и т. д. Во время «Восьми поучений», когда читалась Сутра лотоса, монахи торжественно несли связки поленьев и ведра воды. *Пока не сгниет рукоять топора* — т. е. долгое время.

Аривара-но Нарихира. — См. прим. к стр. 83.

Стр. 319. *Обнажды вечером...* — Время действия 992—994 гг., когда император был еще подростком. Дайнагон Корэтика иногда давал ему уроки.

Стр. 320. *Будит криком...* — В написанном по-китайски стихотворении японского поэта Мияко-но Ёсика (? — 879) говорится: «На рассвете «Человек-петух» будит криком просвещенного монарха». «Человек-петух» (название должности) возвещал зарю, его головной убор был украшен гребнем петуха (древний китайский обычай). Мудрый царь вставал с зарей, чтобы братья за государственные дела.

Путник идет вдаль... — См. прим. к стр. 232.

Стр. 327. *Сад возле обветшалого дома...* — Существует пред-

положение, что Сэй-Сёнагон изобразила ветхое жилище, куда вынуждена была удалиться на склоне лет.

Стр. 331. *Цунэфуса* — Минамото-но Цунэфуса (см. прим. к стр. 96).

Текст, положенный в основу перевода (см. предисловие), содержит в себе 318 основных данов,— в русском переводе исключены 20 данов, не имеющие интереса для читателя. После 296-го дана (согласно нашей нумерации) следует приложение, куда японские редакторы включили даны из разных сохранившихся списков, место которых в книге не могло быть с точностью установлено, и эпилог. Нами переведены все наиболее интересные фрагменты, за исключением отрывочных заметок, видимо, входивших некогда в состав других данов.

Содержание

Предисловие	3
Записки у изголовья	21
Комментарии	332

- Сэй-Сёнагон.**
С95 Записки у изголовья. Пер. со старояпонского Веры Марковой. Предисл. и коммент. В. Марковой. Оформл. худ. И. и В. Сальниковых. М., «Худож. лит.», 1975.

368 с.

«Записки у изголовья» — шедевр классической японской литературы, созданный около тысячи лет тому назад и до сих пор не утративший своего значения.

Это — собрание дневниковых замет, житейских наблюдений, картик природы, нравов и обычаев, оригинальных психологических этюдов.

Автор записок — придворная дама Сэй-Сёнагон, зорко видящая прекрасное в природе, искусстве и жизни.

Неповторимой чертой ее дарования считают тот тонкий юмор, с которым она создала «комедию двора».

Переводится на русский язык впервые.

И (Яп)

70304-162
С 028(01)-75 195-75

СЭЙ-СЕНАГОН

Записки у изголовья

Редактор *С. Прокунина*.
Художественный редактор *Ю. Коннов*.
Технический редактор *В. Иващенко*.
Корректор *Т. Кузина*

Сдано в набор 8.X. 1974 г. Подписано в печать
10.III. 1975 г. Бумага типогр. № 1. Формат
84×108¹/₃₂. 11,5 печ. л., 19,32 усл. печ. л., 18,033
уч.-изд. л. Заказ 81. Тираж 100 000 экз.
Цена 76 коп.

Издательство «Художественная литература».
Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19.

Отпечатано с матриц Головного предприятия на
Киевской книжной фабрике республиканского про-
изводственного объединения «Полиграфкнига» Гос-
комиздата УССР, Киев, ул. Воровского, 24.